

АКАДЕМИЯ МАГИИ

НАТАЛЬЯ МАЗУРКЕВИЧ

НА ВСЕ ОТВЕТ —
ОДИН АДЕПТ
КНИГА ВТОРАЯ

Annotation

Скука осталась позади, но теперь Ани готова многое отдать, чтобы вернуть прежние времена. Неназываемый повержен, Мортен Эншалт больше не слуга в ее замке, проблемы Доминики решены, и ничто не мешает богине тьмы наслаждаться жизнью. Ничто – кроме ревности и боли. И пусть вернуть Мортена к жизни было ее решением, сможет ли Ани отказаться от того, кто стал частью ее сердца? Да и сам Мортен так ли благодарен за возвращение в смертный мир?

- [Наталья Витальевна Мазуркевич](#)
    -
    - [Пролог](#)
    - [Ответ 1. Разочарование](#)
    - [Ответ 2. Надежда](#)
    - [Ответ 3. Обреченность](#)
    - [Ответ 4. Любовь](#)
    - [Ответ 5. Безысходность](#)
    - [Ответ 6. Решимость](#)
    - [Ответ 7. Цена желаний](#)
    - [Эпилог](#)
-

Наталья Витальевна Мазуркевич
На все ответ – один адепт. Книга 2

© Мазуркевич Н.В., 2022

© Оформление. ООО «Издательство «Эксмо», 2022

Пролог

Кровавое зарево рассвета прорезало полотно мрака, накрывшее мир. Еще немного – и брызги золотых капель потекут из стороны в сторону, унося чернильное небо в воспоминания.

Ани была бы рада избавиться от захвативших ее сознание мыслей, но, увы, она была обречена на вечную память. Обречена знать, от чего отказалась. Обречена на вечное одиночество. Таков был привычный порядок вещей, и изменить его никто не был в силах. Даже сама Ани.

Она перевела взгляд на тревожно ворочавшуюся Доминику, не находившую успокоения на узкой кровати, на притихшего на плече у нее, Ани, котенка – добровольно отданный Морьеном дар выбрал для себя такую форму. Ее верный слуга хоть так, но решил с ней остаться. И теперь, верно, маги узнают, что их коллега, даже лишенный своего могущества, того, что было его неотъемлемой частью, может жить. Дышать, ходить, радоваться жизни...

Ани до боли сжала кулаки, не жалея любимое тело. Она не заметила, в какой момент потекла кровь, орошая каплями сухие доски пола.

– М-р. – В плечо впились когти, заставляя отвлечься от охватившей ее злости. Ани моргнула, протянула ладонь, чтобы сбросить пушистого проходимца, слишком многое себе позволявшего, и медленно выдохнула, когда шершавый язык коснулся кожи.

– М-р? – Мордочка котенка была умилительно тревожной. Увы, Ани его старания не оценила. Двумя пальцами подняла хрупкое тельце и ссадила вниз. Выжидаяще на него посмотрела и тихо, обращаясь к самой себе, проговорила:

– Слишком о многом он будет напоминать... – Темное пламя, послушное своей госпоже, объяло ее фигуру, от босых ног до кончиков пальцев. Котенок замер, но взгляда не отвел. В его серых глазах отражалось пламя и рассвет. Он мог бы попытаться убежать, спрятаться под кроватью или прыгнуть к спящей Доминике, но он упрямо сидел и смотрел в глаза своей скорой смерти. – Совсем как он.

Ани отвернулась, успокаивая свой гнев и гася пламя. Бедное животное – хотя никаким животным чужой дар, выбравший для себя

звериную форму, не был – упало на попу. Лапы разошлись в стороны, и, будь пол гладким, котенок прочертил бы на нем полосу, пытаясь подняться.

– Ты останешься, – вздохнула девушка и, повернувшись к зверю, подхватила его под грудкой. – Раз он этого хотел.

Ответ 1. Разочарование

А за окном плыли белые кучевые облака, бороздили бескрайнее голубое небо и отвлекали адептов от медитации. Третьей за день, поскольку и теологию с магистром Эстельдхеймом, и историю магии с магистром Теренсием отменили, а адептов отправили к Маленверу. Последний не сказать чтобы был рад этому обстоятельству, но стоически принял на себя удар, взяв весь поток и отправившись в парк медитировать. Повезло, конечно, не всем. Третья пара была общей лишь у светлых и темных, потому на лужайке, под холодным осенним ветром, остались сидеть лишь избранные – начавшие стучать зубами и бросать тоскливые взгляды на общежитие люди. Ани же спокойно улеглась на холодную траву, не жалея казенного плаща, и смотрела вверх – на небо, облака и слетавшие вниз листья.

Менталист расположился неподалеку. Как и большинство адептов – на коврике, который прихватил в аудитории. Впрочем, специалист уровня магистра Маленвера мог медитировать в любых условиях. Мог, но не любил.

Ани моргнула, и сонная муха, пожелавшая побродить по ее лицу, осыпалась прахом.

– Применение магии во время медитации недопустимо.

Магистр не оставил без внимания чье-то самоуправство. Чье-то, ибо почувствовать такое мелкое влияние на мироздание он не мог. К тому же до слуха девушки донесся чей-то взволнованный вздох.

– Ваша сила в состоянии и согреть вас, и уберечь от порывов ветра. Достаточно обратиться к ней внутри себя, – напомнил магистр. Ани хмыкнула: он говорил об этом не первый раз, но привыкшие влиять на окружающий мир – согревать воздух вокруг, высушивать влажную землю, вызывать огонь – первокурсники не могли пока принять его идей. Каждый нет-нет да и пытался облегчить для себя испытание, влияя на мир вокруг. Пытался – и был наказан.

Ани успела заметить, что к тем, кто пытался хитрить, природа становилась еще более враждебна. К ним слетались насекомые, на них падали холодные капли внезапного дождя, а ветер так и норовил содрать капюшон.

Доминика пока держалась, но побледневшая кожа заставляла Ани отслеживать состояние слуги. Пусть невзгоды окружающих и вызывали у нее одну лишь досаду, но Доминика была своей. Несмотря ни на что.

И Ани села, вперив задумчивый взгляд в магистра. Последний вздернул брови, интересуясь ее любопытством, и девушка кивнула на начавшую дрожать Доминику, неодобрительно при этом поджав губы.

– Достаточно, – то ли уступая желанию Ани, то ли из-за истекшего времени заметил магистр, одним плавным движением поднимаясь со своего коврика и щелчком пальцев сворачивая его в рулон.

Слаженный вздох облегчения вторил его словам. Правда, совсем скоро ему на смену пришли иные звуки. За долгих четыре часа мышцы многих буквально одеревенели, а потому ныне с неохотой брались за работу.

– Ани, я попрошу вас задержаться.

Девушка только усмехнулась. Качнула головой, отпуская замершую в ожидании Доминику, и приготовилась ждать. Однокурсники на нее уже даже не косились: привыкли к постоянным замечаниям магистров и тому, что лорд Арельти, как порой называли Маленвера, вспоминая его фамилию, оставляет их незадачливую коллегу после своих пар.

– Чего вы хотите?

Она даже не взглянула на остановившегося рядом мужчину, наблюдая за семенившими в корпус сокурсниками.

– Поговорить с вами, – признался светлый, присаживаясь рядом. – Коврик большой. Вам нет смысла сидеть на траве.

– Я так хочу, – равнодушно ответила девушка.

– Но ваше тело...

– Не пострадает, – оборвала его Ани и поднялась. – Если вы хотели обсудить лишь это...

– Нет. – Маг встал на ноги и одним движением заставил и ее коврик свернуться в компактную трубку. – Я бы хотел поговорить о вас.

– Обо мне? – Девушка обернулась к собеседнику, вздернув правую бровь. – Разве у вас нет других тем для разговора?

– Сомневаюсь, что вы захотите обсуждать возвращение к жизни Мортена Эншальта.

– Вы правы. – Ани поморщилась. – Не захочу. И вам рекомендую забыть все, о чем я вас спрашивала.

– Иначе заберете мою память, как поступили с ним? – спокойно, словно это его ни капли не волновало, а вопрос был задан из простого любопытства, отозвался магистр.

– Возможно и так. – Ани шагнула к мужчине и посмотрела ему прямо в глаза. – Не заставляйте меня забрать вас. Один покинул Лабиринты, так почему бы мне не найти ему замену?

– Возможно, потому, что я ему заменой не стану, – медленно, словно шел по тонкому льду, ответил магистр, не пытаясь отвести взгляд.

Их молчаливый поединок взглядов не продлился долго. Ани моргнула, переводя все свое внимание за спину магистра. Там быстрым шагом, едва не срываясь на бег, шла по мокрой дорожке незнакомая Ани девушка. Впрочем, она была незнакома только Ани. Заметив магистра, девушка изменила свой путь и в считанные секунды оказалась рядом, на расстоянии вытянутой руки. Нахмурилась, изучая Ани, но очень быстро потеряла к ней интерес.

– Ваша светлость, – незнакомка присела в реверансе.

– Леди Трина. – Маленвер учтиво кивнул и склонился над рукой, протянутой для поцелуя. – Вы прекрасны, как и всегда.

Ани, не слишком довольная происходящим, была вынуждена с ним согласиться. Несмотря на возраст – хотя для мага он был и впрямь незначительным обстоятельством, – стоявшая перед ней женщина выглядела лет на двадцать, не больше. Ни единого следа старости на лице.

Ани отвернулась, чтобы не выдать своего раздражения. А ей было отчего злиться. В отличие от Морьена, она память не теряла, потому имя незнакомки всколыхнуло в ней настоящую ярость. Леди Трина – та самая леди, с которой ее слуга... Девушка сжала зубы, прикрыв глаза, чтобы разрушительное темное пламя не вырвалось наружу, уничтожая ту, что пришла покушаться на ее... уже не ее собственность.

Пальцы впились в ладони с такой силой, что поранили кожу, но эта жертва была ненапрасной. Разум возобладал, правда, чтобы в

следующий миг оторопеть от изумления: ее обняли за плечи, привлекая к твердой груди и скрывая от чужих взглядов.

– Он у ректора, – поторопился свернуть разговор Маленвер. – Поспешите. Как только с формальностями будет покончено, Аркант собирался проводить его домой.

– Хорошо. – Ани буквально чувствовала заинтересованный взгляд леди, устремленный на них, но от любопытства девушка удержалась. И это заставило Ани снова испытать раздражение. Слишком хороша, слишком воспитанна и тактична была эта леди Трина.

Легкие шаги ознаменовали ее уход, но Маленвер и не думал отстраняться, придерживая Ани за плечи и давая в полной мере насладиться ароматом мужских духов. Увы, она не оценила: моргнула, уходя на границу, и прошла сквозь пытавшегося удержать воздух мага.

– Не стану я ее трогать, – буркнула недовольно девушка. Посмотрела вслед исчезающей в дверях леди и добавила: – Пока – не стану.

– Уже хоть что-то, – усмехнулся маг, но стоило ему поймать взгляд Ани, как улыбка померкла. – Мне жаль.

Лучше бы он этого не говорил. Слишком похожи были интонации, слишком понимающий взгляд, слишком... все слишком. Раздражение, преследовавшее Ани, начало разрастаться, стремительно набирая силу, питаясь ее болью и гневом.

Буквально за миг до того, как тьма хлынула вовне, уничтожая на своем пути все преграды, не делая разницы между людьми и предметами, Ани ушла.

Побледневший Маленвер, почувствовавший, какая катастрофа чуть не разразилась от его слов, вытер платком холодный пот со лба и сглотнул. Нехорошее предчувствие, поселившееся в нем еще ночью, чуть не стало явью. И он ничего не смог бы изменить. Ни один человек не смог. Человек...

В задумчивости мужчина быстрым шагом покинул парк и направился к наставнику. Если кто-то и мог найти выход, то лишь магистр Эстельдхейм.

Раскаленный песок немного остудил ее гнев. Ани поморщилась, шагая обратно на границу и уберегая тело от дальнейшего разрушения. Обожженные ноги стремительно восстанавливались, но она этого не

чувствовала. Она пыталась разобраться в себе. Пыталась – но ничего не выходило. Даже избавившись от Морьена, сослав его к смертным и забрав память, она не добилась своего. Решение оказалось неверным. Для нее.

– Я бы мог помочь тебе. – Насмешливый голос того, кто не заслуживал существования, вторгся в ее мысли.

Ани обернулась.

С их последней встречи Каалис мало изменился. Смуглая кожа, ряд тонких косичек с бусинами на концах, кожаный браслет, обхвативший тонкое запястье, и прищуренные узкие глаза, в которых ныне было не разглядеть зрачков.

– Мне не нужна ваша помощь, – отрезала Ани, но... не ушла.

Каалис усмехнулся и сел прямо на взметнувшийся и мгновенно затвердевший песок.

– А мне казалось, что очень нужна.

– Что только не примерещится в пустыне, – хмыкнула Ани, но осталась на месте. И это было самым очевидным ответом: она ждала продолжения. Какие бы слова ни срывались с ее уст, она хотела знать, что готов ей предложить двуликий бог любви.

– Верно, – усмехнулся мужчина. – Даже богиня тьмы, готовая уничтожить все из-за своего разбитого сердца.

– У меня нет сердца, – напомнила Ани прописную истину. – И первым, что я действительно уничтожу, будешь ты – причина моего дурного настроения.

– Как страшно!.. – Каалис поднял руки, демонстрируя раскрытые ладони. – Ты так меня пугаешь.

– Зачем ты пришел? – Ани прищурилась. – Тюрьма Неназываемого ныне пустует.

– Не угрожай мне.

– Не провоцируй.

– Что ж... – Каалис вытянул вперед ноги, потянулся, растягивая и тело, и время, а после предложил: – Хочешь, я сделаю тебе подарок? Даже просить не придется. Твой слуга больше не сможет любить. Никого. Ни одну смертную женщину, сколько бы из них ни добивались его внимания, сколько бы ни пытались обольстить, сколько бы...

– Мне. Это. Не нужно. – Тому, кто услышал бы сейчас голос Ани, холодный ветер Лиера показался бы легким бризом.

– Отчего нет? – Бровь Каалиса взметнулась вверх. – Он оставил тебя, он заслуживает *кары*. Все будет по справедливости...

– Не тебе решать, что справедливо для моих слуг! – зло выдохнула Ани, делая шаг на раскаленный песок. Вот только больше она не чувствовала его жара. Темное пламя охватило ее фигуру, за клубилось вокруг, превращая песок в темное стекло.

– Бывших слуг, – Каалис поморщился от столь явной угрозы. Он, в отличие от коллег, так прямо влиять на окружающий мир не мог. – Хочешь подарить аонам источник темного стекла? Даже без жертв с их стороны?

– Отчего же без? – Ани усмехнулась. – Одну жертву я готова принять. Их бога. Не видел здесь такого?

– Разминулись, – покачал головой Каалис, то ли отвечая на вопрос, то ли осуждая переход на силовую сторону решения конфликта. – И я ухожу. Но... несмотря на твое пренебрежение, я, пожалуй, окажу тебе услугу.

– Исчезни – этого будет достаточно.

– Склоняюсь перед вашей волей.

Собеседник шутовски поклонился и наконец исчез.

Ани перевела взгляд себе под ноги и поморщилась. Всего пара минут ее гнева обеспечила близлежащие племена золотом на пару лет вперед. Если, конечно, они успеют найти темное стекло до того, как его скроет пустыня.

Девушка поморщилась и вновь ушла на грань. Не ее забота помогать смертным разбогатеть. Хотя... она обернулась, и подвластное ее желанию стекло заострилось, давая понять, что так просто неожиданный подарок богов никому не достанется. Придется заплатить. И заплатить кровью.

Октавир Эстельдхейм старался не смотреть на своего собеседника, но взгляд нет-нет да и соскальзывал вверх, на непривычно молодое лицо его визави. Тот лишь усмехался, благосклонно принимая внимание потомка.

– Светлейший... – выдохнул бывший слугитель, не зная, с чего начать. Пусть он и искал встречи с покровителем, оказавшись с ним наедине, мысли словно перепутались, столько всего он должен был рассказать великому предку.

– Довольно. – Кардалис поморщился и опустил в кресло. Закинул ногу на ногу, хмыкнул своим мыслям и поинтересовался: – Ани не создает вам проблем?

Магистр Эстельдхейм побледнел. Вопрос был не просто с подвохом – он весь был сплошной подвох.

– Тьма милосердна, – уклончиво ответил маг, не желая вдаваться в подробности. Слишком уж хорошо бывший алер был осведомлен о снисходительности Ани-Арли и мстительности своего бога.

– Вот как... – протянул блондин и внезапно подался вперед, пригнувшись. Прикрыл глаза, вдыхая одному ему доступный аромат, и насмешливо пояснил: – Моя дорогая коллега чуть не сорвалась.

– Чуть?.. – Лицо магистра Эстельдхейма побледнело, казалось, сравнившись с его седыми волосами.

– Самую малость. – Кардалис практически свел вместе большой и указательный пальцы своего молодого воплощения. Он не любил им пользоваться, но ныне ситуация требовала уступок. Все же в академии находилась Карин. Да и сама Ани... Что бы ни предписывала ему молва, к своей темной коллеге Кардалис относился... с пониманием.

Торопливый стук в дверь разорвал повисшее в комнате молчание. Магистр Эстельдхейм вопросительно взглянул на собеседника, и тот снисходительно кивнул, позволяя гостю присоединиться к их беседе. Для него не была загадкой личность визитера, как и вероятная причина его тревоги. И этим менталист уже заслуживал толику если не уважения, то снисхождения своего покровителя.

– Входите, юноша. – Магистр Эстельдхейм взял себя в руки, возвращаясь к привычной роли наставника. – Вы так торопились ко мне. Что разрушило ваш покой?

– Ани... – выдохнул светлый, но уточнять не стал. Прищурившись, он смотрел на вольготно устроившегося в кресле наставника незнакомца. – Вы нас не представите, учитель?

– Альбин Кентор. Целитель, – незнакомец усмехнулся, – из Азарлена.

– Мой давний друг, – поспешил вмешаться магистр Эстельдхейм.

– Вот как... – Маленвер нехорошо прищурился. – Азарлен, значит.

Он чувствовал недоговорки в словах наставника, видел снисхождение в глазах гостя и чувствовал такую знакомую

мыслительную тишину, к которой даже начал привыкать, имея дело с Ее Темнейшеством.

– Не упорствуй, мальчишка, – одернул бывшего ученика потомок Светлейшего. Маленвер нехотя кивнул. Выводы, которые он сделал, все равно должны были быть очевидными и для его бывшего учителя, и для гостя, если менталист рассудил верно.

– Вам не откажешь в сообразительности, – хмыкнул тот, кто выбрал себе новое имя. – Но я бы предпочел, чтобы ради моего присутствия не собирали весь преподавательский состав, отрывая от написания планов. Боюсь, их коллективная ненависть способна повредить даже мне.

– Вы хорошо осведомлены о специфике нашей работы, – отметил Маленвер, продолжая стоять у порога. Неожиданная мысль, посетившая его, требовала действия, и он решил рискнуть: – Не желаете ли продолжить преподавательскую карьеру?

Звонкий смех сорвался с губ светлейшего гостя. Магистр Эстельдхейм бросил быстрый взгляд на молодого коллегу, но сказать что-либо не успел. Смех оборвался как не бывало, и снисхожденный до бесед с потомком бог кивнул:

– Пожалуй, проявлю снисхождение. – И повелительно добавил: – Но прежде отведите меня к вашему очнувшемуся другу. У меня есть что ему предложить.

Кириан Анстелир заканчивал опрос. Казалось бы, типичная процедура, повторять которую ему приходилось не единожды, но стража ощутимо – хорошо еще, что только для него самого, – трясло. Сердце срывалось на бег каждый раз, когда он слышал знакомый голос из уст сидевшего напротив мужчины. Седого, как это часто случалось с темными магами, не оценившими границ своей силы, и очень уставшего.

– То есть вы утверждаете, что не помните подробностей проведенного вами ритуала, послужившего причиной вашего затяжного отсутствия? – в последний раз уточнил Кириан, проходясь глазами по конспекту беседы. Ни единого упоминания об Ани-Арли не сорвалось с губ очнувшегo... неодаренного. Словно он и не со службы вернулся.

– Сожалею, но нет, – непреклонно ответил Мортен, и сам его тон давал понять, что он лжет, но делиться подробностями самоубийственного поступка не станет.

– И вы не знаете, что предшествовало вашему возвращению в мир живых? – допытывался страж.

– А вы, я полагаю, об этом осведомлены? – Бывший слуга Темнейшей вздернул пересеченную шрамом бровь.

– Не более вашего, – поморщился Кириан. Благо, артефакт, подтверждавший истину слов, был настроен не на его ауру. – Что ж, вопросов более не имею. К вам.

Кириан перевел хмурый взгляд на стоявшего у окна темного. В отличие от своего удачливого коллеги магистр Аркант Раоден простым опросом вряд ли отделается. Слишком сильным было эхо от поддерживавших его коллегу чар, чтобы у стража не появились вопросы.

– Магистр?

Голос Кириана заставил Арканта поморщиться и обернуться. Не сказать чтобы он не ожидал вопросов, но был бы рад отложить беседу со стражем на потом. Увы, таким людям, как Кириан Анстелир, не отказывали, если не хотели сменить обстановку с кабинета ректора на одиночную камеру в управлении.

– К вашим услугам, – усмехнулся мужчина.

– Где мы можем поговорить? – уточнил Кириан, бросая косой взгляд на прислушивавшегося к словам обоих Мортена.

– В моем кабинете, – легко пошел на поводу у стража Аркант, кивая в знак признательности.

– То есть у вас обоих есть от меня секреты? – усмехнулся наблюдавший за представлением Мортен.

– Скорее от твоей невесты, – покачав головой, заметил Аркант. – Кузина уже миновала ворота. Еще пара минут на вежливость – и она будет здесь. Увы, мы с лордом Анстелиром не имеем права обсуждать рабочие вопросы в присутствии непосвященных, – пояснил темный, но, судя по тому, как сузились глаза друга, он не поверил его словам. Вот только выбора, едва дверь распахнулась, являя всем присутствующим леди Катрину Раоден, у Мортена не осталось.

Он не успел объяснить с ней до ритуала, не ожидая таких последствий, а потому леди Трина до сих пор считалась его невестой.

Более того, невестой, дождавшейся своего жениха из Лабиринтов Аскольда, что в глазах общества наверняка сделает ее практически святой.

– Тэн... – всего одно слово сорвалось с губ Катрины. Недоверие, отчаянная надежда, страх ошибиться – чего только не было в ее голосе.

– Трина, – устало, даже обреченно выдохнул Мортен, с трудом удерживаясь от того, чтобы не поморщиться.

Глаза девушки наполнялись слезами. Так быстро, словно наступил сезон дождей, вынуждая реки выйти из берегов и затопить все доступное им пространство. И, как и всякая стихия, женские слезы не поддавались обузданию.

– Трина... – Мортену пришлось подняться и подойти ближе, обнять вздрагивавшую в рыданиях девушку, прижать к груди, давая очередное подтверждение своей материальности, и тихо прошептать: – Все хорошо. Я вернулся.

– И больше не уйдешь? – Она посмотрела на него глазами, полными надежды.

– Пока Темнейшая не призовет меня, – спокойно ответил Мортен и нехорошо прищурился, заметив, как закашлялся Кириан, да и на лице старого друга и соперника появилась непонятная задумчивость.

– Пойдемте, – тихо позвал Аркант, кивая стражу на дверь. – Им нужно поговорить, да и нам есть что обсудить.

Кириан торопливо согласился и первым покинул кабинет ректора. Ему было неприятно. Не оттого, что мужчина и сам не любил женские слезы, но картина утешения, представшая перед ним, вызывала острое неприятие, как плохая игра актеров. И он бы с радостью встал и вышел из зрительного зала, но понимал, что даже поспешное бегство из кабинета не избавит его от начавшегося спектакля.

В коридоре дышать стало немного легче. Кириан ослабил верхнюю пуговицу рубашки и глубоко вдохнул.

– Вам не понравилось зрелище? – вопросительно вздернул бровь Аркант, останавливаясь рядом и опираясь спиной о стену. На собеседника он подчеркнуто не смотрел.

– Не мой жанр, – Кириан поморщился. – Хотел бы я видеть подобные воссоединения – пошел бы в иное ведомство.

– У вас были все шансы, – усмехнулся темный, давая понять, что еще не забыл адепта Анстелира и его тягу находить покойников там, где их быть не должно. Особая способность, которую многие считали проклятием, путая причину и следствие обновления контингента мертвецкой.

– Внутренняя стража ближе моим убеждениям, – холодно отозвался Кириан, насупившись. Раздражение, которое вызывал Аркант, с каждым его словом набирало обороты в душе темного. – Идемте. Я должен получить пояснения: откуда на вашем друге следы чужих источников.

– Я их купил, – легко, будто не раз прокручивал для себя этот вопрос, ответил Аркант, не двигаясь с места. Теперь, когда друг не мог услышать его слов, магистр не видел необходимости уходить. Напротив – собирался проследить, чтобы посторонние не мешали общению его друга и кузины.

– Вот как? – Кириан криво усмехнулся. – Так легко признаетесь?

– А чего мне бояться? – вернул ироничную усмешку собеседнику темный. – Артефакт подтвердит искренность моих слов. Покупка чужих источников пусть и неодобряемое действие, но вполне законное. Особенно для темного мага моего уровня. К тому же, принимая во внимание, что все они были использованы для поддержания жизни одного из выдающихся магов нашего времени...

– Он больше не маг, – оборвал его Кириан.

– Но он был им, – пожал плечами магистр. – И мог принести огромную пользу стране своими исследованиями. Впрочем, даже если Мор больше не сможет обращаться к дару, его предыдущие заслуги окупят тот ущерб, что был мною нанесен.

– Мне нужны списки продавцов, – потребовал Кириан. Увы, как бы он ни был раздражен признанием собеседника, последний был прав. Без прямых доказательств того, что он лично участвовал в отъеме чужого источника, судить мага его уровня не позволит корона. Слишком полезен для страны магистр, слишком многое ему готовы были спустить.

– Описания мест, где их можно найти, большего не просите. Те, кто занимается подобным, не любят демонстрировать лица и сообщать имена.

– И вы вернете все «купленные» источники.

– Забирайте, – легко согласился Аркант и, переведя взгляд на дверь кабинета, заметил: – Теперь они мне без надобности. – Кириан промолчал. – Позже я провожу вас в подвалы.

– Я и сам могу найти дорогу, – понимая, что так просто магистр не покинет свой наблюдательный пост, предложил Кириан.

Темный неопределенно пожал плечами. Его вниманием завладели трое, поднимавшиеся по лестнице. И если двоих из них Кириан знал – магистры Октавир и Маленвер успели выпить немало его адептской крови, – то лицо третьего не было ему знакомо.

Судя по чертам лица, перед Кирианом был азарленец. И если бы не цвет глаз – темный, если не сказать черный, как вулканический песок, очень редкий для представителей дружественного народа, – страж даже не задумался бы о его связях с иными народами. Но, видимо, кто-то из его предков не слишком чтит традиции и смешал кровь с выходцами из Пары или с кем-то из племен, населявших пустыню. Был еще вариант с темным даром, демонстрирующим себя таким образом, но сродства к тьме Кириан в новоприбывшем не чувствовал, а вот к свету – еще как. И зачем целителя привели к потерявшему дар магу? Выяснить, сколько ему осталось жить?

Тонкие губы гостя скривились в предупреждающей ухмылке, словно он знал, о чем думает страж. Или не словно? Насмешка в глазах незнакомца, легкий наклон головы вкупе с тем, что привели незнакомца Октавир и Маленвер... Он определенно был опасен.

– Идите, – вмешался в молчаливое противостояние бывший жрец, кладя руку на плечо Кириану и заглядывая тому в глаза. – Идите, здесь ваша миссия закончена.

– Я сам...

– Не спорьте, молодой человек. – В голосе магистра Октавира лязгнула сталь, а в глазах появилось предупреждение. Нехорошее такое, из тех, что ставили не перед погостом, а в самом его центре, давая понять, что без неприятностей покинуть его не суждено никому.

– Академия справится без вашего вмешательства, – обреченно вклинился в разговор Маленвер. И Кириану следовало бы обрадоваться: с него сняли всякую ответственность за последствия «пробуждения» потерявшего дар темного мага, но...

– Я желаю присутствовать при разговоре Мортена Эншалта с неизвестным. – Кириан поджал губы и прямо посмотрел на молодого

мага. Тот насмешливо усмехнулся, но влезать в разговор не стал, отдавая право разбираться с неразумным человеком... людям.

– Это не тот случай, – покачал головой менталист. – При всем желании...

– Идем, – Аркант неожиданно занял сторону светлых. На лице его играли желваки, словно он принял неприятное для себя решение. – Сможете и описать, и конфисковать часть артефактов.

– Идите. – Маленвер благодарно кивнул коллеге. – Я постою в коридоре, так что никто посторонний не войдет.

Темный маг кивнул, принимая заверения коллеги, и молча направился к лестнице. Стражу не оставалось ничего иного, кроме как последовать за ним: следовало забрать артефакты до того, как маг уровня магистра вновь получит к ним доступ. Сомневаться в том, что у него хватит умений испортить амулеты так, что уже никто не снимет с них полноценный отпечаток дара, не приходилось. А потому Кириан торопливо шел следом за бывшим преподавателем и, глядя ему в спину, размышлял: как скоро тайна Ее Темнейшества выплывет на поверхность.

– Тэн...

Голос Трины все еще дрожал, как и руки, которыми она обнимала его, прижимаясь к груди и слушая биение сердца. Она была рядом, теплая, живая, искренне радующаяся его возвращению, но... чужая.

Мортен прикрыл глаза, чтобы прильнувшая к нему девушка не могла заглянуть в них и увидеть... усталость. Его тяготило ее присутствие, голос, неуверенные объятия, переросшие в настоящую хватку, стоило ему не проскользнуть туманом сквозь ее пальцы. Поцелуй... Он не почувствовал ничего, кроме брезгливости. Почувствовала ли она? Возможно, но она готова была ждать. Лишний год, когда миновало уже столько лет, не страшил Трину. Она искренне верила: раз он смог к ней вернуться, сможет и вновь полюбить. А если и нет – она в силах ему помочь.

От необходимости врать Мортена избавил сквозняк, ознаменовавший, что у кого-то наконец кончилось терпение и он решил присоединиться, нарушая уединение пары. Мужчина незаметно перевел дыхание, наблюдая, как в кабинет заходят знакомые ему светлые и с ними... Нет, он не знал этого человека, пусть на мгновение

ему и показалось иное. Не знала его и Трина, в недоумении воззрившаяся на Маленвера. Хотя, судя по виду менталиста, его вины в прерванном свидании не было.

– Леди, – магистр Октавир взял самую неприятную часть на себя. Впрочем, в его годы и с его положением он мог позволить себе даже императора выставить из монаршего кабинета, не говоря уже о благородной леди. – Внимания вашего...

– Жениха, – подсказала Трина с охотой.

– ...жениха, – повторил за ней магистр, – требуют дела храма.

– Но ведь?.. – леди попыталась возразить, но ее остановил третий, не знакомый Мортену мужчина.

– Не нам оспаривать Его волю, дитя, – заметил маг. Как по волшебству, в его руках оказались четки. – Светлейший пожелал, чтобы я навестил этого человека, и никто не вправе оспаривать его решение.

Мортен усмехнулся, про себя подумав, что утверждение... алера не совсем соответствует истине, но, чтобы избавиться от объяснения с Триной, он готов был потерпеть и служителя Светлейшего, хотя тот и не должен был претендовать на его душу и посмертие.

– Как благонравное чадо Его, подчинись воле Светлейшего. Оставь нас наедине с заблудшей душой, что получила шанс обратиться к Свету.

И погруженную в настоящий транс Трину, аккуратно придерживая за плечи, вывел в коридор Маленвер. Вывел и плотно притворил за собой дверь, оставаясь за пределами кабинета и нового разговора.

– Едва ли я заслужил Свет, – усмехнулся Мортен, смерив внимательным взглядом чересчур религиозного собеседника. – Никогда не замечал за собой ни добронравия, ни любви к ближнему.

Блондин тонко усмехнулся и заметил:

– А разве вы помните все?

– Все, что было до того, как эксперимент вышел из-под контроля.

– То есть до Лабиринтов Аскольда? – уточнил собеседник.

– Какое это имеет значение? – нахмурился Мортен и отметил, что неофициальный глава всех светлых академии, магистр Октавир, отошел к ректорскому окну, всем видом показывая, что его участие в разговоре не требуется.

– Самое прямое.

Улыбка собеседника стала до того насмешливой, что бывший темный почувствовал, как внутри поднимается злость. Поднимается и тут же прячется, подавленная его волей. Мортен удовлетворенно кивнул, отмечая, что контроль над эмоциями не ослаб за годы его отсутствия.

– И откуда вам, светлому магу, может быть известно подобное? – Мортен вернул насмешку собеседнику. – Мне всегда казалось, что Лабиринты и его порождения – вотчина темных, но, кажется, за годы моего отсутствия светлые решили изменить своему богу.

Он говорил тихо, но четко, давая понять обоим светлым, что не боится ни их покровителя, ни их самих. Магистр Октавир шумно выдохнул, но резких слов себе не позволил, еще раз подтверждая догадку Мортена о главенстве в посетившей его паре.

Смех разорвал повисшее в комнате напряжение. Незнакомец, откинувшись на спинку ректорского кресла, смеялся звонко, словно давно не слышал таких удачных шуток, и два недоумевающих взгляда следили за его весельем.

– Вы стали смелее, мой друг. Намного смелее, – отсмеявшись, заметил светлый, и черты его лица поплыли, словно воск, забытый на полуденном солнце. И вместе с тем, как менялось лицо посетителя, комнату заполняла сила. Чудовищная, пронизывающая все и вся, обжигающая сила светлого божества, еще не карающего, но решившего обозначить границы дозволенного.

Магистр Октавир покачнулся от хлынувшей к нему благодати, но поток шел, и бывший жрец опустил на одно колено. Так выносить присутствие покровителя стало легче. А Мортен сидел. Спокойно, будто божественная сила не доставляла ему никакого дискомфорта. Ни один мускул не дрогнул на его лице.

– Интересно, – усмехнулся его собеседник и, по одному загибая пальцы, ослабил воздействие на мир. – Жаль, повторить не удастся.

– Повторить что? – вздернул бровь Мортен. Он не мог не заметить, как рухнул на колено Октавир, откликаясь на изменения во внешности гостя, но более ничего не изменилось для него. Свет будто прошел сквозь него, не обжигая, но и не наполняя источник.

– Вас, мой друг, – задумчиво отозвался светлый. Новое лицо – мужчины лет сорока, с первой наметившейся сединой на висках – подходило собеседнику куда больше.

– Вы называете меня другом, но я не знаю ни вашего имени, ни вашего лица.

– Имя – вы знаете, но не стану злоупотреблять вашим терпением и самоконтролем. Вы никогда не возносили мне хвалу, и едва ли что-то изменится теперь. Но, – мужчина усмехнулся, – Мое Светлейшество это переживет.

Мортен бросил быстрый взгляд на магистра Октавира, но старый жрец не стал оспаривать слова смутьяна, возмнившего о себе слишком многое. А значит...

– Мы были друзьями? – осведомился маг, прямо глядя на собеседника.

– В чем-то соратниками, – усмехнулся Далис, довольный отсутствием пиетета у давнего знакомца. Как и все Тени Ани-Арли, Морьен никогда ему не кланялся, и отчего-то Светлейший не хотел изменять эту традицию даже теперь, когда за спиной собеседника не стояла их общая головная боль.

– И в чем же?

– В сохранении мира и спокойствия. Но, мой юный друг, вы были слишком хороши в своем служении. Увы.

– Никогда прежде меня не упрекали в том, что я слишком хорош.

– Все бывает впервые. Признаться, и я не ожидал, что когда-нибудь буду вести беседы с темным магом.

– Я потерял дар.

– Отчасти, – согласился Кардалис. – Вы утратили свой дар как мага, но сохранили часть способностей слуги.

– И кому же я успел послужить?

Мортен прищурился. Несмотря на иронию, без которой не обошлась ни одна из реплик, ответ на последний вопрос его действительно интересовал. Как откровение, как подтверждение его собственных невероятных догадок.

– Вашей темной госпоже.

Мортен рассмеялся.

– Если я был так хорош, зачем Ее Темнейшеству возвращать меня обратно?

– Чтобы подарить вам жизнь, полагаю, – усмехнулся Светлейший. – Вам удалось невозможное, и я рассчитываю, что вы доведете свое дело до конца.

– До *чьего* конца?

От такой постановки вопроса магистра Октавира передернуло, но Светлейший лишь тонко улыбнулся.

Руины храма Неназываемого не успели сильно преобразиться, разве что потолки теперь подпирали деревянные балки, а груды камней лежали упорядоченнее. Точнее так, чтобы можно было протиснуться к любому из выходов гробницы.

Ани не требовалось ни сгибаться, ни обходить бесполезные ныне камни: силы в них больше не было, как и смысла. А потому она закончила то, что не успел сделать Неназываемый: обратила бесполезный мусор в прах, толстый слой которого тут же скрыл не утратившие блеска мраморные плиты.

– Кто здесь? – знакомый голос вырвал Ани из раздумий. Она моргнула, выходя с границы в реальный мир, и кивнула такому же одинокому подопечному. Разве что выглядела девушка лучше потомка Светлейшего: ни недосып, ни волнение, ни голод не могли отразиться на ее лице, а вот на простом человеке...

– Ты так стремишься попасть в Лабиринты? – тихо спросила Ани, присаживаясь на пол. Пыль под ее взглядом пришла в движение, расступаясь перед повелительницей мрака. Девушка довольно хмыкнула: форму академии чистить не придется.

– Порой мне кажется, что я уже стою на пороге, – признался ее постаревший от скорби собеседник. Если бы Ани не знала его истинного возраста, решила бы, что встретила старика.

– Тебя я бы встретила лично, – призналась девушка, пожимая плечами и испытывая странное желание прикоснуться к убитому горем подопечному. Хотела утешить? Или чтобы утешили ее саму?

– Значит, этот момент настал? – Он не стал подниматься, не стал угрожать или просить. Даже головы в ее сторону не повернул, отдавая все свое внимание запорошенному прахом полу. И Ани не нужно было вспоминать, чтобы понять: именно там стояла талиари, когда пламя пожирало ее воплощение.

– Еще нет. – Ани плавно поднялась и обошла подопечного неполным кругом, остановившись напротив него. – Ты не выполнил свое обещание. И я не заберу тебя, пока оно довлеет над тобой.

– И я смогу жить вечно?

Губы принца дрогнули в какой-то безумной усмешке.

– Едва ли это можно назвать жизнью. – Ани вернула собеседнику его усмешку. – Скорее муками вечного одиночества.

– Таков наш удел? – Валиар поднял на нее полный бессилия взгляд.

– Тебе далеко до богов. Людям свойственно находить компанию даже на пороге гибели, а кому-то и по ту сторону жизни.

– Ваша слуга... – правильно понял принц.

– И твой друг, – подтвердила Ани. – Их ничего не остановило, а ты сидишь здесь в окружении невидимых могил и скорбишь о том, чего не терял.

– Отец не поддержал моего решения, – признался Валиар.

– Но разве он тебе что-то запрещал? – уточнила Ани. – А даже если и так, разве имеет значение чужое мнение, когда ты давал обещание перед богами? Ты будешь помнить о ней вечно, но можешь ее вернуть. Не всем выпадает такой шанс.

Взгляд принца стал мрачным, как у заключенного перед казнью.

– Я должен...

– Даже богам ты должен меньше, чем самому себе, – отрезала Ани. – Твой отец еще не стар, твоя сестра сможет его поддержать. А ты будешь обречен, если сейчас откажешься от себя. – Девушка поморщилась. – Знаешь, сколько попадает в Лабиринты из-за отчаяния, сомнений и ненужного смирения? Редко их жизнь длится дольше пары лет, но тебе я обещала. Вот только даже по ту сторону жизни они не находят спасения. Призраки прошлого раз за разом предстают перед ними. Они бегут от них и уходят все дальше в дебри Лабиринтов, где кошмары реальнее их самих, а мучавшее их воспоминание повторяется снова и снова, сводя с ума. Это хуже проклятия.

– Очевидно, вы правы, – позволил себе горькую усмешку Валиар.

Ани промолчала, предпочитая не видеть в словах подопечного намеков, хотя он явно и напрашивался.

– Иди уже, – отмахнулась она. – И не спрашивай у отца позволения, за свою жизнь ты отвечаешь сам.

Принц поднялся, прошел пару шагов, но остановился и задал мучивший его вопрос:

– А зачем вы пришли сюда? – Ани поджала губы, всем видом показывая, что смертный лезет не в свое дело. – Меня вы выгоняете, но сами пришли сюда же. На осколки прошлого.

– Тебе пора ругаться с отцом, – прозрачно попросила уйти Ани, отворачиваясь. Права требовать у нее объяснений или пытаться понять у этого потомка коллеги не было. Ни у кого не было, кроме... Уже ни у кого.

Ани потрянула головой и выставила чересчур любопытного принца подальше. Кажется, его должно было вынести где-то на городской площади, перед храмом предка, но, возможно, не совсем в презентабельном виде. Но тут уж сам виноват: задавать богам вопросы – риск похлеще банковского заема. Никогда не знаешь, с какой стороны подберутся неприятности.

Ани поморщилась и, оставшись наедине сама с собой, тихо призналась в пустоту:

– Мне тебя не хватает.

Ответа не последовало. Но она и не затем сюда пришла: скорее, напротив – ей требовалось место, где никто не будет задавать вопросов или отвлекать ее своим присутствием, и бывшая тюрьма исчезнувшего бога подходила для этого лучше всего.

Люди предпочитали проводить свои исследования днем, а боги... Боги старались обходить это место стороной, слишком жирным оно было намеком на тот путь, который может быть уготован любому из них. Но Ани искала одиночества. Когда-то оно было ее сутью, когда-то, но не теперь... И даже зная, кому она обязана всем этим, отомстить было ей не под силу. Хотя теперь она отчасти понимала Уничтоженного: изменения, происходившие в ней по вине людей, не приносили ничего, кроме мук, а избавление от страданий – лучшая причина, чтобы уничтожить их источник.

Вот только она не безумна. Не настолько, чтобы пойти против Света, Войны и, – Ани хмыкнула, – Любви. И пусть уничтожить ее они не смогут, даже объединившись, мир грани стал слишком мал для нее. Особенно теперь, когда все, что у нее осталось, – смотреть издалека.

От несправедливости ситуации, от боли, что терзала ее с того самого момента, как она отказалась от своего по праву, все внутри затопила тьма. Мгновение – и черное пламя, из которого она, казалось, сейчас полностью состояла, вырвалось наружу, уничтожая пыль,

выжившие после битвы камни, остатки ткани, не убранные службой безопасности. Не стало и артефактов на выходе, и тех, что считывали магический фон, мигнул и погас свет. Но, к счастью, ничего живого в гробнице не было.

А потому ни шагнуть на тропы Лабиринтов, ни услышать крик его Хозяйки никто не смог.

– Не иди туда. И остальным прикажи не искать источник.

Тонкие женские пальцы накрыли замершую в нерешительности руку. Ее обладатель – герцог Далиар Анвентар – нахмурился, но спорить с женой не стал. Отложил переговорный амулет и посмотрел на подымающуюся к нему супругу, которая определено знала, почему среди ночи взвыли все сигнальные артефакты, отслеживающие магический фон.

– Почему?

– Вам всем еще рано бродить по Лабиринтам. Да, – Гретхен кивнула, подтверждая догадки мужа, – это госпожа. Даже покинув, – девушка горько усмехнулась, – службу, я не перестала чувствовать ее присутствие. Она в городе, в храме под столицей, и... ей больно.

– Не значит ли это...

– Нет, – не дала закончить супругу Гретхен, присаживаясь на подлокотник его кресла и пальцами касаясь его губ. – Если бы она хотела помощи – она бы пришла за ней. И, даже если она в ней нуждается, пока Хозяйка сама не признает этого, хотя бы для самой себя, для всех будет лучше ничего не предлагать. Только двум существам во всех мирах было позволено демонстрировать ей ее слабость. И оба теперь не с ней.

– Но город...

– Устоит. Если бы госпожа хотела уничтожить все живое, нам не пришлось бы вести этот разговор. К тому же никто из смертных не в силах ее остановить, а присутствия Светлейшего я не ощущаю. Значит, все под контролем.

– И я должен в это поверить?

– Ты уже веришь, – улыбнулась Гретхен. – А если и нет – иного пути нам все равно не дано.

Академия встретила Ани тишиной. Предрассветный час, самый темный и тихий, не нарушался даже одинокими шагами решивших похудеть адептов. Впрочем, пройдет еще с полчаса, и они потянутся к стадиону. Для Ани оставалось загадкой: где полусонные девы находят силы, чтобы заставляя себя проходить не только через измывательства мастера Зариса Риджеона, но и через свои собственные. А ведь им после десяти кругов бега предстояло еще попасть в душ, а после пройти через испытания учебного дня.

Дверь в их блок открывать не пришлось. Ани прошла сквозь нее, проскользнув по границе, как ее исконные обитатели и Тени. Недовольно поджала губы, заметив прикорнувшую прямо за столом Доминику. Видимо, слуга пыталась дождаться ее вместо того, чтобы отдыхать, но не смогла противостоять объятиям сна.

Ани хмыкнула и перенесла девушку на кровать, благо от нее это не потребовало больших усилий. Доминика что-то пробормотала во сне, но придавать значение сказанным спросонья словам, как и запоминать их, Ани не стала. Мало ли что видится девушке на рассвете, когда слабеет человеческая воля и потаенные страхи и желания выползают на поверхность. Сколько их таких остается в Верхнем Лабиринте – не счесть.

Соседняя комната пустовала. Вероятно, ее высочество отозвали во дворец. По крайней мере, Ани хотелось так думать, ибо в отсутствие наследника его обязанности должны были перейти принцессе. У нее, в отличие от второго сына императора, были и честь, и разум. На младшем же стоило поставить крест и отослать куда-нибудь подальше. А там он или сгинет, или немного поумнеет. Второй вариант, увы, был палкой о двух концах: ум порой достается не только союзникам, что бывает большой проблемой. Впрочем, решить ее придется смертным, в Лабиринт, сколь бы ни были умны люди, они все равно рано или поздно попадут.

– Вы вернулись? – хриплый голос Доминики врезался в размышления Ани. – Вы... ты в порядке?

– Называй как хочешь, – вместо ответа отмахнулась собеседница. Обида, вызванная недавними словами слуги, еще не прошла.

– Мне жаль. Правда жаль. – Шорох одеяла оповестил Ани, что девушка поднимается. Впрочем, она и так знала, что слуга не выдержала и робко, словно вела сама с собой спор, направляется к

Ани. Та скосила глаза, ожидая, что победит: здравый смысл, заставлявший почти всех ее Теней обходить свою госпожу стороной, или... Или что?

– Что заставляет тебя так рисковать? – Ани отступила на шаг, оборачиваясь, и вперила в собеседницу требовательный взгляд. – Я зла, сердита, и отчасти в этом есть твоя вина. Законы выживания требуют держаться от меня подальше.

– А законы привязанности и благодарности – нет. – Улыбка у Доминики вышла печальная. – Для кого-то вы само зло, но для меня – начало действительно моей жизни. И я... благодарна. За то множество шансов, что вы... ты мне дала. И пусть я никогда не смогу отплатить за доверие, но сделаю все, что в моих силах, чтобы оправдать его.

– Твои слова разумны для слуги, – согласилась Ани, – но действия все еще нет. Как ты оправдаешь мое доверие, если умрешь от моего же гнева?

– Поступки друзей не всегда поддаются логике. – Доминика посмотрела прямо в темные глаза воплощения. – Вы дали мне шанс стать для вас чем-то большим, чем слугой.

– Ты его упустила. – Ани в раздражении отвернулась, но... не ушла. Просто не знала другого места, где ей было бы спокойнее. Только сжала пальцы в кулак, почувствовав, что слуга стоит у нее за спиной, и не желая даже случайно ее ранить, если сила вновь начнет рваться наружу. Увы, в отличие от остальных своих собратьев, Великие очень быстро восстанавливались, точнее – они просто не могли исчерпать весь тот поток чужой веры, что составлял их суть.

– Пусть так. – Доминика накрыла теплыми ладонями холодный кулак Ани. – Но я все сделаю, чтобы вернуть то, что было.

– Это бесполезно. – Ани вырвала руку. – Моя роль давно предопределена. Есть только один способ приблизиться ко мне. – Она хмыкнула, зло и горько одновременно. – Умереть. Но я вам этого не позволю! – Взгляд Ани упирался в Доминику, но смотрела она куда-то сквозь нее, словно говорила с кем-то, кого слуга не могла ни рассмотреть, ни почувствовать. – Все вы будете жить. Долго и счастливо. Или несчастливо, но долго. На что хватит вашей выдумки.

– Даже если кто-то из нас захочет иначе? – вопрос непроизвольно сорвался с губ Доминики.

– Кто-то добровольно захочет умереть? – Губы Ани исказила ухмылка. – Смерть пугает людей – и это правильно. Это конец всему, всем вашим чаяниям и надеждам, вечный кошмар, из которого нет пути назад.

– Замок не показался мне таким местом.

– Замок – не Лабиринт, – скупно бросила Ани. – Ни одно порождение тьмы не способно противостоять мне, потому мы их и не встретили. Но тому, кто решит пройти Лабиринт в одиночку, придется приложить все усилия, чтобы не стать его добычей.

– Но ведь ваши Тени могут провести душу, минуя порождения Лабиринта.

– Могут, – кивнула Ани. – Но не станут этого делать для тех, кто не ценил жизнь. Тот, кто шагнул в Лабиринт по собственной воле, пройдет его сам. Или не пройдет.

Доминика замаялась, не зная, что ей ответить на внезапную откровенность Хозяйки Замка. Ани же... не собиралась продолжать эту тему вовсе. Ей было неприятно думать, что ее Морьен мог просто исчезнуть, поглощенный кем-то из обитателей Лабиринтов, но часть ее сокрушалась, что этого не произошло. Ведь если бы они никогда не встречались...

Услужливая память не пожелала успокаивать свою хозяйку, напоминая, что предшествовало появлению Морьена на ее пути. Тогда он стал ее спасением, теперь – она вернула ему долг. Пусть так, боги умеют быть благодарными, хотя и способны об этом жалеть.

В кармане форменной куртки завозились, требуя внимания. И Ани пришлось сунуть палец и почесать под мордочкой расшалившегося котенка. Достаточно умного, чтобы не демонстрировать своего присутствия во время гнева хозяйки.

– Вы не расскажете мне о нем? – ухватила за возможность сменить тему Доминика, но по тому, как помрачнело лицо собеседницы, поняла, что вновь ошиблась. Впрочем, Ани не стала скрывать.

– Это его дар, – хмыкнула девушка. – В обоих смыслах слова.

– Значит, Морьен умрет? – удивленно выдохнула Доминика. – Ведь маг без дара жить не может.

– Он – сможет, – слишком уверенно, чтобы слуга позволила себе дополнительные вопросы, ответила Ани и с неудовольствием

отметила, что котенок начал наглеть, пытаясь не допустить исчезновения ее пальцев. – Слишком наглый, – с грустью и отчасти удовлетворением заметила девушка, доставая пушистый черный комочек и демонстрируя слуге. – Теперь он живет с нами.

– В академии нельзя держать животных, – напомнила Доминика.

– Сомневаюсь, что кто-то рискнет мне об этом сообщить. Впрочем, даже если и рискнет, он все равно имеет мало общего с настоящим животным. – Словно в ответ на ее слова, котенок вздернул голову и, прищурившись, укусил хозяйский палец. Намекнул, дескать, от обычного кота он не так уж далеко и ушел. – Так легко и без хозяина остаться, – усмехнувшись, предупредила Ани и задумчиво проговорила: – Звать тебя Мором? Но ты – не он.

– Не Мор? – уточнила Доминика, и Ани охотно кивнула, ухватившись за неожиданную подсказку.

– Немор, Нем. И ведь ты действительно не можешь ответить, – протянула Хозяйка уже не только Замка и его обитателей, но и своенравной пушистой живности. Своенравной, ибо, презрев предупреждение, котенок протяжно замыкал, намекая, что его пушистая мрачность ни на секунду не усомнилась в своем праве требовать особого отношения.

– А чем его кормить? – решила все же уточнить Доминика прежде, чем предлагать новому обитателю их комнаты подношения из столовой.

Ани задумчиво посмотрела на дернувшего ушами котенка и призвала огонек тьмы на пальце. В доли секунды мелкий пушистик продемонстрировал, что и черное пламя может быть съедобным, если его правильно кусать. Расправившись с угощением, Нем сыто заурчал и свернулся клубочком, свесив с ладони хозяйки хвост. Ани почесала оттопырившийся животик и уже в следующий момент почувствовала себя в плену. Вокруг указательного пальца обвилось все тщедушное тельце, но, видимо, Нем здраво оценил свои весовые возможности, поэтому попробовал хозяйский палец и на зуб.

– Вредитель, – проговорила Ани, сама удивляясь своей отходчивости. Прямо на ее глазах ее палец атаковали, и ей, казалось, это даже нравилось. Хмыкнув, девушка вновь сгрузила мелкого паразита в карман, правда, теперь во внутренний, позаботившись о

том, чтобы его темномагическая пушистость находилась на границе между реальным миром и ее владениями.

– Он в порядке? – озабоченно уточнила Доминика, наблюдавшая, как исчезает под одеждой котенок, а после и бугорок на месте, где он должен был находиться.

– Лучше многих, – хмыкнула Ани, чувствуя, как пушистик осваивается и с удовольствием впирается в нее когтями. Еще бы ему не получать удовольствия: если бы Морьен мог сейчас вернуть свой дар, заметил бы, насколько тот окреп, находясь в постоянной близости от Ани. – Приведи себя в порядок, – вернув свое внимание слуге, посоветовала Хозяйка Замка. – Сон за столом не лучшим образом отразился на тебе. Наши соседи вновь отсутствуют, так что успеешь привести себя в порядок перед завтраком.

Доминике оставалось лишь молча кивнуть. А Ани... Ани улыбнулась и, заслышав шаги в коридоре, решила присоединиться к паломничеству на стадион. Нет, не бегать – смотреть, как другие работают, и проверять, настолько ли это прекрасное зрелище, как говорят.

Увы, зрелище ее не удовлетворило, хотя иные зрители остались довольны. Правда, они наблюдали за бегом своих сокурсниц с дальних подступов, чтобы девушки не обиделись и не наградили подглядывающих каким-нибудь классическим проклятием, а то и благословением. Избавиться от последних, поговаривали, было куда сложнее, но, к сожалению, сей способ мести был доступен лишь светлым.

– А почему не с ними? – поинтересовался какой-то смертник, подбираясь ближе и плюхаясь на соседнее с Ани место. Судя по появившимся на форме нашивкам, светлый старшекурсник решил приобщиться к прекрасному.

Ани покосилась на ожидавшего ответа парня и, усмехнувшись, промолчала. Подумала, поднялась и направилась к выходу.

– Эй, я не это имел в виду! – бросился ей вдогонку неожиданный собеседник. – Просто поговори со мной. Я же вижу, тебе это нужно. – Ани остановилась на лестнице и смерила запыхавшегося старшекурсника ехидным взглядом, так и говорившим, что уж ей-то беседы со светлыми без надобности. – Хорошо, это мне нужно.

Милош, – представился светловолосый, отдышавшись и выпрямившись. – Давай поможем друг другу. Ты мне о своих проблемах расскажешь, поделишься, и я попробую тебе помочь.

– Просто так? – ехидно вздернула брови Ани.

– Не просто, – признался светлый. – Мне курсовую писать нужно.

По психологической помощи.

– Поэтому ты решил на стадион явиться с утра пораньше?

– А где еще мне искать людей с низкой самооценкой, но способных рационально мыслить и работать над собой? – хмыкнул парень. – А здесь такие точно имеются.

Он кивнул на несдающихся бегуний. Ани покосилась на вспотевших, но упорнодвигающихся к цели сокурсниц и была вынуждена согласиться по крайней мере с частью его утверждений: усердия адептам было не занимать. Напротив, они сами с кем угодно могли им поделиться и, судя по тому, что ряды их ширились, так и делали.

– А ко мне зачем пристал? – нехорошо прищурилась Ани. – Предлагай свою помощь им. Я собой абсолютно довольна.

– И зачем тогда пришла сюда? – не сдавался светлый.

– С тобой поговорить, – огорошила парня Ани и продолжила свой путь вниз, пока светлый пытался понять, что кроется за ее ответом: пророческий дар или простое ехидство.

Как бы то ни было, настроение Хозяйке Замка светлый неожиданно поднял. Правда, ровно до того момента, пока она не вспомнила другого любившего вмешиваться не в свои дела человека. Но если у светлого хотя бы оправдание было – курсовая и общая пришибленность жаждой помогать ближнему, что, верно, закладывалась в момент рождения, – то у темного, пришедшего ей на ум, подобного атавизма быть не должно было.

Стоит ли говорить, что в общежитие Ани возвращалась раздраженная и оттого рассеянная. Один из ее слуг, прибывший на служение из мест жарких и песчаных, как-то сравнил свою госпожу с носорогом. Очень тихо сравнил, чтобы та не услышала, но остальные слуги с ним согласились: когда у госпожи было плохое настроение, ее рассеянность становилась не ее проблемой, а того, кто вовремя не успел убратся в сторону. Увы, знали об этом лишь обитатели Замка.

– Осторожнее.

Ани моргнула и с удивлением обнаружила, что прямо перед ней, правда, теперь немного сбоку, удерживая ее за запястье, стоит смертник. Точнее, стоял бы смертник, если бы не одно но. Убить его она не могла. Ни она, ни кто другой из существей. А блондин только усмехнулся в ответ на ее потемневшие от гнева глаза.

– Что. Ты. Здесь. Делаешь? – Она бы и по слогам сказала, но не хотелось выглядеть ученицей храмовой школы, так и не освоившей речь.

– Решил присоединиться, – развел руками высокий блондин, слишком молодой для излюбленного воплощения светлого бога.

– Сейчас это мой город, – нехорошо прищурившись, напомнила Ани.

– Я знаю. И мешать тебе не собираюсь.

– Одно твоё присутствие мешает.

– Увы, – мужчина хмыкнул, – но я вынужден остаться. Долг крови требует моего присутствия.

– Карин? – вздернула брови Ани. – Она и без тебя справляется прекрасно. Да и сейчас она отсутствует. Вернулась во дворец, если мои предположения верны.

– Отчасти да. Мальчишка все же решился покинуть город, – прислушавшись к чему-то, сообщил Кардалис.

– Ему это необходимо. – Ани поморщилась и вырвала свою руку из чужих пальцев. Раз уж Валиар рискнул последовать ее совету, следовало позаботиться, чтобы путешествие не вышло ему боком. Пусть кто-нибудь из Теней присмотрит...

– Как и тебе, – заметил светлый и разжал пальцы. Ани не сдвинулась с места: зло взглянула на собеседника и ухватила уже его за запястье, не давая уйти. Хотя Далис сделал первый шаг в противоположном от нее направлении.

– Если ты посмеешь вмешаться в его жизнь!.. – Угрозы в голосе Ани было хоть отбавляй. И она бы определенно удивилась тому, насколько ее задело присутствие светлого коллеги и его слова, если бы все не застилал гнев.

– Он отказался, – оборвал ее Далис. – Хоть я и предложил ему светлый дар взамен утраченного, но нет – твой слуга остался верен тебе и уйдя со службы. Это достойно награды.

– Он ее уже получил.

– Возможно, – не стал спорить собеседник. – Но мне казалось, лучшее, что мы можем сделать для своих слуг, – дать им свободу выбора.

– Он ее и получил.

– Поэтому оставил часть себя у тебя в руках? – Далис смотрел ровно на зашипевшего от такого внимания котенка. Пушистик чувствовал, что хозяйке присутствие чужого не нравится, и всем своим видом – от выпущенных когтей до вздыбленной шерстки – выражал полную солидарность.

– Это было его решение. Та самая свобода выбора, о которой ты так радеешь, – растянула губы в улыбке Ани и предупредила: – Это мой город, я пришла сюда первой, и места в нем для тебя нет.

– Для Кардалиса – да, ты в своем праве, но я ведь могу немного побыть и человеком. Это бодрит, знаешь ли. – Блондин потянулся, расправил плечи и наградил сердитую собеседницу снисходительной улыбкой. – Считаю, я решил отдохнуть немного от дел. Свита справится, а я освежу в памяти последние достижения колдовского искусства. И, пока не забыл... – Далис лучезарно улыбнулся, словно это его воплощение подрабатывало на базаре, – на моих занятиях все равны.

Его рука прошла сквозь сжатые пальцы Ани, рассыпаясь сотнями ярких песчинок и собираясь вновь.

– Не опаздывай, – предупредил светлый и ушел как ни в чем не бывало. Ани провожала его взглядом до самых ворот, а после – продолжила свой путь. Но теперь он лежал не в общежитие, а в главный корпус, к расписанию, где, судя по довольному лицу коллеги, наместились изменения.

Изменившиеся строчки заставили ее прикрыть глаза, чтобы пережить секунды гнева, когда все вокруг теряло свою значимость и хотелось лишь одного – напроць стереть источник раздражения, не думая о последствиях. Но, увы, позволить себе подобное Ани не могла. Далис уже покинул город – она больше не чувствовала его присутствия, а срываться на академии... Ей здесь еще отвлекаться от скуки, хотя, казалось, последней в ее жизни больше не осталось. Особенно теперь, когда напротив основ целительства стояло незнакомое имя – Альбин Кентор.

Она хотела было уже уйти, когда почувствовала приближение посторонних. И пусть часть из них она знала, попадаться на глаза бывшему слуге не хотела, а потому шагнула на грань, исчезая из поля зрения спускавшихся по лестнице магов и... Морьена. Заставить себя называть его другим именем она не могла. Для нее он так и остался Мором, даже сейчас, когда другая шла с ним рядом, положив ладонь на сгиб локтя, и о чем-то щебетала, не смущаясь присутствия двух магистров и Кириана. Аркант хмурился, словно исполнение его желания не принесло удовлетворения. Маленвер также был задумчив, но если его коллега прислушивался к беседе родственницы и друга, то менталист будто бы отсутствовал здесь, полностью погруженный в свои мысли. Один лишь Кириан был просто сердит, и причина тому шла прямо перед ним, облаченная в черное и раздраженно морщившаяся от пристального внимания стража. И в иной ситуации Ани не постеснялась бы уточнить, что послужило камнем преткновения между двумя ее слугами, но она не могла сдвинуться с места, с всепоглощающей тоской наблюдая за Морьеном.

Он не выглядел счастливым. Даже теперь, будучи живым, он как две капли воды походил на прежнего себя, словно принял тяжелое решение и обязан следовать ему до конца. Но ведь она дала ему возможность снова жить, снова быть собой, снова быть счастливым?!

Ани смотрела вслед удаляющейся компании и не могла понять: в чем была ее ошибка?

– Нужно время, – наконец проговорила Хозяйка Замка. – Скоро все изменится, – убеждала она себя, но в глубине души теплилась отчаянная, не признаваемая ею надежда, что она ошибается.

Пожалуй, Ани была единственной, кто не удивился, не обнаружив на привычном преподавательском месте пожилого светлого. Для остальных же замена была пусть и ожидаема – ознакомиться с расписанием успели многие, – но не настолько. Это воплощение Светлейшего было слишком молодым для почетного звания архимага, но именно оно числилось под его именем и вселяло трепет в сердца светлых, кто собирался связать свою жизнь с целительством. Темные же приуныли: для многих до сих пор непреодолимым препятствием на пути к постижению себя было просто присутствие полярных по дару коллег, а уж когда целый архимаг ворожить будет... темная часть

потока заранее уныло тарасилась кто в стену, кто в окно, а кто и в потолок. Ани была солидарна со вторыми: пейзаж за окном требовал ее незамедлительного внимания. Как-никак листья начали облетать, намекая на приближение зимы и сессии, хотя думать о последней начали пока лишь старосты и несколько особо ответственных адептов, в числе коих была и Доминика.

В нетерпении девушка закусила перо, а потому так и застыла, выпучив глаза, когда дверь аудитории распахнулась и перед выжидающие очи первокурсников ступил молодой красивый – судя по волне вздохов со стороны светлых адептов – мужчина, в самом расцвете карьеры и сил.

Ани хмыкнула, обводя пренебрежительным взглядом враз расправивших плечи дев, расплывшихся в своих лучших улыбках. Ни одна из них, как ни старайся, не могла посоперничать ни в красоте, ни в умении держать себя с покойной императрицей, изменившей мужу со Светлейшим и наградившим династию Великим покровителем. Впрочем, Далис и не собирался никого сравнивать или осаждать: напротив, улыбка светлого словно задалась целью достигнуть каждого. Только не каждый был ей рад.

Ани поморщилась и отвернулась, вновь переводя взгляд на деревья вне аудитории и отстраняясь от происходящего в ней. Локоть Доминики, ткнувший ее руку, стал для нее неожиданностью. Девушка перевела взгляд на слугу, но та только косила глазами на молчавшего преподавателя, в то время как адепты, кто с интересом, кто с затаенным злорадством, смотрели в ее сторону.

– Прошу прощения, но я не расслышала вопрос, – честно призналась Ани, награждая коллегу взглядом полным осуждения. Но Далис не проникся, и, едва стих нервный ропот аудитории, поднял правую ладонь, призывая к порядку, и заметил:

– Я просил вас продемонстрировать все изученные к настоящему времени виды перевязок. Прежде чем переходить к более энергоемким способам купировать повреждения, мне необходимо убедиться, что все из вас освоили основы. В конце концов, все из нас люди и должны в первую очередь полагаться на собственные возможности, а не на полученную взаймы силу. Выбор пал на вас.

Усмешка светлого была до того ехидной, что сомневаться в неслучайности выбора не приходилось. Ани. Остальные лишь в

очередной раз убедились, что их сокурснице на роду написано привлекать преподавательский взгляд. Ведь даже новый преподаватель из сотни вариантов выбрал тот единственный, который никого уже не удивлял.

Ани покосилась на Доминику, и та с готовностью поднялась, понимая, что демонстрация невозможна без партнера.

– Нет, моя дорогая, – остановил ее Далис. – Я не в праве заставлять вас терпеть неудачные попытки сокурсницы, потому возьму на себя эту роль.

Неодобрительно-завистливый стон пронесся по рядам. Теперь на месте Ани хотели оказаться многие, даже если заплатить за право прикоснуться к новому объекту обожания придется неудом.

– Смелее, – подбодрил спускавшуюся коллегу Далис, за что был бит. Не в реальном мире, разумеется, но гнев Ани он почувствовал сполна. Даже челка слегка заколебалась, когда по границе пронесся ураган беснующейся силы. Впрочем, оба бога помнили о том, где находятся, потому в реальный мир просочились крохи, добавляя адептам обоих направлений энтузиазма.

– Конечно, – оскалилась девушка и спустилась с последней ступеньки амфитеатра. Бинт, казалось, сам скользнул ей в руки, и, чуть размотав его, Ани улыбнулась. Оценила, какой прочный ей достался перевязочный материал, и, на мгновение забыв, что на них направлены взгляды замерших в предвкушении ее позора адептов, перехватила бинт совсем не так, как полагалось для перевязки, скорее для иммобилизации. Окончательной и бесповоротной.

– Вас и бинт держать не научили? – притворно удивился Далис. Ани разжала пальцы, взглядом давая понять коллеге, что думает о его играх.

Увы, как она ни старалась, доставить серьезных проблем воплощению не смогла. Даже вырванные волосы коллега ей благодушно простил, лишь заметив во всеуслышание, что данной адептке еще практиковаться и практиковаться, и лучше на ком-то бесчувственном и бессознательном, тогда больше шансов сохранить собственную шевелюру в неприкосновенности.

Услышав такое, Ани мстительно выдрала еще пару волос, с удовлетворением отмечая, что сокурсницы пропускают слова нового преподавателя мимо ушей, а вот за местами, куда падали невинные

жертвы ее раздражения, смотрят внимательно и почти с любовью. Определенно, в уме просчитывая, сколько придется заплатить за зелья привлекательности и нельзя ли будет задействовать тяжелую артиллерию. Все же волосы – штука куда более надежная, чем ложечка.

К всеобщему разочарованию, светлый не отличался рассеянностью и, когда Ани закончила издеваться над волосами ни в чем не повинного воплощения, щелчком пальцев уничтожил все изъятые ею частицы тела. Все, кроме одного пучка, который мстительная коллега не стала сбрасывать на пол, удерживая в пальцах, и теперь купалась в обожающих взглядах сокурсниц. Сомневаться в том, что скоро начнутся торги, не приходилось.

– Благодарю за демонстрацию, – поднимаясь со стула, на котором ему пришлось вытерпеть экзекуцию, заметил светлый. – Теорию вы знаете, а над практикой еще следует поработать. Пока вас можно выпускать лишь на поле боя: раненные едва ли поймут, какие травмы нанесли им враги, а какие остались после вас. Впрочем, ваши коллеги за ближайшие пять лет, полагаю, смогут изменить ваш подход к делу.

Первые ряды передернуло: это наблюдать за мучением ближнего порой весело, но даже представить, что подобным образом могут обойтись с тобой, – тут уж желающих не оказалось, и на Ани посмотрели с тревогой и осуждением.

– Скорее им придется не попадать в ситуации, когда может понадобиться моя целительская помощь, – хмыкнула девушка. – Больше мотивации никому не повредит.

– Не могу не согласиться, – усмехнулся светлый и перевел внимательный взгляд на аудиторию. – Отряд, к которому прикрепляют целителя-недоучку, обычно приходит с минимальными потерями.

– И потери эти – целитель, – пробормотал кто-то себе под нос, но из-за повисшей в кабинете тишины его голос услышали все.

– Верно, – не стал спорить светлый и добавил: – Поэтому, если хотите во время практики дожить до ее конца, тренируйтесь в академии. Это спасет и вас от расправы, и ваших подопечных от мук совести.

Сказать, что слова преподавателя вызвали оторопь среди неподготовленного светлого отделения, значило многозначительно промолчать. Темные же понятиливо кивнули, прекрасно понимая, что

в случае какого-либо происшествия выживет не самый честный и добрый, а зачастую везучий и прагматичный до подлости, не пожелавший жертвовать собой ради абстрактных высших целей. А там и целителем можно поступиться. Разумеется, после того как тот свой «долг» исполнит и станет для отряда бесполезным. До тех пор можно и потерпеть немного.

– Продолжим, – выждав, пока удивление его словами схлынет, сказал Далис и предупредил: – На следующем занятии будет первый зачет по иммобилизации. Два теоретических вопроса и практическое применение повязки из первого вопроса.

– А второй теоретический момент?

– Будет для вас сюрпризом, – отрицательно покачал головой мужчина и распорядился: – Открываем конспекты. Оставшееся время уделим лекции. Записываем: «Основные виды стабилизирующих заклинаний...»

Под мерный скрип перьев Ани зевнула и, благодарно кивнув Доминике, подсунувшей ей чистую тетрадь и чернильницу, заскрипела вынутым из-за уха пером.

Пара по целительству была последней на сегодня, а потому никто не торопился: и преподаватель, верно, решивший войти в положение истощенных после стадиона адептов, и адепты, у которых сил практически не осталось. Впрочем, что было огромным плюсом, все дошедшие до аудитории слушатели не успели истощить свой дар. С другой стороны, у темных возможности для этого не было – вместо Арканта всю первую пару с ними провел магистр Теренсий. И пусть его предмет тоже был опасен для жизни – по слухам, именно после истории магии адепты попадали к целителям с вывихом челюсти, – он никак не сказывался на даре, разве что на уровне самообладания. Впрочем, испытаниям подверглись не все: Ани магистр Теренсий выгнал на первых минутах, и та, нисколько не обидевшись, провела всю пару на скамейке в коридоре, разглядывая портреты великих магов и припоминая, чем каждый из них отличился в Лабиринтах.

– Можете быть свободны, – за несколько минут до удара колокола заметил Далис и, несмотря на вероломное лишение адептов своих волос, стал, кажется, любимейшим преподавателем всего потока: чем сильнее в памяти стирался первый учебный день, тем больше адептов посещало столовую. Да и там, увы, действовало правило: первым ест

тот, кто может себе это позволить. Логично предположить, что первокурсники, за редким исключением, вынуждены были пропускать к раздаче старших, лишая себя сладкого и наиболее вкусного.

– Ани, задержитесь. – Слова светлого вызвали волну смешков, которые, впрочем, быстро исчезли вместе с их создателями. Еще бы, выбирая между насмешками над ближним и свежими булочками, адепты сделали правильный выбор.

– Я позже присоединюсь, – отпустила Доминику Ани. Та, помедлив и смерив светлого подозрительным взглядом, кивнула и ушла, плотно притворив за собой дверь. – Хочешь, чтобы я еще немного проредила твои лохмы? – вздернув брови, предположила Ани, усаживаясь на парту и закидывая ногу на ногу.

– Обойдусь и без этого сомнительного удовольствия, – снисходительно усмехнулся светлый, провел ладонью над пострадавшей шевелюрой, возвращая ей прежнюю роскошь. Одновременно с этим белое пламя попыталось лишить Ани трофейного пучка, но безуспешно. Едва вспыхнув, белые огоньки зашипели и погасли.

– Мое, – покачала головой девушка. – Компенсация.

– Не заметил, чтобы ты так уж пострадала.

– Моральный ущерб, – пожалла плечами Ани и прищурилась. – Так зачем ты решил продолжить традицию, оставляя меня после пар?

– Решил не выделяться на общем фоне. Раз уж, как ты сама заявляешь, это традиция, коей следует придерживаться каждому из преподавателей.

– Мог бы ее и нарушить, – поморщилась девушка.

– Традиции дают нам силу, – напомнил светлый, присаживаясь рядом и полностью копируя позу девушки.

– А людей лишают свободы, – хмыкнула Ани. Далис предпочел промолчать.

Они так и молчали. Минуту, две, три, четверть часа. Задумчиво вперившись в пустоту и не говоря ни слова. Коллеги, соперники, приятели?..

– Тебе не следует здесь находиться. Уйди, – попросила Ани тихо.

– Как-нибудь потом, – отозвался мужчина и добавил, вызывая в собеседнице стойкое желание поспособствовать быстрой кончине коллеги: – Когда ты не будешь нуждаться в моей помощи.

– Она и сейчас мне не нужна, – резко заметила Ани, рывком соскакивая с парты и поворачиваясь к Далису. – Вы с Каалисом так жаждете мне «помочь», что я начинаю беспокоиться: не хотите ли вы занять мое место.

– Это невозможно, – прикрыв глаза, напомнил Светлейший. – Смерть – такая же часть жизни, как и рождение. Даже более предопределенная, поэтому лишиться тебя сил не выйдет ни у кого из нас. За это можешь не волноваться.

– Я не волнуюсь, – холодно ответила Ани. – Я злюсь.

– Поэтому я и должен быть здесь. Я слишком хорошо знаю, как нам бывает больно и тяжело справиться с собой. А рисковать этим городом, своим потомком и последователями я не намерен. И в этом я в своем праве. Тебе придется это принять.

Последние слова мужчина говорил уже в пустоту. Покачал головой, лишний раз убеждаясь в правильности своего решения, и вернулся за кафедру. Колокол уже прозвучал, и следовало подготовиться к следующей паре. В отличие от первого курса, занятия у старших начинались после обеда.

В общежитии Ани уже ждали. И нет, не Доминика, хотя слуга и чувствовала, что ее госпожа снова не пожелала навещать столовую. У подножия лестницы, игнорируя взгляд светлого коменданта, стояли три девушки-первокурсницы: две светлые и одна из стихийных магов. Заметив приближение Ани, все трое подобрались, как перед ударом, но были остановлены быстрым:

– В душе поговорим, – бросила Ани, первой взбегаая по лестнице. Покупательницы не стали ерничать и послушно пошли за ней. Процесс купли-продажи не занял много времени: долго находиться вчетвером в тесной кабинке желающих не нашлось. Другие же места не отличались уединенностью – не в туалет же было всем набиваться, скрываясь от любопытства кураторов.

Зато на выходе Ани уже ждали. Алиас Брандт отделился от стены и, проходя мимо, бросил тихое:

– Дела со светлыми до добра еще никого из нас не доводили.

– Я знаю, – кивнула ему Ани и заверила: – Вся ответственность будет лежать на них.

– Надеюсь, – протянул темный комендант и сообщил: – Магистр Аркант ждет вас через час в своем кабинете. На пересдачу.

– Благодарю за сообщение.

Темный улыбнулся.

– Удачи. Магистр не в лучшем расположении духа. Кириан не упускает случая вызвать его в управление, хоть и знает, как магистр любит бумажную волокиту.

– Все мы неидеальны, – хмыкнула Ани и добавила: – Пойду повторю конспект, не хочется злить куратора еще больше.

Алиас одобрительно кивнул, но не ушел. Вероятно, решил оказать услугу коллеге и провести разъяснительную беседу и с его подопечными. А там и до конфискации чужих волос, проданных с чудовищной наценкой, того и гляди дойдет.

Нет, все же боги на стороне Светлейшего.

Ани неодобрительно качнула головой и поспешила скрыться за дверьми своего блока. Царившая здесь тишина и полное отсутствие посторонних дарили Ани умиротворение. Она упала в кресло их общей гостиной, закрыла глаза, отрешаясь от мирского шума, но не стала уходить на грань. Увы, на границе, как и в собственном замке, для нее было куда больше звуков, чем здесь, за закрытыми дверьми.

Вернувшаяся Доминика на цыпочках, стараясь не потревожить госпожу, прошла в их спальню и уселась за столом, полностью отдавая себя учебе. Ани не нужно было видеть, чтобы знать: ее подопечная, покусывая перо, размышляет над эссе для магистра Маленвера. Увы, менталист любил выворачивать мозги адептам не только во время занятий, но и после них, заставляя ковыряться в собственных поступках и причинах, на них повлиявших.

Правда, Ани сомневалась, что маг читает адептские опусы, так как сама она сдавала чистый лист, сложенный вдвое, или с одним единственным словом – «хочу». Впрочем, раз за разом наблюдая, какой серьезной становится Доминика, а после – как расслабляются ее плечи, словно сбросившие непомерную тяжесть, Ани и сама начала думать о том, чтобы отнестись к заданию по-людски.

Час пронесся быстрее, чем она того хотела. И, заглянув к Доминике, чтобы убедиться, что та все еще корпеет над эссе, Ани направилась в главный корпус.

Коридор, как и холл, был пуст. Старшие курсы пропадали на занятиях, младшие – занимались домашним заданием, коменданты тихо переговаривались у себя. Правда, порой их вопли все же прорывали тишину, давая призракам шанс узнать, кто сегодня из магов будет дежурить ночью.

Холодный ветер всю властвовал в парке, срывая пожелтевшие листья и бросая их под ноги одиноким прохожим. Пожухшие, оторванные от ветвей и обреченные на медленное превращение в прах, они устилали дорожки. Шорох, с каким листья напоминали о себе, был подобен прощальной песне – последнему отголоску лета перед жестокой зимой.

Ани остановилась, неожиданно для самой себя находя приятное в будоражащем слух шорохе. Присела на корточки и, удивленно хмыкнув, подняла пару больших желтых листьев, еще не успевших расстаться с последними признаками жизни. Как некоторые из ее слуг, такие же выброшенные ей под ноги души, всеми силами цепляющиеся за более ненужные привычки.

Проснувшийся Нем завозился в кармане, требуя внимания и еды.

– Потом, – бросила ему Ани, окружая темный комочек первозданной тьмой, отчего котенок сыто икнул и вновь растянулся в своем укрытии во всю длину. Да уж, не догадайся она вытеснить его на границу, кто-то бы обязательно заметил, как оттопыривается на ней форма.

Гул часов на главной башне ученического корпуса дал понять, что она опаздывает. И следующие несколько минут Ани, как нашкодивший ученик, стремглав бежала по мокрой плитке, чудом и собственным благословением ни за что не зацепившись. Мрамор оказался не столь благодушен, но девушка все же добралась до дверей кабинета куратора. Взлохмаченная, раскрасневшаяся, с растянутой, как ей показалось, лодыжкой, требовавшей посещения целителя, и жутко довольная.

– Вы опоздали, – заметил магистр, открывая дверь прежде, чем Ани успела постучать. Цепкий взгляд прошелся по всей ее фигуре, отмечая и порывистое дыхание, и красноту щек, и лихорадочно блестящие глаза. А уж когда Ани, припадая на левую ногу, прошла мимо него, раздражение темного исчезло, как и не было.

– Присаживайтесь, – приказал он, указывая на свое кресло, и Ани не стала спорить. Во-первых, ей было жаль свое воплощение, пострадавшее из-за нерадивой хозяйки, наслаждавшейся собственным опозданием. Во-вторых, стоило темному увидеть, насколько она торопилась, его взгляд смягчился и больше не казался родственником раскаленного железа, коим собирались клеймить преступника.

– Вам следовало быть внимательнее, – заметил магистр, касаясь холодными пальцами ее лодыжки. От Ани не укрылось, что он не просто поглаживал кончиками пальцев ее кожу, но и пытался избавиться ее от боли и ушиба. И, видя такое активное желание ей помочь, девушка не могла ему сопротивляться.

– Я торопилась к вам, – призналась Ани, из-под полуопущенных ресниц наблюдая за лицом собеседника. Мимолетная улыбка тронула его губы, но в следующий миг исчезла как не бывало.

– Ваша тяга к знаниям весьма похвальна. Однако если она и дальше будет приводить вас к целителю...

– Отправите на курсы кройки и шитья? – нахмурившись, припомнила Ани их знакомство.

– Уж там вам делать точно нечего, – покачал головой темный, выпрямляясь, и усмехнулся: – Разве что пальцы вам лишние или у вас есть запасные?

– Увы, только эти, – не поддавшись на провокацию Ани и уточнила: – О чем я должна вам поведать, чтобы вы поставили мне отработку?

Лицо мага стало задумчивым. Он словно перебирал в уме вопросы, но совсем не те, что полагалось озвучивать первокурснице на отработке. Наконец он определился.

– Поведайте мне о Тенях нашей темной покровительницы.

– Но ведь это теология, а не основы работы с силой, – вздернув бровь, напомнила Ани.

– Межпредметные связи, – усмехнулся магистр и добавил: – Задание остается прежним.

– Что ж, – Ани склонила голову, – единственной Тенью, чье пребывание в данном статусе доподлинно известно, был его величество Аскольд Второй. Получивший благословение Темнейшей еще при жизни, он продолжил свое существование в качестве слуги

Хозяйки Закатного Замка, и, считается, именно ему принадлежала идея создания Лабиринтов, окружающих Замок.

– Считается? – уточнил магистр, усаживаясь напротив и не сводя взгляда зеленых глаз с Ани.

– А разве кому-то из смертных доступно абсолютное знание о происходящем на грани и в чертогах богов? – не поддалась на провокацию Ани. – Большинство известных нам сведений получено от общения с почившими, заблудившимися в Лабиринтах и мало что знающими о реальном положении дел в Замке. Тени же не идут на контакт с простыми смертными.

– А с непростыми? – поинтересовался словно бы и между прочим маг, но Ани кожей почувствовала его интерес. В воздухе повисло ожидание, тяжелое, давящее, и, возможно, если бы Ани необходимо было по-настоящему дышать, она бы подавилась, но вместо этого девушка только улыбнулась.

– Едва ли те, до кого снисходят боги, кричат об этом на каждом шагу. Разве что они служат в храме.

– А вы не служите, – иронично заметил Аркант.

– Верно. Не служу. Никому, – спокойно, как непреложный факт, отчеканила девушка. Моргнула, возвращая себе прежнее благодушие, и уточнила: – Второй вопрос?

– Способы наложения простейших проклятий. Остановимся только на них, продемонстрировать не нужно.

– Как скажете, – легко согласилась Ани и принялась излагать.

Уж она-то о проклятиях знала много, как и об их стражах, но последнее обстоятельство в учебнике сводилось лишь к их существованию, часто в зооморфном облике, поэтому распространяться о Маргарите Ани не стала. Впрочем, едва ли о бывшем статусе нынешней супруги герцога Анвентара будет известно широким массам.

Спустя четверть часа, когда Ани с удивлением отметила, что немного охрипла, магистр жестом остановил ее повествование.

– Достаточно, – оборвал он перечисление самых известных проклятийников – тех темных магов, что малодушно отказались платить собственной жизнью за исполнение желания и придумали ограничивающее условие и «равноценный» обмен, часто кладя на

чашу весов даже не собственное имущество, не говоря уже о жертвенной крови.

– Как нынешнее законодательство относится к проклятиям?

– Зависит от их последствий. – Ани пожала плечами. – Если результатом вмешательства стали прыщи на носу, то искать проклятийника и бессмысленно, и бесполезно. Бессмысленно, потому что наказанием за воздействия, не повлекшие за собой значительные изменения в ауре и теле, будут общественные работы сроком от недели до года. Бесполезно, так как подобные проклятия относятся к чарам общего спектра и установить конкретного виновника можно лишь в первые несколько минут, но уже через сутки нитей, ведущих к магу, не останется. Поэтому подобные чары обычно применяются ночью, когда жертва не может заметить изменения в собственной ауре и оперативно отследить их источник. Впрочем, если жертва достаточно сильна либо богата, чтобы позволить себе защитные артефакты, общее проклятие легко нейтрализуется. Разумеется, если оно накладывалось без ограничивающего условия и с малым вложением сил. Если же ради сыпи, икоты или прыщей на лице будет совершено полноценное жертвоприношение по двенадцатому параграфу, то даже они станут смертельно опасны.

Магистр хмыкнул. Упоминание двенадцатого параграфа не прошло мимо его ушей, но в учебниках для первого курса действительно имелся раздел о жертвоприношениях и последствиях подобных ритуалов.

– Хорошо, – наконец кивнул он, когда пауза стала затягиваться. Ани не торопилась продолжать без указаний, а Аркант обдумывал, есть ли еще что-то, что следовало бы осветить в рамках отработки. – Полагаю, я не дождусь вашего присутствия на факультативе?

– Отчего нет. – Ани покачала головой. – Но не просите меня даже в шутку кого-то проклинать. Особенность... нашей семьи в том, что любое сказанное сгоряча пожелание практически всегда превращается в проклятие, поэтому для всех будет лучше, если мои знания останутся сугубо теоретическими.

– Хоть вам и не было бы равных на службе его величества, – заметил Аркант.

– Я не служу, я лишь оказываю услуги, – хмыкнула девушка, как и магистр, вспомнив о вмешательстве сильных мира сего в судьбу

«простой» адептки.

– Можете идти, – позволил магистр, поднимаясь со стула для посетителей одновременно с девушкой и провожая ее до самой двери. – Разумеется, если у вас нет причин задержаться.

– Их нет, – подтвердила Ани, оборачиваясь и заглядывая в глаза магистра. – Как и у вас нет причин задерживать меня.

Магистр, казалось, не был с ней согласен. Тонкие губы недовольно поджались, но оснований для того, чтобы и дальше задерживать адептку, у мужчины действительно больше не имелось. И, верно, они бы так и продолжили смотреть друг на друга: Ани – выжидающе, Аркант – подбирая аргументы, – если бы в дверь не постучали.

– К вам посетитель, – Ани кивнула на дверь.

– Идите, – позволил, отворачиваясь, темный.

И Ани бы последовала его совету, протиснувшись мимо замершего на пороге гостя, если бы не одно но... Посетитель не стал ждать.

Дверь без скрипа открылась, и взгляд Хозяйки Замка утонул в таких знакомых серых, словно выцветших, глазах.

Ответ 2. Надежда

– Прошу прощения? – чуть вздернув бровь, когда пауза заметно затянулась, сказал Мортен, отступая на шаг, чтобы Ани было удобнее пройти мимо. Узнавания, которого так боялась девушка и на которое втайне надеялась, не случилось. Оно и понятно: темные, вернувшиеся из Лабиринта, не всегда помнят все, что с ними там происходило. Мор же не был защищен даже малостью дара. А уж после воды из источника...

Ани моргнула, отворачиваясь.

– Простите, – шепотом выдохнула она и проскользнула мимо бывшего слуги. Быстро, решительно, пока ее уверенность еще позволяла держать себя в руках и не оглядываться.

Он больше ее не помнил. Теперь Ани точно об этом знала: план удался, свершился, разделяя ее жизнь на до и после, но ни удовлетворения, ни злого торжества она не испытывала. А противное сердце сжималось, перед глазами начал расплываться холл, словно тело обрело собственную волю и презрело свое истинное назначение.

Тяжелая рука легла ей на плечо, но Ани даже не вздрогнула. Она знала, кому принадлежит тот флер силы, что был разлит на границе. Увы, грань была доступна не только ей и ее слугам.

– Идем, – позвал ее вечный соперник и коллега.

– Куда? – Ее голос был настолько холодным, что обитатели границы в ужасе мчались подальше от этого места, вот только скрыться от него им было не суждено. Ледяные статуи замерли в причудливых позах.

– В Замок или в мои Чертоги. Туда, где все живое не уснет, скованное твоей тоской, и не исчезнет, не вынеся боли.

– Мне не больно, – отозвалась Ани, хотя и не была уверена в собственных словах.

– Значит, тоскливо. Порой это даже хуже. Идем.

Далис приобнял девушку за плечи, и они оба исчезли из холла. Магистр Маленвер, спускавшийся в этот момент по лестнице, с облегчением промокнул платком вспотевший лоб.

– Кто это был? – задумчиво уточнил Мортен, когда девушка исчезла на лестнице. Ни он, ни хозяин кабинета не делали попыток закрыть дверь.

– Моя адептка, – раздраженно отозвался Аркант, морщась и сбрасывая обуявшее его наваждение. – Пропустила занятие, приходила сдавать отдельно. Тебе не следовало врываться.

– Я стучал, – заметил нежданный и, похоже, нежеланный посетитель, обходя друга и усаживаясь на тот самый стул, который еще недавно занимал сам хозяин кабинета. – Ты уступил ей свое кресло.

– Девушка ушиблась.

– Ты мог отправить ее к целителям, – хмыкнул Мортен и тут же примирительно поднял вверх открытые ладони, как бы говоря «сдаюсь». И не просто так он это сделал – магистр Аркант перестал смотреть на друга с холодным раздражением, теперь это была ярость уличенного в неподобающем поведении мага. – Понимаю, не мог.

– Ничего ты не понимаешь. – Темный тряхнул головой, отчего с трудом справлявшаяся с его волосами лента скользнула на пол. – Я не ждал тебя сегодня.

– Сбежал от твоей кухни, – честно признался Мортен. – Ворота академии до сих пор готовы пропускать меня и днем, и ночью. Не мог не воспользоваться своим козырем.

– Придется поговорить с Маленвером об этой недоработке.

– Как ты жесток, мой друг, – хмыкнул гость.

– Она ждала тебя все эти годы, – напомнил Аркант, прищурившись.

– Я не требовал подобной верности, – отчеканил Мортен, глядя собеседнику прямо в глаза.

– Она ждала. – В голосе магистра появились нехорошие, угрожающие нотки.

– Это было ее решением, – все тем же тоном, не допуская в голосе ноток сомнения или раскаяния, заметил гость.

– Это было ее обязанностью! – А вот магистр не смог удержаться от перехода на повышенные тона.

– Обязанностью перед кем? Я не требовал ни верности, ни ожидания, и твоя кухня знала, что никогда не займет в моем сердце место большее, чем то, на которое может претендовать младшая сестра моего друга. Эта помолвка была навязана нам обоим.

– Ты согласился, – напомнил темный.

– Потому что не мог отказать в помощи напуганной девчонке! За кого ее хотел выдать лорд Малион, не напомнишь?

Аркант поморщился, но промолчал. Вспоминать герцога Андариона он не любил. Впрочем, последние десять лет и не приходилось: седой тиран наконец-то скончался, навсегда освободив их семью от своих притязаний. Разумеется, у герцога были и наследники, но, обделенные даром, они не рискнули требовать у мага выполнения старых обязательств даже после «смерти» жениха кузины.

– Ты мог отказаться.

– И отдать ее Эмерту? Думаешь, Трина дошла бы до алтаря? Она готова была добровольно шагнуть на грань, лишь бы избежать этого брака. И больше она бы не вернулась никогда. У нее нет темного дара, обитатели границы никогда не отпустили бы ее, год за годом вода по Лабиринту без шанса на перерождение.

– Я поговорю с ней. – Аркант рухнул в собственное кресло, на секунду прикрывая глаза и вдыхая одному ему доступный аромат.

– Я буду тебе за это очень благодарен, – твердо сказал Мортен.

– Это все, за чем ты явился? – массируя виски, уточнил Аркант, не слишком, впрочем, надеясь на положительный ответ.

– Нет. Проводи меня к Маленверу. Мне нужна моя память.

– Так нужна, что готов дать светлomu в ней покопаться?

– Да.

Маленвер не удивился, увидев на пороге своего кабинета гостей. Сомневаться, кто мог стать причиной плохого настроения Ани, не приходилось. Вариантов было всего два, и оба они вошли в его кабинет. Один, его коллега, – неодобрительно поджимая губы, другой – со спокойной улыбкой, уже принявшего решение человека, не собирающегося от него отказываться.

– Я могу вам чем-то помочь? – Маленвер заставил себя добавить в голос удивления, хотя и ждал визита бывшего слуги Хозяйки Замка. Не мог не ждать, понимая, что рано или поздно перед очнувшимся от долгого сна встанет один неприятный вопрос: какие секреты хранит его потерянная память?

– Возможно, – доброжелательно улыбнулся бывший слуга Хозяйки Замка, не растерявший спокойствия и после возвращения в

мир живых.

– Попробуй прочесть его память, – раздраженно бросил Аркант, всем своим видом показывая, что не одобряет затею.

– И вы даже не станете просить у меня клятву не распространяться о том, что я могу увидеть в вашей памяти? – притворно удивился светлый.

– А как в противном случае вы сможете поделиться этими сведениями со мной? – вопросом на вопрос ответил Мортен. И, пусть улыбка все еще была на его губах, глаза стали серьезными. – Окажете мне услугу? Пройдете вместе со мной по глубинам памяти?

– Сочту за честь, – признался Маленвер. Аркант недовольно хмыкнул, слушая их наполненные излишним пафосом речи. – Но нам придется сменить обстановку, здесь я не практикую.

Впрочем, перемещаться за пределы академии им не пришлось. Даже этаж остался тот же. Открыв противоположную от входа в его кабинет дверь, Маленвер первым вошел в небольшое уютное помещение и, дождавшись, пока вернувшийся из Замка гость войдет, преградил дорогу решившему последовать за другом Аркантом.

– Ментальная магия не терпит присутствия посторонних.

– Не припомню, чтобы что-то мешало тебе читать чужие мысли.

– Мысли лежат на поверхности, – напомнил Маленвер прописную истину. – Разумеется, если вы хотите показать мне события пятиминутной давности, также можете оставаться оба. Но сомневаюсь, что вы сами не в состоянии вспомнить свой подъем по лестнице.

– Он уйдет, – твердо сказал Мортен, встречаясь взглядом с Аркантом. – Прошу тебя.

Темный недовольно поджал губы и, не проронив ни слова, развернулся на каблуках. Дверь закрылась.

– Вы можете прилечь на кушетку, – обратился к гостю светлый. – Даю слово, что мои помыслы чисты и причинять вам вред я не собираюсь.

– Даже по велению своего бога? – усмехнулся Мортен, оглядывая комнатку. Ничего, чего бы ему не доводилось видеть у менталистов, не было. Мягкая кушетка, одно прикосновение к которой так и искушало улечься. Два кресла – для тех, кто не может расслабиться, не видя собеседника. Пушистый ковер. В общем-то и все. Голые стены, выкрашенные голубой краской, и большое окно без штор, но с

внушительным подоконником. Ничего лишнего, что заставило бы посетителя отвлечься или было бы опасно для менталиста. Разве что осветительный шар, но, чтобы перехватить управление стационарными артефактами, нужно пребывать в полном душевном здравии и хорошо контролировать дар.

– Вы можете занять любое удобное для вас место, – проигнорировав вопрос, заметил Маленвер, присаживаясь в одно из пустующих кресел и давая понять, что он с выбором определился. Его гость еще раз обвел взглядом комнату и сел напротив. Тоже в кресло.

– Прежде чем я начну, позвольте узнать: что именно вы хотите найти?

– Причину, по которой я здесь.

– Мне казалось, вы знаете, что привело вас ко мне, – усмехнулся Маленвер, хотя оба собеседника понимали, что виной всему не простое любопытство.

– Ваш покровитель рассказал мне весьма интересную историю, но я не привык верить на слово всему, что мне говорят.

– И полагаете, что я пойду против Светлейшего?

– Полагаю, что вы, как и я, захотите удовлетворить свое любопытство. Или вам каждый день предлагает доступ к своей памяти, если верить вашему богу, – Мортен хмыкнул, – бывший слуга Темнейшей? Неужели удержитесь от искушения узнать, что скрывается по ту сторону границы?

– Вы правы, мое любопытство мне этого не простит. – Светлый облизнул пересохшие губы. И пусть он был уверен, что Ани-Арли предусмотрела вмешательство магов, не попробовать – действительно было выше его сил. Слишком искушающим был шанс, слишком редким...

Мортен и не заметил, как потерял сознание. Таким же неожиданным было и возвращение в реальность. И, если бы не бисеринки пота, покрывавшие лоб светлого, Мортен мог бы усомниться в Маленвере. Но маг был измотан. Все морщинки, до того практически незаметные, проступили на истощенном лице. Ему даже показалось, что несколько светлых прядей сменили оттенок.

– Мне жаль, – хрипло выдохнул светлый, откидываясь на спинку кресла и тяжело дыша. – Ни один смертный не сможет вам вернуть

утраченного. Ваша память о годах, проведенных вне нашего мира, уничтожена. Не скрыта, не заблокирована – разрушена.

– И вы никогда не сталкивались с подобным?

– Лично – нет, – смежив веки, признался Маленвер. – И вы не найдете среди живых никого, кому бы доводилось.

– А среди мертвых? – верно истолковал уточнение светлого Мортен.

– Магистр Штерке изучал феномен забвения среди Лиерских переселенцев. Один из описанных им случаев похож на ваш.

– Но вы мне о нем не расскажете.

– Не сегодня, – слабо улыбнулся светлый. – Сегодня я больше ни на что не годен.

– Что вы предпочтете в качестве моей благодарности? – уточнил Мортен, поднимаясь. Он не собирался обременять своим присутствием бывшего коллегу больше необходимого. Тому требовалось время для восстановления, а ему все свое красноречие, чтобы добиться от Арканта помощи, а от призванного духа – если удастся его вызвать – ответов.

– Прощение.

Слова светлого заставили Мортена обернуться и сделать шаг назад, чтобы снова увидеть лицо собеседника, не пожелавшего подниматься и провожать гостя до двери.

– За что я должен вас простить? За прошлое или будущее?

– За прошлое, полагаю.

– То прошлое, которое я не помню? – Голос бывшего слуги утратил всякие нотки сочувствия. – Мы встречались?

– Нет, нам не доводилось беседовать, и тем более я не рискнул бы вас оскорбить.

– Тогда за что вам необходимо прощение? – Мортен хмурился. Морщинка на лбу проступала все четче.

– Просто так, – выдохнул светлый, избегая смотреть на собеседника. – Возможно, вам никогда и не придется дарить мне свое прощение, но в знак благодарности я готов принять именно его и ничто иное.

– Я не могу вам этого обещать, – помедлив, сказал Мортен.

– Мне хватит вашего обещания подумать над моей просьбой, – легко согласился светлый, будто это было равнозначной заменой.

- Я обещаю.
- Благодарю.

Открывшаяся после слов Маленвера дверь прямо намекала, что более тратить слова на беседы хозяин комнаты не намерен. И, слушая удаляющиеся шаги гостя, дождавшись, пока за ним захлопнется дверь, светлый тихо рассмеялся. Открыл глаза, пропустил меж пальцев поседевшую прядь и выдохнул:

– Любопытство. Проклятое любопытство, но никто бы не удержался...

Уже по задумчивому лицу друга магистр Аркант понял, что первые же слова Мора заставят его удивиться. Он не ошибся.

– Библиотека на прежнем месте? – уточнил Мортен, направляясь к лестнице.

Его спутнику пришлось последовать за ним. И не из опасений, что очнувшийся маг потеряется в ночном мраке академии – они оба знали здесь каждый закуток, – а скорее понимая, что без дара его вновь обретенный товарищ может оказаться весьма уязвим. И пусть Аркант не присутствовал при разговоре Мортена со светлыми, не заметить, как проходят сквозь него чары, не мог. Нет, он не собирался ему вредить, но даже щиты, поставленные не в прямом контакте с аурой, а лишь в непосредственной от нее близости, чьим назначением было оберегать Мортена от внешнего воздействия, рассыпались, будто исчезал сам охраняемый объект.

– Учебная – да. Закрытый фонд перенесли. Что тебе нужно найти?

– Штерке, «Этнография Северных земель». – Покопавшись в памяти, Мортен все же смог вспомнить труд одного из архимагов. И пусть лично они не были знакомы – их разделяли поколения, – для темного мага это была не такая и большая преграда.

– Это общий фонд. Решил сменить специализацию? – усмехнулся Аркант, но усмешка вышла кривая, без грамма настоящей улыбки.

– Решил узнать, что со мной произошло, – отрезал Мортен.

– И как тебе в этом поможет этнография? Если Маленвер не смог...

– Он сказал, что подобные моему случаи уже были.

– Случаи возвращения из Лабиринта? – Темный вздернул брови. – Кроме его величества Аскольда, никому не удавалось. Но и о нем

остались лишь слухи.

– Случай потери памяти. Маленвер, если, конечно, светлый не решил мне соврать, утверждает, что похожий случай был описан Штерке в отношении Лиерского переселенца. И я хочу точно знать, что произошло с ним. Едва ли это последствия Лабиринтов, если уже были прецеденты.

– И ради этого мы должны среди ночи навещать библиотеку? Дождись утра...

– И отвечать на вопросы, что я забыл на территории академии и по какому праву пользуюсь библиотечным фондом?

– Попрошу доставить в мой кабинет, – предложил магистр, но по тому, как снисходительно на него посмотрел собеседник, стало очевидно, что предложение мага будет отвергнуто.

В молчании, щурясь от яркого света вспыхивавших под потолком сфер, они достигли закрытых дверей библиотеки. Закрытых для учеников. Магистров, что бывших, что нынешних, защита академии пропускала в любое время дня и ночи, не стала исключением и библиотека. Правда, ради эксперимента Аркант выждал, пока Мортен первым не коснется потертых ручек, не обхватит их пальцами, толкая вперед, и не войдет. И темный готов был немедленно предстать перед покровительницей, если ошибся, так он был удивлен очередному подтверждению доставшихся Мортену исключительных способностей. Защита библиотеки просто не видела его друга, так, словно или его, или ее не существовало в принципе. Чары пропускали его, словно ветер. А вот самому магистру достались все прелести сличения ауры.

Кивнув притворившему за ними дверь Арканту, Мортен уверенно пошел в глубь зала. Он не верил, что кто-то стал бы менять расположение стеллажей за время его отсутствия, ведь этого ни разу не произошло, когда он учился, а после преподавал в академии.

Этнография занимала один из дальних стеллажей, деля его с фольклористикой. Не слишком популярные разделы в учебном заведении, где готовили практиков. Впрочем, и теоретики не уделяли этим дисциплинам много внимания: ознакомительный курс в десять часов с описанием самых известных трудов не в счет.

– Комлет... «Сказки о Вечных»... «Воздаяния народов Равнины»... «Жизнеописание Эгнальда Забытого»... – Пальцы Мортена скользили по истрепавшимся корешкам, пока не

остановились на утратившем былой блеск тиснении. – «Этнография Северных земель», – с удовлетворением прочел мужчина, вытягивая толстый том.

– Удовлетворен? – Голос Арканта разрезал мрачную тишину библиотеки. Мортен даже не обернулся, аккуратно открывая последнюю страницу, и, с неудовольствием хмыкнув, вернулся к первой, вспомнив, что в старых изданиях оглавление переносили в начало, чтобы читатели на пути к знаниям испортили меньше страниц.

– Кардо... Тиз... Лиер. – Взгляд Мортена упал на подзаголовок. – Если отыщу здесь ответ, буду доволен. Если нет... – Он посмотрел на друга. – Ты же не откажешь мне в ритуале?

– Призвать для тебя старика?

– Он был одним из ректоров этого места, – сверившись с тем, что помнил со времен учебы, заметил Мортен.

– Не припомню такого, – поморщился Аркант.

– История никогда не была твоей сильной стороной.

– По мнению некоторых, значение истории сильно переоценено. – На губах темного заиграла лукавая улыбка. Откровения Ани, вызвавшие столько негодования со стороны почтенного Теренсия, весьма его позабавили. Впрочем, как и любого темного, имевшего опыт призывов и общения с, так сказать, первоисточниками.

– Увы, большинству людей иные способы узнать о событиях, давно минувших, недоступны, – пожал плечами Мортен и поднял вверх указательный палец, призывая к молчанию.

«...и каким же было мое удивление, когда я вновь встретил этого человека. На нем более не было следов той скорби, что склоняла его к земле, с каждым шагом приближая Врата Лабиринта. Ныне взор его был ясным, а глаза полны энтузиазма. Тени прошлого оставили его.

Я говорил с ним о нашей прошлой встрече, но и она не оставила в его памяти ни следа. Одно лишь имя – свидетельство прошлого – навсегда осталось с ним, но более не имело той власти. Ни он сам, ни принявшие его люди не ведали, откуда ведут свой род, хотя я замечал среди них и южан, и потомков пустынных. Лишь те немногие, чьи предки пришли на эти земли столетия назад, знали о мире за пределами края. Они же подносили приветственную чашу, предлагая и мне присоединиться к их народу.

Я боялся, что мой отказ вызовет гнев этих добрых людей, но нет – они приняли его легко, лишь предупредив, что мне не позволено ходить по ту сторону гор и тревожить их талиари.

Она сама навестила меня, когда я устраивался на ночлег в доме старосты. Больше похожая на криотку, чем на своих истинно верующих, она была удивительно открыта любым моим словам и, казалось, верила каждому моему слову. Из чего я заключаю, что талиари Альн-Ари либо недавно воплотившийся дух, либо никогда не знавший предательства и людского коварства, что вкупе с забвением всех пришлых дает мне почву для размышлений.

* * *

Мое любопытство чуть не стоило мне жизни.

Определенно, приветственная чаша не просто ритуал гостеприимства. Либо сама чаша, либо жидкость в ней навсегда отбирает свободу у каждого, кто рискнет из нее пригубить. Несмотря на мои ежедневные отказы, староста продолжает предлагать мне испить из их источника. Я отказываюсь, но он продолжает настаивать. Чувствую, скоро меня попросят уйти из поселения. Мои разговоры с их духом более не обходятся без свидетелей. Местные слушают, о чем я ее спрашиваю, но не вмешиваются. Пока не вмешиваются, но чашу не убирают.

Ночью я чуть не совершил глупость. Обследовав чашу и не найдя в ней ничего сверхъестественного, я, со свойственным нашему брату любопытством, готов был испить из нее. Благо воды в ней не оставляют, что еще раз подтверждает мою версию о ее свойствах. Не чаша, а вода дарует забвение. И пусть мои ментальные способности подвергаются насмешкам коллег, я уверен, что смогу найти подтверждение своей гипотезе. Остается лишь ждать и надеяться, что меня не напоят их забвенной водой раньше, чем я разгадаю загадку беспамятства.

* * *

Пока боги на моей стороне.

Вчера в поселении появились пришлые. Неодаренные, спасавшиеся от непогоды и лихих людей, они с радостью остались на ночевку и пригубили из приветственной чаши. Их жизни на моей совести. Я мог бы предупредить их, но промолчал. Во имя науки и собственных амбиций. Мне нужен был этот эксперимент, а им – кров и возможность отдохнуть. Я убеждаю себя в этом, но не могу избавиться от мысли, что стал соучастником их гибели.

Моего таланта хватило, чтобы просмотреть их самые близкие воспоминания. После они пригубили из чаши, и... ничего не произошло. Я наблюдал за ними весь вечер, пытался napроситься на совместную ночевку, но староста не позволил. Расположение ко мне угасает, и я чувствую, что пора бежать. Шепотки за моей спиной не дают засыпать. Я подолгу лежу и смотрю в потолок, прислушиваясь и ожидая удара в спину. Они больше не кажутся мне добрыми. Они охраняют свой секрет и, кажется, готовы защищать его любой ценой.

* * *

Давно мне не доводилось спать в лесу, но именно здесь я впервые за две недели смог отдохнуть. Поселение в горах Лиера осталось в двух днях пути на север, а я все еще жив и при памяти. Огромное, я вам скажу, достижение, стоившее мне грыжи, порванной связки и перелома со смещением. И то мне повезло – до пропасти оставалось каких-то несколько шагов, но Альн-Ари остановила. Мне даже жаль было обманывать наивного духа, но без ее помощи я не смог бы уйти. Но все во благо науки.

Я успел обследовать тех неодаренных наутро и могу с уверенностью утверждать, что их память больше не подлежит восстановлению. Я попробовал, но, кроме головной боли, не смог обеспечить бедолагам больше ничего. И это не блок, не сокрытие отдельных сцен, их память чиста, как у новорожденных младенцев, но ни у кого это не вызывает вопросов, будто так и должно было быть. Механические навыки остались: они ходят, умеют

пользоваться ложкой и охотиться, но все признаки их личности утрачены безвозвратно.

Мне жаль их, но эксперимент можно считать успешным. Вода местного источника – увы, мне не удалось вызнать его расположение, но, полагаю, за горами не только святилище талиари, – лишает памяти. Есть ли какие-то закономерности или минимум, который необходимо испить, узнать не удалось. Но, надеюсь, вы простите мне мою слабость, ибо возвращаться в поселение мне более небезопасно. Да и вам – тем, кто читает мой труд, – я рекомендую обходить это место.

Описание пути и карту моего побега смотрите в конце книги. И знайте, их дух добрый, можно просить о помощи...»

Мортен захлопнул книгу и открыл вновь уже в конце. Пролистал приложения и нахмурился.

– Что-то не так?

– Карты нет. Ни описания пути, ни зарисовок. Зато, – он показал Арканту след от вырванных страниц, – кто-то определенно интересовался этой историей.

– Адепты, – поморщился Аркант, проведя пальцами по неряшливо топорщившимся остаткам бумаги. – На что только не пойдут, чтобы не переписывать.

– Вы до такой степени их распустили? – Мортен удивленно вскинул брови. – И архивариус не заставил восстанавливать поврежденный труд? От руки, без всякой магии, чтобы каждая буква копировала оригинал.

– Увы. – Магистр ностальгически вздохнул, вспомнив, как они с другом однажды всю ночь корпели над одной несчастной страницей. – Времена меняются.

– И не всегда эти изменения к лучшему, – протянул Мортен, убирая потрепанный том обратно на полку. – Ты окажешь мне услугу?..

– Разве ты в этом сомневаешься? – усмехнулся Аркант, поджал губы, думая о чем-то. После извлек оставленный собеседником том и кивнул своим мыслям. – обойдемся и без посягательства на угоды Хозяйки. Я видел его среди местных призраков. Идем, я не собираюсь призывать всех окрестных призраков в библиотеке.

Призывать всех им и не пришлось. Клаус Штерке, следивший за обоими мужчинами еще с тех пор, как они посягнули на его труд, явился первым. Тряхнул заплетенной в косички бородой, поправил ночной колпак и демонстративно перевязал пояс на халате, давая понять, что не собирался беседовать с посторонними.

– Не могли утра дожждаться? Какая невоспитанная молодежь! – Призрак покачал головой, отчего кончик колпака заходил маятником. – Ни стыда ни совести, почтенного профессора, магистра... как какого-то мальчика на побегушках! И ради чего?! – Он всплеснул руками, демонстрируя ширину рукавов, в которые, казалось, можно было спрятать не один свиток. – А действительно, чего ради вы меня призвали, молодые люди? – уже спокойнее, с умеренной дозой любопытства поинтересовался призрачный ректор, разглядел наконец, кто именно его призвал, и не удержал непроизвольное: – Ой...

– Ваш этнографический труд произвел на нас огромное впечатление, – проигнорировав восклицание старика, перехватил инициативу Мортен, освобождая удерживавшего круг призыва друга от необходимости разговора с призраком.

– Мой труд? – Штерке прищурился. – Решили польстить старику? Будто я не знаю, что его исключили из программы обязательного чтения еще пятьдесят лет назад и с тех пор... Хм, неужели вы сами решили с ним ознакомиться?

– С большой охотой, – подтвердил Мортен. – Нас особенно заинтересовала та часть, где вы описываете Лиерское поселение и их обычай приветственной чаши.

– Ох, Лиер... – Тяжелый вздох сорвался с губ призрака. – Да, я помню его. И вы, верно, тоже.

– Никогда не доводилось бывать, – уверенно заявил Мортен, внимательно изучая собеседника. Ему казалось, что нет-нет да и взглянет покойный маг на него искоса, словно старался не терять из виду.

– Но как же!.. – Недоверие в голосе мага сменилось неодобрением. – Зачем же вы врете старику, господин Мор? Я верой и правдой служу вашей Хозяйке... Неужели я прогневал Темнейшую? – Голос призрака растерял присущую ему живость, превратившись в предсмертные хрипы. – Прошу вас, господин Мор... Искуплю свою вину. Сделаю все, что она пожелает. Экзамен, курсовую, дипломную...

все мои знания принадлежат вашей госпоже, только скажите, чем я могу...

– Она не гневается на вас, – принял правила игры Мортен, покосился на внимательно слушавшего беседу Арканта.

– А вы? – Призрак бросился было ему в ноги, но не смог покинуть пределы очерченного темным кругом. – Пощадите, господин Морьен. Чем угодно отплачу, только не гневайтесь. Вы же, как и мы, душа подневольная, целиком и полностью Хозяйке преданы. Так не губите...

– Не погублю, – пообещал бывший слуга Темнейшей. – Если расскажете нам, как добраться до того Лиерского поселения. Вы же помните туда дорогу?

– Как сейчас помню! – Старик расслабился. – Описать, нарисовать? Проводить только не могу.

– Покажите на карте, – чуть поумерил пыл призрака Мортен, разворачивая перед ним карту империи и всех прилегающих земель. Крючковатый палец призрака остановился напротив одной из гор Сияющих Вершин.

– Здесь, – выдохнул Штерке и заглянул в глаза Мортену. – Это все?

– Нет, – вмешался в их разговор Аркант. Усмехнулся себе под нос, будто одна из его догадок уже подтвердилась, и уточнил: – Экзамен вы для кого писали?

– Так для... – Призрак прикусил язык, во все глаза глядя на магистра. Перевел взгляд с него на Мортена, и узкие щелочки глаз распахнулись на недоступную им при жизни ширину. – Живые, оба!

– А вы полагали, что нет? – Улыбка зазмеилась на губах магистра, а в глазах блеснуло предвкушение хищника, унюхавшего добычу.

– Я... Нет... Да... – Покойный магистр Штерке переводил взгляд с одного собеседника на другого, не зная, как следует поступить. На призрачном лбу наверняка бы выступила испарина, если бы это было возможно. Наконец бывший ректор словно бы на что-то решился и выдал: – Ани-Арли кларион этэ.

Стутившийся по углам комнаты мрак рванул в сторону круга, сбивая обоих мужчин с ног и подхватывая решившегося практически на самоубийство призрака. Он не был темным при жизни, поэтому не имел права требовать – только просить, но это была не просьба.

Чужое присутствие, взгляд, полный ярости, такой ощутимый, но исходивший из недоступных его вниманию мест. С границы, откуда приходили слуги Темнейшей и очень редко – она сама. Мортен вскинулся, обернулся вокруг своей оси, но никого не смог рассмотреть. Но призрак видел. Штерке упал на колени, словно моля о прощении, а в следующий миг ноги подкосились и у самого Мортена. Он упал, не в силах устоять.

Боль. Острая. Внезапная. Вбившая кол в самое сердце, подернувшая трещинами всю его сущность. Хрупкий мир, устоявшийся внутри, рушился под волнами чужого гнева, раскалывался на тысячи кусочков, в каждом из которых царствовала боль.

Голова встретилась с мраморными плитами пола, но прежде, чем потерять сознание, Мортен успел заметить склонившуюся над ним фигуру, попытался коснуться края ее объятых тенями платья. На миг ему даже показалось, что попытка увенчалась успехом, пока ткань не выскользнула из его рук туманом. И вся фигура незнакомки, такая знакомая и чужая одновременно, не исчезла, растворяясь в заполонивших его сознание тенях. Потерянного прошлого ли, отчаянного ли будущего...

Холодные пальцы незнакомки коснулись его лба, и слуга потерял сознание, повинувшись воле своей госпожи.

– Иди, – приказала Ани призраку, замершему в коленопреклоненной позе. – О своем наказании узнаешь позже.

– Да, госпожа, – выдохнул Штерке, не разгибаясь и исчезая прямо из круга. В присутствии Хозяйки ни одни чары не могли удержать исполнявшего ее волю слугу.

Ани перевела неприязненный взгляд на единственного оставшегося пусть и не на ногах, но в сознании присутствующего. Магистр захрипел, не в силах выносить ее прямого взгляда, попытался сжать пальцы в защитном знаке, но Ани только усмехнулась. У темных способов защититься от нее не было. Ни единого. Ее слуги, ее рабы, те, кто покусился на часть ее силы, они были полностью открыты ее гневу.

– Достаточно. – Далис заступил дорогу ее взгляду, закрывая собой незадачливого темного. Хотя тот и заслужил. Страдания Мора, ее Мора, были полностью его виной, и он должен был понести

соразмерное наказание. – Ты его убьешь, если не остановишься, – предупредил Светлейший. – И твоему веселью здесь придет конец.

– Мне не весело. – Два слова, которые, казалось, услышал каждый обитатель грани, хотя сказаны они были едва ли не шепотом.

– Он нужен ему. – Далис кивнул на лежавшего у ног коллеги слугу. Последний аргумент, который еще мог спасти незадачливого темного. Слишком зла была Ани, почувствовав призыв призрака и поняв его причины. – В мире смертных нельзя обойтись без друзей. Даже если они настолько глупы, что идут на поводу у желаний твоей слабости.

– Он... – начала было Ани, не отводя взгляда от своей бывшей Тени. Не смогла не отметить, как заострились все черты на осунувшемся лице, но непримиримая решимость не оставила ее Мора даже сейчас. Сжатые губы, пальцы, которыми он пытался ухватиться за край ее формы, и ему даже удалось в первый миг, отчего Ани пришлось уйти на более глубокий слой границы. Туда, где маг, шагнувший на грань, смог бы разглядеть лишь ее силуэт.

– У него есть вопросы. И ответы на них он найдет. Разве что ты заберешь его в Лабиринты, но... – На губах Альбина Кентора, в чьем облике сейчас находился Светлейший, выступила снисходительная усмешка. – Даже в этом случае он получит свои ответы.

Заворочался и потянулся Нем, выгибая спинку и вонзая в Ани когти. Так же, не церемонясь, выбрался наружу и спрыгнул прямо на Морьена. Прошелся, по-деловому задрал хвост, и свернулся клубочком на груди бывшего хозяина. И, словно отзываясь на близость дара, кожа беспамятного слуги стала наливаться цветом.

Ани тряхнула головой, выпуская Арканта из-под власти своего раздражения и все свое внимание уделяя котенку.

И темный шумно вдохнул. Столь желанный воздух обжег легкие, кровь застучала в висках, отзываясь на хлынувший поток кислорода, но сил пошевелиться не было. Он мог смотреть только в потолок, радуясь, что ничто не давит на грудь, и чувствуя, что не способен даже на самое простое колдовство. Даже разглядеть то, что затаилось на границе, не мог, не говоря уже о сопротивлении гостям. Но не понимать, кому он перешел дорогу, кто сейчас снизошел до их уровня, пусть так и не покинул того слоя реальности, что не был доступен ни одному магу... Аркант был не настолько глуп. И вкупе с признанием

призрака, с теми нестыковками, что он и сам замечал, с интересом императора и настойчивыми просьбами закрыть глаза на любые происшествия с его любимой адепткой...

Да, отрицать становилось все сложнее. Она действительно его драгоценное сокровище, его госпожа, пусть глупый слуга и не заслужил высочайшего доверия. Он не заслужил, а его друг... Аркант с трудом заставил себя повернуть голову, чтобы встретиться взглядом с... котенком. С внимательным, чуточку покровительственным взглядом создания, знавшего гораздо больше, чем распластавшийся под ним выгоревший маг и его глупый друг.

Понимая, что ничем хорошим его осведомленность не кончится, стоит ее проявить, Аркант предпочел за лучшее закрыть глаза и сосредоточиться на восстановлении собственного организма. Благо даже темным целительство было отчасти подвластно: та его часть, где требовалось избавиться от пострадавших тканей и клеток.

И даже когда давление чужой силы исчезло, давая понять, что они с Мортемом остались одни, темный не рискнул тут же открывать глаза. Слушал мерное дыхание друга, ждал, пока успокоится собственный пульс, так до конца и не уверенный, что опасность миновала.

Но время шло, тело начало затекать от неудобной позы, и Аркант решил встать. Накатившая усталость была лучшим свидетельством того, что он все еще жив. С трудом поднявшись на ноги, он оглядел покрытый пылью пол – единственное напоминание о начерченном круге. Хмыкнул, отметив свое просто потрясающее везение: присутствие Темнейшей отвратило от разрушенного круга всех других обитателей границы, что могли воспользоваться открытым им проходом и выйти в реальный мир. Капли силы, которые успел накопить его измученный организм, ушли на то, чтобы убедиться: реальности больше не связаны. Уходя, его нежданная гостья закрыла за собой все двери. Но он знал, что еще до полудня она вернется сюда. Спустится по лестнице, войдет в сопровождении своей жрицы – теперь дружба аристократки и девушки с коротким именем, больше походившая на служение, была легко объяснима, как и вернувшийся к новоиспеченной жрице дар, – и, смерив преподавателя насмешливым взглядом, начнет рисовать в конспекте.

Кого-нибудь другого перспектива могла и напугать, но он лишь усмехнулся и, полностью разрядив артефакт-накопитель, свел ладони

вместе, избавляясь от пыли и зачищая ауру этого места. Так, на всякий случай, чтобы светлые коллеги, если не удержат свое любопытство в узде, не нашли ничего интересного.

Ресторан уже почти закрылся, когда на его пороге появилась знакомая официанту посетительница в сопровождении очередного – больше одного раза с ней никто не приходил – кавалера, на сей раз имевшего ярко выраженные черты светлого мага.

«Зачем они ей только?» – пронеслась невольная мысль у мужчины, осведомленного о том, кто посетил их заведение. Монетка, спрятанная в кармане напротив сердца, приятно холодила кожу.

– Меню? – Он протянул папку именно девушке, наученный прошлым опытом.

– И ему тоже. – Ани кивнула в сторону Далиса, с интересом изучавшего заведение. Он лишь вздернул бровь, когда смертный проигнорировал его, и первым обратился к девушке, отдавая предпочтение в обслуживании именно ей, хотя общественные нормы требовали иного.

– Как вам будет угодно, – все так же, не поворачиваясь к Ани спиной, отчего Далису был виден лишь профиль официанта, отозвался мужчина, и на стол перед Светлейшим легла точно такая же, как уже была в руках у госты, папка. – Желаете сделать заказ сразу? Возможно, напитки?

– Что угодно, чтобы забыться. – Ани захлопнула папку и, не глядя, бросила ее замершему в ожидании слуге. – Или просто что осталось. – Быстрый взгляд на опустевшую к ночи улицу. – Мы не вовремя.

– Для вас мы всегда открыты, – преувеличено бодро отрапортовал официант, давая в зародыше зевок. И пусть они собирались закрываться, ничего. Правила гласят: работаем до последнего клиента. А если клиент к тому же сама Она, то и до рассвета можно подождать. На том свете зачтется.

– Для обоих? – уточнил Далис, забавляясь. Откинулся на спинку стула, демонстрируя костюм по последней моде и, якобы невзначай, метку служителя собственного культа. И не простую, каких было полно у младших служек, а едва ли не верховного жреца.

Официант нервно сглотнул, перевел взгляд с рассеянной госты, которую больше занимали вспыхивающие по ту сторону стекла огни, и

заверил:

– Разумеется. Все гости одинаково нам дороги.

– Ани, милая, тебя не смущают речи этого господина? – уточнил Далис таким холодным тоном, что у бедного слуги перед глазами вся жизнь прошла, а пальцы заледенели.

– Не пугай его. – Ани не удостоила никого из них и взглядом. – Закажи уже что-нибудь и отпусти беднягу. И... – девушка будто бы прислушалась к чему-то, доступному лишь ей, – креманку сметаны. Нем хочет попробовать.

– Будет исполнено, – не скрывая облегчения, пожилой мужчина со всех ног бросился на кухню, так и не приняв заказ у мстительного светлого.

– Я не успел распорядиться, – хмыкнул Далис.

– Не пугал бы беднягу – успел бы, – меланхолично заметила Ани, выпуская котенка на стол и поглаживая голову меж ушек. Мелкий отреагировал на ласку, как и полагалось, заурчал, задрал подбородок, открывая уязвимую шейку, но, стоило Далису протянуть к нему руку, зашипел и выгнулся. Острые когти вошли в мягкое дерево, намекая на серьезность намерений котенка, если Светлейший попытается хоть кончиком пальцев задеть шелковистую шерстку.

– Мои слуги тебя не любят, – едва заметно улыбнулась Ани. Настроение ее все еще оставляло сомнения в благополучном исходе для горожан, но заметно улучшилось, стоило им покинуть академию, как и сейчас, после демарша даже не кота – а какого-то энергетического сгустка, по нелепой случайности получившего имя и благоволение Темнейшей.

– Это его дар? – решил прояснить догадку Далис, прекрасно помня, что ранее его коллега животных не жаловала. Как и огрызки пусть и своей, но побывавшей в чужих «руках» силы.

Ани кивнула. Перед глазами вновь возник мраморный пол – и Мор, разрывающийся от боли.

– Почему он так реагирует?..

– Он твой слуга.

– Бывший. – Ани поморщилась. – Я его отпустила.

– Но не забрала у него своих даров, – пояснил Далис. – Только память. Полагаю, ты бы и дар ему оставила, если бы не его врожденное упрямство.

Ани улыбнулась. Котенок, будто бы почувствовавший ее улыбку, вновь довольно замурчал, падая на стол и подставляя пальцам Хозяйки животик. Он успокаивал ее: своим присутствием, забавными звуками, доверчивостью, с которой льнул к ее пальцам, и, когда официант принес креманку, попытками лакать сметану, не задевая ее усами. Неудачными попытками, после которых Ани пришлось вытирать мордочку салфетками.

Сама девушка лишь едва пригубила принесенный ей напиток. «Слезы богини» – дорогое вино, но сколько его пролилось на ее алтари...

– Я не чувствую в нем человека, – неожиданно признался Светлейший после того, как официант все же рискнул исправить свой недочет и осведомиться насчет заказа мужчины.

– Он жив, – нахмурилась Ани, не переставая ласкать отвисший животик котенка.

– Определенно не мертв, – усмехнулся собеседник. – Но моя сила не действует на него так, как должна.

Пальцы Ани зависли в воздухе, не дойдя до пузика Нема. Она вскинула подбородок, встречаясь глазами со Светлейшим и... кто-то иной на его месте был бы уже мертв, но Далис выдержал полный ярости и обещания мучительной расправы взгляд. Разве что более он не улыбался.

– Я лишь хотел убедиться в своей догадке, – сухо пояснил собеседник. – И убедился, не более.

– Не приближайся к нему, – зло попросила (хотя на просьбу этот рык мало походил) Ани.

– Не буду, – легко пошел на попятную Далис. – Раз он так много для тебя значит... – Ани промолчала: не отрицая и не подтверждая его слов. Впрочем, ее молчание лучше иных аргументов доказывало правоту собеседника. – Но я бы хотел тоже его отметить. С моим благословением твой... подопечный будет в большей безопасности.

– Он. Мой.

Нем недовольно пискнул, когда тонкие пальцы девушки впились в его холку. Ани вздрогнула и убрала ладонь подальше от котенка. Вот только теперь она сжимала в них столовый нож.

– Все верно. И это не повод для споров. Он остался твоим слугой, и никто не станет посягать...

Она смотрела на Далиса тяжелым немигающим взглядом, давая понять, что любые слова, призванные убедить ее разделить влияние на слугу, не возымеют желанного эффекта.

– Только мой. И никто из богов не должен вмешиваться в его судьбу. Ни Младшие, ни Старшие, ни Великие. Никто, – отрезала Ани. Нож в ее пальцах раскалился докрасна.

– Хорошо. Будет по-твоему. Третьего Передела этот мир не выдержит, жизнь слуги не стоит судьбы мира.

– И когда ты успел это понять? До или после Первого Передела? – не удержалась от ехидства Ани.

– Людям свойственно делать ошибки, потому и нас есть в чем упрекнуть, – сухо заметил Далис и кивнул вниз, на столешницу, которую начал прожигать расплавленный металл. – Мы оба погорячились, Ани, но мебель ни в чем не повинна.

Девушка хмыкнула. Пустила Нема в пространственный карман, убирая его из реальности, и туда же, на границу, выкинула остатки ножа. Опознать в них столовый прибор было просто невозможно, как и восстановить пострадавшую мебель без применения магии. Но Ани не хотелось лишней раз будить Кириана, которого определенно поднимут по команде, стоит ей явить чудо, поэтому она ограничилась деньгами. Едва ли хозяин заведения откажется от драгоценных камней, а Ани было недосуг ночью искать банк.

Поздние гости покидали ресторан вместе. И пусть девушка оставила плату и за блюда, заказанные своим собеседником, тот не пожелал экономить. И, сгребая с выжженной столешницы монеты, пожилой официант протирал лоб салфеткой, молясь уже всем богам вкуче, ибо в горсти брошенных мужчиной монет были не только деньги. И если подарок Темнейшей уберегал от опасностей Лабиринтов, то оставленный ее спутником артефакт даровал долголетие.

Официант вздрогнул, воровато огляделся и сунул амулет в карман.

Нет, несмотря на все упреки отца, не оценившего работу сына подавальщиком, Табольд сделал правильный выбор. Где еще за один месяц он мог обзавестись таким богатством?!

Магистр Аркант Раоден ждал вторую пару с нетерпением. Кому-то могло показаться странным, что подобное воодушевление в темном

вызывает перспектива скорого знакомства с Хозяйкой Замка, но неодаренные давно привыкли считать своих более удачливых коллег людьми странными, а порой и больными. Иначе объяснить то маниакальное стремление к неприятностям, что шло вкупе с даром, было невозможно. А уж когда речь заходила о темных...

Коллеги провожали спешившего на встречу с Госпожой мага понимающими улыбками. Пусть они и не знали истинной причины воодушевления темного, но были рады хотя бы тому, что магистр занят своими делами, впутывать в которые их самих не собирается. Один только Маленвер проводил Арканта задумчивым взглядом и попытался было напроситься к нему на пару, но получил жесткий ответ.

– Часть первого курса с трудом удерживает концентрацию на шести свечах. Твое присутствие лишит их и этих заслуг, – отрезал Аркант, закрывая дверь аудитории прямо перед носом светлого. Благо ни любопытных адептов, готовых уронить достоинство преподавателя своими сплетнями, ни иных зрителей у обидной сцены не было, да и сам Маленвер, прекрасно осведомленный о траектории движения двери, никогда не вставал так, чтобы его аристократический прямой нос мог нечаянно пострадать. Все же дверь – не человек, сознания не имеет и дрессировке не поддается.

Усмехнувшись собственным рассуждениям, менталист заверил себя, что сделал все, что мог, и направился в свой кабинет. Он ни капли не сомневался, кто совсем скоро навестит его коллегу в окружении других темных первокурсников – расписание Ани он знал едва ли не лучше своего собственного.

Тихий стук в дверь заставил магистра открыть глаза и поморщиться. Несмотря на то что Маленвера он выставил, проигнорировать его интерес не мог. Точнее причину, по которой остальные коллеги предпочли обходить его стороной, а менталист – напротив – попытался проникнуть в аудиторию. Его вело. От предположений, догадок, сцен, которые темный прокручивал у себя в голове, пытаясь угадать, как правильнее себя теперь вести, чтобы обойтись без потерь. Раз за разом прокручивая у себя в голове варианты, он не мог найти правильного. И, наконец, выставив светлого, оказавшись в одиночестве, оглядев каждый из рядов и упав в преподавательское кресло, закрыл глаза, пытаясь отрешиться от реальности.

Увы, успокоиться он так и не успел. Или – просто не мог. Разумеется, любой целитель мог поспособствовать, но успокоительные настои плохо сочетались с магией, вынуждая отказываться от колдовства на весь курс приема препаратов.

– Можно? – В проем просунулась темная макушка старосты. Сам он избегал смотреть на магистра, хотя и позволял себе неосмотрительные поползновения в сторону... Аркант неожиданно усмехнулся, поняв, что, как бы щенок ни стремился занять место рядом с его драгоценностью, надежды его тщетны.

– Заходите, – позволил магистр, поднимаясь, чтобы размять ноги, и отворачиваясь, чтобы раньше времени не пугать взглядом адептов. Ее приближение он почувствовал заранее: чем ближе девушка подходила к аудитории, тем быстрее текла к нему сила, заполняя образовавшуюся накануне пустоту. Вероятно, похожие чувства испытывали и остальные темные, оттого и не могли справиться с собственной постоянно растущей силой. Но если они смогут – этот первый курс рискует стать одним из сильнейших за все время существования академии. Уж он-то постарается. Если, конечно, выживет.

Ани предпочла сделать вид, что не заметила пристального внимания магистра, вслед за Доминикой юркнув на третий ряд. Привычно опустила на отполированную сотнями седалищ скамью и, подперев голову рукой, зевнула, отзываясь на прокатившуюся среди однокурсников волну. На пострадавшего из-за собственного неумного любопытства мага Ани предпочтала не смотреть, слишком навязчивым было его внимание. Настолько, что Ани не удивилась бы, если бы магистр вместо лекции устроил им практическое занятие.

Но нет, преподаватель спокойно начитывал им самые простые способы призывов низших обитателей границы, сопровождая слова схемами кругов на доске. Незавершенных, чтобы случайно – а в присутствии Ани речи о случайности бы и не шло – не призвать кого-то из ожидающих своего часа порождений тьмы.

Ани почесала висок карандашом и вместо знака Темнейшей изобразила толпу человечков. Что бы ни говорил магистр, лично она к появлению тварей границы ни руку, ни что-либо еще не прикладывала, в отличие от его коллег, по первости, чтобы не быть сожженными на костре, скидывавших результаты неудачных экспериментов в ее

вотчину, где созданные при помощи темного дара создания прекрасно приживались и плодились, наводя страх на новоявленных гостей ее мира. Когда же твари совсем теряли страх и начинали подбираться к Замку, воя по ночам и мешая Хозяйке размышлять о вечном, за их воспитание принимался Карбин или кто-нибудь из других Теней, кто оказывался в Замке. К величайшему разочарованию зубастых созданий, причинить вред истинным слугам Темнейшей они не могли. Ни клыки, ни когти, ни подтеки разъедающей плоть слюны не были достойным оружием против Теней. А некоторым из них – и вой не мешал, так привыкли они к звукам взрывов: кто-то – пороха, а кто-то – неудачно сотворенных артефактов. И бегали порождения тьмы, страх и ужас темных магов и причина быстрого похудания светлых, под звуки флейты, маршировали под барабан и плясали под бубен – тут уж кто снизошел до их воспитания.

Звук колокола, легкой трелью донесшийся до подвала, оповестил всех об окончании второй пары. Адепты выдохнули, откладывая перья и вытягивая руки, сжали-разжали пальцы после быстрого и утомительного письма и полезли в сумки за съестным. По крайней мере, та часть адептов, что предпочла столовую утреннему нанесению макияжа. Среди них оказалась и Доминика, под завистливыми взглядами остальных девушек протянувшая Ани пирожок.

– С чем? – уточнила девушка, прищурившись и наблюдая, как в ауре слуги сгорает с полдюжины мелких проклятий. Теперь, когда дар Доминики успел прижиться в своем исконном теле, слуга могла не опасаться случайных проклятий, что так часто посылают завистливые коллеги. Впрочем, и что-то серьезное тоже бы не возымело действия – тут бы среагировала уже метка слуги, отрезая от девушки любые действительно опасные чары. Помня о предстоящих занятиях со светлым потоком, Ани ослабила дарованную Доминике защиту. В противном случае рискнувший задеть боевым заклятием ее слугу мог отправиться к целителям в тот же момент, получив своими же усиленными многократно чарами в лицо.

Правда, порой случались конфузы: если обе стороны конфликта оказывались обладателями божественных меток, круг замыкался вплоть до явления божественных покровителей. И тут уж все зависело от настроения последних и их ступени в иерархии: мог уступить слабейший, не рискуя вызывать гнев более почитаемого коллеги, могли

оба незадачливых мага схлопотать от покровителей за неумение решать конфликты словами, а могло обойтись и без последствий, если оба смертных одинаково ценны для покровителей. В любом из случаев Доминика рисковала привлечь внимание. Не говоря уже о том, что Ани могла не удержаться и лично покарать позволившего себе лишнее адепта. Сомневаться же, что светлые не пожелают оставаться в рамках инструкций, не приходилось.

– ...с малиной, – судя по шепоту, Доминика повторила ответ не в первый раз. Ани моргнула и благосклонно кивнула, принимая пирожок и возвращаясь из обуявших ее мыслей и воспоминаний в реальность.

– Вкусно, спасибо, – кивнула она, откусывая.

Однотруппники разочаровано застонали: видимо, кто-то уже успел нацелиться на непривлекательный пирожок, если бы он оказался не нужен.

Ани хмыкнула и откусила еще немного. Прикрыла глаза от удовольствия, наслаждаясь малиновой начинкой, и печально вздохнула, когда лакомство кончилось. Еще, как назло, начала мучить жажда, напоминая, что нельзя испытывать только удовольствие, отдавая бразды правления воплощению.

– Я скоро вернусь, – шепнула Ани Доминике и принялась пробираться между рядами. Перерыв еще не успел перевалить за экватор, и Ани рассчитывала успеть вернуться в аудиторию до звонка колокола.

Рассчитывала, но не успела – слишком большой оказалась очередь к питьевому фонтанчику. А поэтому, слушая, как подгоняет ее колокол, неслась на всех парах обратно в подземелье.

– Успели, – заметил магистр, поднимаясь с кресла, которое, казалось, было частью его самого – так органично они смотрелись вместе. – Я решил внести некоторые изменения в сегодняшнее расписание, – заметил он, щелчком пальцев открывая проход в уже знакомый им зал для тренировок работы с силой. – Посмотрим, насколько внимательно вы меня слушали.

Возмущенный ропот, которому бы следовало пройти по рядам, умер в зародыше. Магистр Аркант был слишком злопамятен, а в преддверии проверки портить ему настроение не хотел никто. Мало ли кого именно он попросит призвать и, что немаловажно, удержать. А ведь эту тему он уже давал на самостоятельное ознакомление.

– Конспекты вы оставляете здесь, – добавил магистр, видя, как адепты начали сгребать со столов свои записи. – Круги призыва в зале уже подготовлены, не хватает лишь нескольких символов – все из них вы уже видели сегодня – и вашей силы, чтобы активировать круг, а после... – маг усмехнулся, – удержать то, что откликнется на ваш зов. Кто не справится с любой из частей задания, остается на отработку, – закончил темный, и вот тут уже слаженный стон не заставил себя ждать: сомневающихся, что их свободное время только что украли, не осталось.

Разве что Ани, пользуясь тем, что магистр не мог видеть ее лица, зевнула и кивнула обреченно. Призывы так призывы. В конце концов, и ей иногда стоило проводить ревизию обитателей границы, так почему бы и не сейчас.

Знакомый зал встретил их непривычно ярким светом. Впрочем, учитывая, что работать адептам предстояло с кругами призыва, это было неудивительно. Ошибка первокурсника порой обходилась академии дороже, чем срыв эксперимента магистра – лица материально ответственного, в отличие от поступившего на учебу недоросля, поэтому ректор предпочитал не экономить на осветительных шарах, чтобы не оплачивать впоследствии внеочередной ремонт. Не всегда получалось, но, по крайней мере, ректор Эртиан делал все возможное.

Доминика, прошмыгнувшая в открытый проход вслед за Ани, прикрыла глаза ладонью, спасая их от яркого света. Ани, как и большинство однокурсников, последовала ее примеру. Уже спускаясь, она видела очевидные сходства незавершенных рисунков с теми, что демонстрировал им на доске Аркант, и убеждалась, что для Доминики задание не будет невыполнимым.

– Итак, – дождавшись, пока все ученики спустятся, начал магистр, жестом запирая дверь и отрезая подопечным пути к бегству. Парочка темных, что предпочитала отсиживаться на последних рядах, проводила исчезающий контур двери тоскливым взглядом. Ани хмыкнула и отвернулась: позорище, а не маги. – Вижу, все готовы слушать, – усмехнулся магистр. – Повторяю для тех, кто только проснулся и еще не понимает, в какой из реальностей находится. – Ани с удивлением обнаружила, что слова преподавателя заставили вздрогнуть Марка. – Ваша задача предельно проста: выбираете для

себя любой круг, завершаете его, вкладываете необходимое количество силы – справятся и те, кто освоил всего три свечи, – предвосхищая вопросы, заметил Аркант, – и главное – удерживаете вызванное вами создание не менее четверти часа. После чего отсылаете существо обратно. Глупые вопросы, ответы на которые вы должны были найти в учебнике? – Бровь темного призывно взметнулась вверх, но признаваться никто не стал. – Жаль, но теперь уже поздно что-либо менять. Лучше мертвый темный, чем глупый, – закончил на «позитивной» ноте магистр.

Ани хмыкнула и, не иначе из желания досадить решившемуся влезть в ее дела темному, решила присмотреть на этом испытании не только за Доминикой, но и за всеми остальными. Чтобы голова у магистра болела почаще и оставляла ему меньше времени для сования носа в чужие дела. Впрочем, лишая кого-то шанса на дополнительные занятия она не собиралась, так, присмотреть, чтобы в Замок никто не отправился. А кандидаты определенно имелись.

У стены, рядом со столиком, на котором ожидали своего часа свечи, стоял Лорвин и с интересом следил за нервничающими адептами. Перехватив взгляд Хозяйки, Тень поклонился, придерживая длинную светлую косу, перекинутую вперед. Острые кончики ушей дрогнули, улавливая недоступный смертным звук.

Ани нахмурилась, но ничего не услышала. Бросила быстрый взгляд на магистра и торопливо отошла в самый дальний угол, поближе к Лорвину и подальше от остальных. Щелкнула пальцами, подзывая кусочек мела, и опустилась на колени перед кругом. Не прошло и доли секунды, как над белыми линиями показался кончик эльфийской косы, практически подметавший пол.

– Сегодня они нам не нужны, – хмыкнула Ани, не уточняя, о ком конкретно идет речь.

– Даже магистр? – деловито уточнил полуэльф. На его лице отразилось замешательство, словно его обманули в лучших чувствах.

– Даже он, – тяжело вздохнула Ани, не глядя завершая круг, и шепотом уточнила: – Так почему ты все же пришел?

– Из-за вас. – Тень указал на вспыхивающие темным огнем края круга. Пламя вспыхивало и вместо того, чтобы погаснуть, разрасталось, расширяя пентаграмму. Узоры ее становились изящнее, линии извилистее. Они множились, накладываясь друг на друга,

пересекаясь и захватывая соседние плиты. Но прежде, чем кто-то успел заметить, во что превратился стандартный призывающий круг, Ани сжала пальцы, останавливая процесс. Пламя дрогнуло и исчезло.

– Все под контролем, – хмыкнула девушка, поднимаясь на ноги и оглядывая украсившую пол роспись. Рядом восторженно выдохнул Лорвин. – Убери незапланированное, – приказала Ани, но полуэльф отрицательно покачал головой.

– После вас я не смогу, – заметил он. – Нужно быть Великим, чтобы исправить причиненный вами ущерб.

– Ущерб? – Ани вздернула обе брови, давая понять, как сильно ошибся в выборе слова подчиненный.

– Шедевр, – исправился Тень, но добавил: – Увы, никто из слуг, даже если бы осмелился...

– Тогда скрой лишнее, – поморщилась Ани, чувствуя на себе внимательный взгляд и прекрасно понимая, кто наконец-то освободился и желает лично проверить, как у нее дела. – Он не должен видеть, как расширился круг.

Фигура слуги дрогнула, серым туманом расползаясь над поверхностью пола, закрывая лишние линии. Уже направлявшийся в их сторону магистр вздрогнул и нахмурился. Казалось, он весь обратился в слух, раз уж глазам доверять было бесполезно. Медленно, как по полю между ставками враждебных сил, продолжил свой путь, приглядываясь к чистому полу. Но – что Ани с удивлением отметила – не наступая на скрытые от него линии круга. Несмотря на то что видеть их ему было ныне не дано, он ни разу не ступил на черту, словно чувствовал неладное.

Впрочем, не словно. Пожалуй, все в зале ощутили, когда магистр наконец остановился, как по всей поверхности пола прошла волна силы, пытаясь очистить его от любых чар. Недовольно застонали уже приступившие к подпитке круга адепты, которым преподаватель сорвал первую попытку. Отступили от своих незаконченных пентаграмм остальные. Доминика бросила на Ани тревожный взгляд, но та только головой качнула, отмахиваясь.

– Вы вновь преподносите мне сюрпризы, – неожиданно сказал Аркант, стирая со лба пот. Сил для чар он не пожалел и, судя по вперившемуся в пол взгляду, что-то ему удалось разглядеть.

– Как и вы мне, – хмыкнула Ани, переступая через границы внутреннего круга и становясь ровно на то место, где завеса Лорвина оказалась прорвана. В зеленых глазах магистра отразилось удовлетворение. – Но вам не кажется, что остальные не должны платить за ваше любопытство?

Ани кивнула в сторону замерших в ожидании адептов. Никто из смертных не знал, что им предпринять: стоит ли пробовать напитать силой круг вновь или без разрешения магистра можно и не пытаться?

– Возвращайтесь к работе, – бросил им Аркант и добавил: – И вы тоже. Раз уж мы продолжаем занятие.

– Как вам угодно, – хмыкнула Ани и попросила: – Выйдите из круга. Иначе я не смогу гарантировать вашу безопасность.

– *Вы* – и не сможете?

– Не посчитаю нужным, – отрезала Ани и приказала: – Можешь идти.

Соткавшийся за спиной магистра слуга учтиво кивнул Хозяйке и, сделав шаг в сторону, исчез, уходя на более глубокие слои границы.

– Пожалуй, я не стану пользоваться вашим разрешением, – хмыкнул темный. Отчего-то вместо ожидаемого Ани трепета или хотя бы страха магистр демонстрировал незаурядную наглость.

– Оно предназначалось и не вам, – сухо отозвалась Ани и, не глядя, простерла ладонь над кругом. – У вас есть минута, чтобы уйти, иначе мы продолжим наш разговор уже в другой обстановке.

– Поэтому вы отпустили слугу? – усмехнулся Аркант.

Его веселье действовало на Ани... странно. Она не привыкла к тому, чтобы смертные, оказываясь буквально на пороге Замка, проявляли столько эмоций, выходящих за рамки привычных гнева, отчаяния, страха и обреченности.

А этот темный улыбался. Вопреки всему. Вопреки дурной славе Темнейшей, мстительной и быстрой на расправу. Вопреки событиям прошлой ночи, когда лишь явление Светлейшего спасло его от прямой дороги в Лабиринты. Вопреки ее немигающему взгляду, в котором не осталось ни капли человеческого – одна тьма.

– Если бы вы хотели моей смерти, я был бы уже мертв, – тихо, чтобы не услышали остальные ученики, заметил магистр. – Но я все еще жив, значит, зачем-то нужен вам на этом свете.

– Не нужен, – хмыкнула Ани, тем не менее с удовлетворением отмечая, что Аркант вышел за пределы круга.

– Тогда готов следовать за вами, куда прикажете, моя... драгоценность.

Линии круга вспыхнули так ярко, что опалили кончики волос магистра. Ни один щит не сработал, да и толку не было на них надеяться, когда активировавшийся круг подпитывался первозданной тьмой. Той, что жила в каждом из темных и что принадлежала одной разгневанной богине.

Тонкая завеса протянулась от одного края зала к другому, скрывая от глаз присутствующих пылающий силой круг. На мраморных плитах расплылась первая капля крови – плата за любопытство и самонадеянность. Ноги темного подкосились, роняя его на пол, туда, где уже была его кровь.

– Ради чего все это? – Ани склонила голову набок, изучая более не улыбающегося мага. Теперь он походил на тех, кто пришел к воротам ее Замка.

Мужчина промолчал. Все его силы были направлены на то, чтобы вдохнуть, но сейчас рядом с Ани он мог лишь задыхаться. Тьма выжигала пространство вокруг, лишала столь ценного для людей кислорода, толкала на границу между жизнью и смертью.

Арканту даже показалось, что он видит обвитую плющом арку, делает к ней первый шаг... и заходится кашлем от обжигающе холодного воздуха, наполнившего его легкие.

– Тебе пока нет места в Замке. – От шепота, что был подобен крику, голова раскололась на части. Он чувствовал одну лишь боль, умирал от нее, но более не видел выхода, дороги, пусть и в последний, но путь – без боли и страданий.

– Ты не прав, – заметил знакомый голос, и он почувствовал, как холодные пальцы касаются его лба, снимая поселившуюся там – казалось, навечно – боль. – Лабиринт полон страданий и боли, и у того, кто шагнул туда по собственной воле, дороги назад уже нет.

Мужчина открыл слипшиеся от слез и пота глаза. Отголоски пережитой боли еще терзали его, но больше в памяти, чем на самом деле. Он чувствовал, что лежит затылком на коленях склонившейся над ним девушки. Той, что задумчиво изучила каждую его черту, словно размышляя, стоит ли облегчать страдания наглеца.

– Вы так милосердны.

Улыбка вышла невеселой, но он нашел на нее силы. Что это было: отчаянная храбрость или глупая гордость?

Ани только осуждающе покачала головой.

– Мы все заложники своих историй, – грустно заметила девушка. – Вы пытаетесь казаться глупее, чем вы есть, отчаяннее, чем требует ситуация, и жестче, чем они заслуживают.

Ани посмотрела в сторону, где не прошло и четверти часа, а половина ее однокурсников вымоталась, лишенная незримой подпитки от ее присутствия. И пусть они не видели, как их куратор вкусил все прелести наказания за наглость, темные первокурсники пытались не ударить в грязь лицом, раз за разом репетируя призыв, но не решаясь провести ритуал не под цепким взглядом магистра. Впрочем, еще немного – и кто-то рискнет, потеряв терпение и желая завладеть взглядом Арканта, так надолго остановившегося рядом с невозмутимой Ани.

– Вам хорошо даются иллюзии, – заметил магистр, с трудом отрывая голову от коленей девушки. В отличие от него Ани одним плавным движением поднялась на ноги и протянула Арканту руку, чтобы было за что ухватиться, пытаясь подняться.

– Премного благодарна за высокую оценку своих талантов, – не без иронии поблагодарила Ани. – Пожалуй, у вас есть еще пара минут прежде, чем Калиус призовет, – она нахмурилась, изучая круг, и поморщилась, – Болтливого Йерга.

– Он вам неприятен? – вкрадчиво уточнил Аркант, делая шаг вперед. Он покачнулся, но устоял без посторонней помощи.

– От его бесконечных речей даже у мертвого разболится голова. Тени выгнали его на самый край Лабиринта, чтобы не отвлекал от работы.

– И теперь на нем учатся призыву первокурсники. Он легко откликается на призыв...

– Он его просто ждет не дождется.

– ...и не столь опасен, чтобы всерьез покалечить кого-то из учеников.

– А за их душевное здоровье вы не переживаете? – уточнила Ани.

– За их душевное здоровье отвечаю не я, – хмыкнул темный, практически полностью взяв себя в руки. Если бы не залегающие в

уголках глаз морщинки и бледность, свойственная, впрочем, большинству из практикующих темных магов, ничто не выдавало бы в нем человека, увидевшего Первые Врата.

– Не Первые, – поморщившись, поправила Ани, давая понять, что контроль над собой он еще не вернул окончательно. – Темные сразу переходят к Третьим Вратам, минуя привратников. Зачем только люди придумали этих трех страшилищ...

– Людям свойственно себя пугать.

– Вот пусть бы они на них и любовались, – отрезала Ани, не желая вспоминать трех стражей Первых Врат. – Почему Далису молва рисует чертоги, каких нет ни у одного божества, полные яств и иных наслаждений, а мне мрачный край с пронизывающим ветром, вечно алым небом и сонмом чудовищ вокруг?!

Ее недовольный голос отразился от стен, но расширить познания в теологии темным первогодкам было не суждено. Во-первых, помешала завеса, отсекавшая Ани и магистра от остальных, во-вторых, Болтливый Иерг выпрыгнул в реальный мир по первому зову, сопроводив свое появление падением прихваченных с собой бронзовых тарелок.

Оглушительный для царившей здесь прежде тишины звон заставил адептов схватиться за уши, а призванный низший обежал весь круг, выискивая прорехи, и юрко прошмыгнул вовне. И не помешал ему ни свисающий до коленок живот, ни один рог, сохранившийся после беседы с Карбином, ни раздвоенный хвост, не оставлявший своим вниманием ни один предмет в прямой видимости. И даже нетопыриные крылышки ни за что не зацепились: когда дело касалось проявления в реальности, любой из низших был готов поступиться каноничным обликом, лишь бы удрать подальше от призывающего.

Желтое облачко, в котором от Иерга сохранился лишь цвет шкурки, взмыло под потолок, лишь там обретая прежний облик. Зубастая пасть разверзлась и... тонкий голосок, чьим ближайшим родственником был скрип несмазанных петель, возвестил:

– Недоучки, недомерки, недомаги, недо...

– Он вырвался! – Ошарашенный голос Калиуса вклинился в начало приветственной речи низшего. Тот недовольно захлопнул пасть, надуваясь, как кожаный мяч на продажу, и выдохнул, сражая

неподготовленных адептов ароматами из своего нутра. Увы, ничего приятного в источаемых низшим запахам не было: падальщик питался чем придется.

– Магистр! – пискнул кто-то, от первой встречи с обитателем Лабиринтов теряясь и забывая все, что учил. Или не учил, но теперь был бы рад изучить.

– Моя... – Ани нахмурилась, услышав знакомые бархатные нотки в голосе магистра, не рвущегося спасать вверенных ему недорослей. – ...Госпожа, – закончил Аркант, усмехаясь.

– Вы желаете молить о чем-то?

– Просить, – не теряя достоинства, поправил темный. – Не могли бы вы убрать созданную вами мою копию, чтобы не вводить наших драгоценных, – Ани передернуло, – коллег в заблуждение.

– Вы не хотите к ним присоединиться? – поняла девушка и, усмехнувшись, заставила копию магистра, как и свою собственную, исчезнуть как из поля зрения сокурсников, так и из-под взгляда торопливо обернувшегося Иерга.

– Угрозы для их жизни нет, – пожал плечами темный, усаживаясь прямо на полу и вытягивая вперед ноги. Вся его поза говорила: магистр собирается смотреть представление. Для полноты картины не хватало лишь закусок, которые можно было бы периодически класть в рот и выплевывать в момент максимального удивления.

– Угроза для жизни есть всегда, – не согласилась Ани, но уселась рядом, желая познать преподавательские удовольствия.

– В вашем присутствии? – Темный лукаво усмехнулся. – Поправьте меня, если я ошибаюсь, но не рядом ли с вами самое безопасное место для смертного, желающего укрыться от смерти?

Ани промолчала. Оспаривать очевидное было глупо, а в уточнениях, что место рядом с ней является безопасным ровно до того момента, пока она лично не захочет отправить несчастного наслаждаться загробным существованием, темный не нуждался.

– Вы хотите, чтобы я изменила свое решение? – не глядя на собеседника, спросила Ани. Все ее внимание было направлено на Иерга, начавшего входить во вкус – раз уж Хозяйка, которую он не мог не чувствовать, не вмешивается в развлечения слуги – и пророчившего Калиусу и остальным все мировые несчастья.

– Опоздаешь... Пропустишь... Долгие годы несчастий не оставят тебя... Неумеха... Посмешище... Икать тебе до конца твоих дней... Сто лет невезения и один удачи... Чтоб завистники яд нашли подешевле... – изгалялся низший, ловко уворачиваясь от рук адептов. О том, что они маги и могут воспользоваться хотя бы элементарным арканом, который они уже даже испытать успели однажды, никто не вспоминал, то ли раздосадованные словами духа, то ли не веря в свои силы. Исчезновение магистра целиком и полностью деморализовало первокурсников. Правда, не всех.

Доминика, не участвовавшая в ручной ловле того, кто легко обращался облачком тумана, напряженно о чем-то размышляла, словно бы и не замечая отсутствия госпожи. Впрочем, будучи связана с Ани обещанием, она чувствовала, что Хозяйка рядом. А раз не вмешивается – значит, отдает все на откуп слуге, и Доминика не должна ее подвести.

– И долго это будет продолжаться? – поинтересовалась Ани спустя четверть часа, когда сокурсники изрядно выдохлись, чего нельзя было сказать об Иерге. Последний был счастлив: столько дармовой силы он давно не получал. Энергетический вампир по сути, низший сучил ножками и хлопал пухлыми ладошками, совершая круги почета над поверженными врагами. Он даже перестал коситься в сторону госпожи, приняв ее невмешательство за благословение.

– Слабаки! Позор магического братства! Отрыжка... – Низший прикусил длинный раздвоенный язык, понимая, что едва не прервал свое существование неосторожным словом. Все же в присутствии Хозяйки нужно быть самоубийцей, чтобы ругать ее. Еще и прилюдно. Пусть и опосредованно, через унижение принадлежащих ей магов. – ...Недостойная зваться слугами Ее Темнейшейства. – Иерг перевернулся в воздухе и отвесил поклон наблюдавшей за безобразием Ани.

– До конца занятия, – магистр пожал плечами, – осталось чуть меньше часа. Но вы всегда можете вмешаться.

– Как кто? – хмыкнула девушка.

– И как Ани, и как моя госпожа.

– Как твоя госпожа, я могу приказать тебе вмешаться, – заметила Хозяйка Замка, переводя взгляд на поднявшегося на ноги мага, всем

своим видом демонстрировавшего, что готов исполнить любое ее повеление.

– Приказывайте. – Аркант сделал шаг к скрывавшей их завесе. – Но ваши сокурсники не получают ценного урока.

– Думаете, они еще его не получили? – вопросительно вздернула бровь Ани. – Повержены низшим, растеряли всякую уверенность, позабыли об элементарном.

– Вы нашли время, чтобы заглянуть в учебник? – иронично уточнил Аркант, и Ани с трудом подавила желание стереть ехидную усмешку с его губ. И, если бы не предыдущий опыт, гарантировавший ей отсутствие результата, она бы не удержалась, но тратить силу впустую...

– Представьте себе, да, – хмыкнула девушка и пожаловалась: – Наш куратор – суший зверь. Попробуй только явиться неподготовленным – низших натравит.

– Все ради блага адептов, – величественно, будто его и не упрекали, а награду вручали, заметил темный. – Признаться, – магистр позволил себе хитрую усмешку, – в каждом круге есть изъян. Разумеется, – он бросил быстрый взгляд на пылающую силой пентаграмму самой Ани, – кроме вашего. Кого вы призвали?

– А вы не видите? – Ани поморщилась, поскольку в ее цели не входило появление в академии высшего круга призыва. Призыва ее самой.

– Не рискую говорить об этом вслух, – довольно кивнул магистр.

– Даже не пытайтесь им воспользоваться, – предостерегла Ани. – Я могу и не прийти, но тот, кто рискнет воспользоваться этим кругом, лишится не только своей силы, но и жизни. Увы, кажется, все, чего коснется моя сила, несет гибель.

На ее лице отразилась досада. Незаслуженная обида на несправедливость бытия. Но длилось это лишь краткий миг.

– Заложники людских идей, – проговорила Ани, закрывая глаза и откидываясь на спину. Любимое тело не пострадало: сгустившаяся тьма уберегла голову от встречи с мраморным полом. – Не вмешивайтесь раньше времени, пусть и они познают бессилие.

Аркант промолчал. Внезапные изменения настроения собеседницы его не пугали, но то, с какой скоростью это происходило, как прыгали ее эмоции – от безумной ярости до безнадежной тоски, –

не позволяло расслабиться. Как только Мор выдерживал эти скачки, находясь с ней рядом?

Он не ожидал, что последние слова непроизвольно вырвутся, но, кажется, не смог удержать их в себе.

– Для всех это было секретом, – мрачно отозвалась Ани, поднимаясь и глядя на магистра темными провалами вместо глаз. Сама тьма смотрела на решившегося лезть куда не следует мага, но угрозы он не ощущал. – Не пытайтесь найти ответы, магистр, иначе мне придется забрать вас с собой. Туда, где вы не сможете мне мешать. И пусть этот мир лишится одного из сильнейших темных, – Ани наступила на линии круга, гася бегущее по нему пламя, – я готова принести эту жертву.

– Я вас понял, – спокойно сказал Аркант, ни взглядом, ни жестом не выдавая, что вот такое, меланхоличное предостережение заставило его сердце пропустить удар. Это была не угроза, нет, просто обещание, исполнить которое придется, как и всякую рутину. – Но в остальном как я должен вести себя, чтобы не навлечь гнев на это место и... учеников?

– За себя не бойтесь?

– Моя жизнь в ваших руках уже долгие годы, так чего мне бояться, если я до сих пор раздражаю этот мир своим присутствием?

– Вы неисправимы, магистр, – хмыкнула Ани. Глаза ее посветлели, возвращаясь к прежнему цвету.

– Вероятно, потому я все еще жив.

– Возможно, – согласилась девушка, отчасти готовая признать его правоту. Пусть он и заставил ее злиться при поступлении, вынудил продемонстрировать больше, чем она собиралась, Ани готова была терпеть его попытки вывести ее из равновесия. Они заставляли ее отвлекаться, забыть хоть на чуть-чуть обуявшую ее тоску, почувствовать что-то иное – раздражение, гнев, злость и... любопытство. Магистр будил в ней интерес к будущему. Отчаянное желание узнать, что на сей раз придумает этот невозможный темный, не первый год, судя по сложившейся репутации, удерживавшийся от падения в последствия пылкой общественной «любви». – Не меняйтесь, магистр, – усмехнулась девушка. – Вы хороши в той роли, что играете уже давно. Ненавидя вас, желая доказать, как вы не правы, мои слуги становятся сильнее. Будем считать, что их возрастающими

силами вы купили себе мое благословение. И до тех пор, пока вы балансируете на грани и не переходите очерченных границ, я не буду ждать вас в гостях.

Аркант молча кивнул, на мгновение становясь серьезным. Правда, уже в следующую секунду лицо магистра немного просветлело. Истратив весь свой резерв на бесплотные попытки сбить Болтливого Иерга, адепты будто бы смирились и напрочь перестали обращать внимание на низшего обитателя Лабиринта. Тот недовольно поджал пухлые губки, чуть снизился, чтобы его вопли были лучше слышны, но никто даже не посмотрел в его сторону. Напротив – адепты принялись о чем-то увлеченно беседовать, игнорируя свое задание, будто и не боялись приближающегося нагоняя от магистра.

Иерг бросил быстрый взгляд на Ани, но и покровительница была занята беседой. Да еще с кем?! С тем магом, что из года в год призывал его ради их общего развлечения, а тут такое! Болтливый Иерг надулся, раздуваясь вдвое, нервно затеребил крылышками, пытаясь выровнять полет, но не успел.

Ловчий аркан обвился вокруг тонких ножек низшего мгновенно, пока ошарашенный и обиженный дух не успел сменить форму, и Доминика забросила свою добычу в круг. Стерла выступившие на лбу капельки пота – пусть ее резерв и восполнялся быстрее, чем у остальных, зал радостно выпивал его часть. Ожидавший наготове Марк бросился к кругу, устраняя прорехи в пентаграмме, а Калиус, прикусив губу, готовился отослать чересчур самостоятельного гостя. Рядом валились с ног остальные ученики, отдавшие ему капли своей магии ради устранения Иерга.

– Маги проклятые... Супостаты... Тираны... Все вы еще раскаетесь, что обидели малыша Иерга. Отомстит вам за меня сама госпожа и слуги ее. Только попадитесь мне! Не будет вам снисхождения!.. – вырывалось из глотки все уменьшающегося в размерах низшего, оказавшегося вновь в круге и лишенного тем самым подпитки от стоявших по ту сторону людей. Ни отголоски их эмоций, ни любимая низшими плоть более не была доступна Иергу, сколько бы он ни бился. А потому с каждым словом Калиуса, разрывающего связывающие его и Иерга узы, призванная сущность становилась все меньше, пока вовсе не превратилась в облачко желтого дыма. Едва ли обессилевшие темные успели заметить, как на мгновение приоткрылся

проход на границу, и Иерг, больше не удерживаемый связью с миром живых, прошмыгнул в родные земли, на прощание погрозив Калиусу когтистым кулаком. Да уж, в одном низший, возвращающийся в Лабиринты, был прав: первокурсникам, только-только начавшим знакомство с обитателями ее мира, не стоит туда торопиться. Обиженные монстры не преминут отомстить.

Ани щелкнула пальцами, снимая незримую метку с сокурсника, и кивнула магистру. Кажется, урок прошел хорошо, пусть и не так, как рассчитывал магистр.

– Неплохо, – бросил Аркант ученикам, заставив тех, у кого еще были силы, вздрогнуть и подняться на ноги.

– Молодец, – шепнула Ани Доминике, появляясь у нее за спиной. Слуга облегченно выдохнула, но спросить ничего не успела. Волна такой родной силы хлынула к ней, заставляя прикрыть от удовольствия глаза. И пусть Доминика не считала себя достойной – поначалу, как и остальные, поддалась панике, – но отказываться от подарка не стала.

– Но в ближайшие десять лет вам лучше не появляться в Лабиринтах, – посоветовал магистр, не отказывая себе в гаденькой, раздражавшей не одно поколение адептов, улыбочке. – Низшие привязаны к источнику своей силы, и чем дальше от него они находятся – тем слабее. Ваш противник и вовсе вынужден был покинуть привычную ему реальность, потому и не мог в полной мере пользоваться своими силами.

Первокурсники промолчали. Все, о чем говорил сейчас магистр, они знали: прочли заранее, но не рискнули об этом сказать. Круг же не проверили, низший смог выбраться – а значит, их всех могли наказать. Калиуса – за невнимательность, а остальных – потому что настроение у магистра плохое.

– Впрочем, и палка раз в год стреляет, а адепты выполняют домашнее задание. Кто вспомнил о том, что духи, особенно обитающие по ту сторону границы, подпитываются эмоциями? – Марк и Доминика переглянулись. – Рад, что отмеченные госпожой, хоть немного умнее прочих остолопов. Как еще низшие духи могут восполнить свой резерв? – Аркант вздернул бровь.

– Кровью и плотью, – несмело предположил Калиус, старавшийся держаться позади остальной группы, но сокурсники его сторонились, чувствуя нависшие над ним неприятности.

– Верно, – хмыкнул Аркант. – А потому вам повезло, адепт, что призванный вами низший здесь был ничтожным энергетическим вампиром, но даже с ним я бы не рекомендовал вам встречаться по ту сторону границы. Там это милое создание может не только испортить вам настроение, но и лишит пары конечностей. А чтобы этого не произошло – на следующей паре проведем colloquium. Вопросы возьмете у старосты. Марк, жду вас вечером, – сообщил Аркант и, не оглядываясь, ушел, разомкнув напоследок защитный контур зала.

– Идем, – бросила Ани Доминике и, взяв ту за запястье, потащила к выходу. Ей нужно было подумать, а присутствие слуги во время этого непростого процесса сказывалось на Хозяйке Замка благоприятно: по крайней мере, она помнила, что давать волю своему гневу может быть опасно для тех, в ком она заинтересована.

Их путь прошел в молчании, и только за закрытыми дверьми, убедившись, что наследница Светлейшего еще не вернулась, Ани дала волю чувствам – небольшую, но подушки брызнули перьями, а ножки кроватей треснули. Ани сжала пальцы в кулаки, закрыла глаза и досчитала до десяти. Недовольно тряхнула головой на восьмерке и начала считать сначала.

– Произошло что-то, чего я не видела? – предположила Доминика, бесстрашно подходя сзади и касаясь ее плеча.

– Аркант теперь знает.

Ей на нос спланировало перо. Ани хмыкнула, отвлекаясь на неожиданный «подарок небес», и подула, отправляя перышко в новый полет.

– Как и магистр Эстельдхейм, и наш менталист, верно? – проговорила Доминика, решив уменьшить значимость произошедшего. Ани недовольно поджала губы, но кивнула, подтверждая предположение. – Недогадливость магистра Арканта была абсолютно неприемлема и порочила честь темных, поэтому вы не могли не вмешаться.

– Возможно, ты и права. – Ани плюхнулась на кровать, отчего вверх взмыли осевшие на покрывало перья. – В сложившихся обстоятельствах я не могла более терпеть несправедливость и решила положить конец сомнениям магистра. Ведь он – темный и мой слуга. И должен служить мне верой и правдой, не позволяя глупых шуточек и непочтительности!

Ани спрыгнула на пол и вздернула указательный палец.

– Если кто-то будет спрашивать – так и скажу, – решила она и... погрузилась. Взглянула печально на Доминику и призналась: – Но я же хотела другого. Чтобы ко мне относились как... к тебе, например. Или к этому... – Ани наморщила лоб, вспоминая невезучего призывающего.

– Калиусу, – подсказала Доминика. – Но в этом мастерство настоящего преподавателя: относиться ко всем одинаково, игнорируя социальный статус адепта, угрозы его родителей и давление начальства и высших сил. И я верю в нашего куратора. Он определенно справится!

– Посмотрим, – протянула Ани недоверчиво, но с огромной надеждой. Хотела было вновь плюхнуться на кровать, но вместо того пробежала по комнате, взметая в воздух осевшие перья.

Они падали ей на волосы, на нос, закрывали глаза, но Ани улыбалась. Ровно до того момента, как Доминика не посетовала:

– Нужно навестить коменданта. Порча имущества академии. От двух недель до полугода работ на благо академии или денежная компенсация в размере, превышающем стоимость ущерба в три раза. Можно, конечно, промолчать и не каяться Алиасу, но если кто другой донесет или на каникулах вскрыется, наказание возрастет в пять раз. За вранье.

– Тогда мы врать не будем, – хмыкнула Ани. – Но признаваться пойду я. И наказание отбывать. Мое первое ученическое наказание, – смакуя каждое слово, проговорила девушка и рассмеялась. И решила окончательно простить магистра, ведь не разозли он ее, пришлось бы думать, как получить наказание, а тут раз – и готово.

Ответ 3. Обреченность

– Что вы хотите сделать? – переспросил Алиас, отрываясь от сметы. Увы, работа коменданта предполагала не только назначение наказаний провинившимся и ночные дежурства в «приятной» компании, но и скучную бумажную волокиту с подсчетом пострадавших единиц казенного имущества и поиском замены по приемлемой цене. Последняя из года в год становилась все ниже – для казначея академии, и все выше – для поставщиков. И в попытках приблизить первую ко второй коменданты бились не на жизнь, а за проценты.

– Признаться, – с улыбкой, больше подходящей для именинницы, получившей долгожданный подарок, повторила Ани, усаживаясь на колченогий табурет – единственную не занятую горизонтальную поверхность в кабинете темного коменданта. Все остальные места были надежно заняты то ли трофеями магистра, привезенными им с прошлого места работы, то ли... Ани наклонилась и разглядела бирку на каменном изваянии, подпиравшем стол вместо одной из ножек. «Комната 723, Эриан Кронд».

– Потенциально опасные предметы, – пояснил темный, откладывая бумаги и устало глядя на сиявшую оптимизмом девушку. – Что вы успели натворить? Взорвали комнату, прокляли весь этаж, пролили фиксирующее зелье в канализацию, вызвали туалетного монстра? Или поддались всеобщей моде и где-то уронили милорда ректора, чтобы спасти его и попутно напоить приворотным зельем?

– Ничего из перечисленного, – задумчиво отозвалась Ани и попросила: – Подождете пару минут? А то мне теперь даже неловко как-то...

– Стоять! – Рык коменданта выдал в нем бывшего военного.

Ани благоразумно поднялась, раз уж ее об этом так настойчиво попросили.

– Присаживайтесь, – устало попросил Алиас, беря себя в руки. – Так что вы натворили, что решили чистосердечно сознаться?

– Подушки порвала, – смущенно поведала Ани. – Свою и соседки. И ножки кровати немного треснули.

– Сила из-под контроля вырвалась? – понимающе уточнил собеседник, и Ани кивнула.

– Хорошо. Ключ от склада сейчас дам – возьмешь новые подушки, – начал инструктировать Алиас. – Кровати пока менять не будем. Мало ли, еще раз силу не удержишь, так и кроватей не напасешься.

Комендант сунул руку в верхний ящик, покопался там, чем-то звеня, и выложил перед Ани связку ключей.

– Дальше по коридору, вторая дверь направо. Откроешь, возьмешь две подушки, закроешь и принесешь ключ обратно.

– А наказание? – недоуменно уточнила Ани.

– Вы – мое наказание, – выдохнул Алиас. – И куда прикажешь тебя отправить? На кухню? Там уже на полгода вперед места заняты. Некоторые еще с прошлого года бронировали. Полы мыть? Почитательницы ректора и магистра Маленвера уже все вакантные места позанимали. Кто как. Взятки, связи, одна даже на работу устроилась, чтобы чаще остальных мелькать. Так что здесь ничем помочь не могу. В морг только адептов старших курсов велено направлять, а ты на первом. Так что иди отдыхай. Считаю, я оценил твою честность.

– Но я хочу наказание! – В голосе Ани прорезались требовательные нотки. – Вы обязаны мне его назначить. Иначе я могу подать на вас жалобу, что вы не справляетесь со своими обязанностями и превышаете полномочия. Правила требуют...

– То есть ты не отстанешь?.. – Алиас бросил тоскливый взгляд в идеально вымытое окно. Подумал немного, пользуясь тем, что Ани затихла, давая темному возможность собраться с мыслями, и хмыкнул: – Ладно, будет тебе наказание, раз уж так просишь.

– Зачем она мне здесь? – пожилой целитель смерил уничижительным взглядом выглядывавшую из-за спины Алиаса темную.

– Места для отработки остались только здесь, – обреченно ответил Алиас.

– В лазарете работают светлые!

Ани хмыкнула. Судя по выражению лица встретившего их целителя, он легко мог сменить сторону, принеся незадачливых

посетителей в жертву.

– Только по традиции, – меланхолично заметил Алиас. – Но, поскольку все остальные места для отработок заняты, а адептка настаивает, она будет помогать вам, магистр Вирдан.

– Так уж и настаивает? – уже более спокойно осведомился пожилой целитель, видимо, поняв, что избежать присутствия темных в своем царстве не выйдет.

– Угрожает, – усмехнулся комендант. – Так что вы уж найдите, чем ее занять. Слишком много свободного времени у адепки.

– Какой курс? – тяжело вздохнул светлый. Отходил он так же быстро, как и заводился, поэтому спрятавшиеся при первых криках помощники начали опасливо выглядывать из-за ширм, а кто-то выбирался и из-под кровати с пациентом. Тот, не иначе под действием усыпляющих зелий, даже не вздрогнул, когда магистр Вирдан изволил гневаться.

– Первый.

– Арканта? – тихо уточнил Вирдан, потер глаза, словно хотел избавиться от морока, но Ани только сильнее высунулась из-за спины своего спутника. Алиас кивнул. – Надолго?

– На неделю.

– Значит, обошлось без новых постояльцев. – В голосе светлого слышалось облегчение. – Иди уже. И без тебя головной боли хватает, так еще любоваться на любимого ученичка.

– Так я могу помочь? – Губы темного искривились в доброжелательной улыбке. – Навыков не растерял...

– Вон отсюда! – Лицо магистра приобрело угрожающий багровый оттенок. – И чтобы духу твоего...

Целитель не успел договорить. Еще минуту назад едва переставлявший ноги темный бежал к лестнице так быстро, что мог бы посрамить самого мастера Зариса.

– Живучий поганец, – с какой-то отеческой гордостью проговорил целитель, успокаиваясь, и перевел взгляд на с интересом внимавшую Ани. – Идем, кошмар моих бессонных ночей. Посмотрим, дали ли боги тебе руки или только непомерную наглость.

Заметив, как расцветает на лице новой подопечной довольная улыбка, целитель только головой покачал. Хотел сплюнуть – но

понятие о гигиене помешало, да и чувствовал он ответственность за вверенный его заботам лазарет.

Ани же с интересом рассматривала магистра Вирдана, отмечая его особую одаренность. Аура так и сияла расположением ее светлого коллеги. Казалось, еще немного – и ослепнешь. Правда, Ани это не грозило в любом случае, а людям было не дано увидеть следы особой благосклонности Кардалиса.

– Простите, магистр, – обратилась Ани, изучив подозрительно знакомый профиль мага. И пусть местные монеты она держала в руках всего пару раз, но императора видела лично.

– Что? – даже не обернувшись, коротко откликнулся целитель, продолжая вести ее мимо пустых и не очень кроватей. Занятые места, в отличие от вакантных, были огорожены ширмами, чтобы не смущать ни соседей, ни самого больного.

– Вы же родственник императора? – уточнила Ани.

– С чего ты взяла? – Целитель щелкнул пальцами, отпирая неприметную дверь, и первым шагнул в кабинет. – Проходи, поговорим.

Ани послушно последовала за ним, краем глаза отмечая, что по количеству защитных плетений кабинет целителя едва ли уступает своему собрату из управления.

– Просто предположила, – пожала плечами Ани, когда пауза затянулась. – Показалось, что вы похожи.

– Все сильнейшие светлые империи в той или иной степени родственники императорской семьи, – усмехнувшись, заметил магистр Вирдан. – В том числе и род Эльес, но никакой реальной властью мы не обладаем.

– Только властью раздражать слуг Темнейшей? – предположила Ани.

– Разве что, – кивнул целитель. – Но пока Хозяйка Замка была ко мне благосклонна и не отправляла посланцев за моей душой. Если это, конечно, не ты, – хмыкнул магистр и пытливо взглянул на адептку, отчего та смущенно покраснела.

– Нет, я не посланец Темнейшей, – проговорила Ани. Продолжать фразу она не стала: не затем шла за наказанием, чтобы сорвать себе эксперимент.

– В таком случае, – магистр Вирдан внимательно оглядел Ани с ног до головы, – сегодня будешь помогать старшим, а завтра найду тебе персональное применение. Крови не боишься?

Девушка отрицательно качнула головой.

– Аллергия?

– Разве что на светлую магию.

– Увы, с этим ничем помочь не могу, – признался магистр. – Избавиться от непереносимости магии можно только радикально – в Лабиринтах, если верить твоим коллегам, там проходит любая непереносимость. Правда, не у всех. – Договаривать магистр не стал, но Ани и сама догадалась, что свободными от болезни становятся лишь те, кто прибыл в Лабиринты навсегда. Те же, кто заглянул на ознакомительную экскурсию, вернувшись в реальный для себя мир, вновь ощутят все его прелести. – Другие заболевания, что могут помешать тебе выносить утки и мыть алхимическую посуду, есть?

– Нет. – Ани покачала головой, перевела взгляд на безупречно чистые руки воплощения, а когда вновь подняла глаза на магистра, заметила коварную улыбку на его губах. – Всегда мечтала сократить количество переселенцев в Лабиринт, и если для этого нужно выносить утки и мыть склянки – так тому и быть, – решительно заявила девушка, с удовольствием наблюдая, как меркнет улыбка целителя. И, словно желая противоположного – довести кого-то до собственных чертогов, добавила: – Не волнуйтесь, я постараюсь почаще здесь появляться. Неделя – это ведь так мало, чтобы освоить в совершенстве работу помощника целителя.

Магистр Вирдан страдальчески закатил глаза. Потом подумал о чем-то и... усмехнулся.

– Давно у меня не было темных добровольцев, – задумчиво проговорил он и громко позвал: – Орис!

В кабинет торопливо постучали, словно ждали под дверью – или пытались подслушать, что было ближе к истине. Дверь приоткрылась, и в образовавшуюся щель протиснулась рыжая голова любимца огненных духов.

– Твоя помощь на сегодня, – магистр кивнул в сторону Ани. – Перед ужином отпустишь. Первый курс дольше задерживать нельзя, – пояснил в ответ на недоуменный взгляд девушки светлый – и словно забыл о ее существовании. Протянул влево руку и, дождавшись, пока

из шкафа прямо ему на ладонь ляжет потертый фолиант, положил книгу перед собой. Зашелестели страницы, голова магистра склонилась над рукописным текстом, а парень, едва ли старше Доминики, кивнул на дверь, намекая, что аудиенция закончилась и пора приступать к работе.

Ани охотно поднялась, но не удержалась от любопытства – заглянула в изучаемый светлым трактат. Поморщилась, как от зубной боли, поджала губы и торопливо вышла. Все, что имело отношение к Ри-Ан-Свальду, даже у нее вызывало головную боль. Но, поскольку стереть его с лица земли не удалось, приходилось игнорировать.

– Надолго к нам? – тоскливо спросил Орис, когда начальственная дверь осталась далеко позади, а они оказались в небольшом закутке, отгороженном ширмами, где стояли две койки, но обе были свободны от пациентов. Правда, в остальном они были очень даже заняты: на одной обитали потертые сумки с учебниками и тетрадями, на другой был разложен перевязочный материал, все виды пузырьков с надписями – пустых, чтобы адепты ненароком не лишили кого-нибудь из пациентов лекарства, и страх всех белоручек – утка. Чистая, ознакомительная.

– Пока на неделю, – отозвалась Ани, склоняясь над импровизированной выставкой.

– Пока – очень обнадеживает, – хмыкнул Орис.

– Сомневаешься в моих силах?

– Радуюсь, что прислали. А ты чего ждала? – Ани промолчала, протянула было руку к одному из бутылков, но так и не прикоснулась. – На этой кровати можешь все трогать, – разрешил Орис и самым непочтительным образом взял Ани за руку и сжал ее пальцы на склянке. – Здесь все учебное. И прежде, чем пушу тебя к больным, я должен убедиться, что ты хотя бы знаешь, с какой стороны за что братья. Перевязки уже прошли? Кажется, их первыми читают...

– Прошли. – Ани согласно кивнула. – Показать?

– Я бы рад ответить «нет», – Орис мученически воздел глаза к потолку, – но да. – И он начал расстегивать халат, а после – избавился и от рубашки, обнажив бледную, изрезанную шрамами кожу. – Практика оказалась... продуктивнее, чем все рассчитывали, – пояснил он, отворачиваясь. – В Сахране не везде спокойно. Где-то низших столько развелось, что целые деревни обезлюдуют, а потому и

прислать весточку некому. Запрос пришел зимой, а к лету там никого и не осталось. Хорошо, что я не один был, так бы там и остался. Этим тварям все одно – что жрать, а одаренных пуще остальных любят. Считай, что я ключицу сломал. – Он ткнул пальцем в место «травмы». – Перевязывай.

Ани осторожно подняла бинт, убедилась, что ничто не мешает его ходу, и приступила к работе. Орис тем временем продолжал. Не сказать чтобы очень охотно, но противостоять любопытству Хозяйки Замка никто не мог, а сейчас ей было очень любопытно, и слова лились из паренька полноводной рекой.

– Зачем только рассказываю, – вздохнул он. – Видела когда-нибудь низших? Хоть на картинках? Почти все стараются воплотиться во что-нибудь когтистое, чтобы плоть рвать было удобнее – это для них тоже пища, как и наш дар. И шкуру пожестче при воплощении создать, чтобы обычный металл не брал – только заговоренный. В Крутых бережках такого сроду не было, да и тварей там тоже никогда не видели. Как начали люди пропадать, так и отписали запрос на мага. Плевое дело – лес осмотреть, от хищников зачистить, и если кто из человекоподобных появился – приструнить, чтоб не буянили. Для адепта старших курсов – вполне выполнимо. Кто ж знал, что там появятся... – Орис непроизвольно потер шрамы и резко, будто прыгал в холодную воду, сказал: – агры.

От резкого жеста бинт в руках Ани порвался, но парень этого даже не заметил. Перед его глазами стояла совсем иная, нежели лазарет, картина, да и Ани вспоминала вовсе не о правилах наложения повязок. Агров и ей доводилось видеть. Не в Лабиринте – агры не были его порождением, как и не являлись результатом человеческих экспериментов. Зато они стали любимым детищем Неназываемого. Огромные волки, с которых спадали любые цепи, рассыпаясь прахом, едва лишь коснуться шкуры монстров. Человеческих сил не хватало, чтобы пробить окружавший тварей кокон отчуждения. Люди взывали к богам, и им пришлось вмешаться. Кажется, Тюрн – один из старших, что составляли свиту Андара, – заплатил рукой, чтобы остановить вожака агров.

– Откуда только взялись? Я думал, они обитатели древних легенд. Магистр Эстельдхейм лишь однажды о них упоминал, вскользь. В библиотеке в открытых фондах я нигде не нашел сведений о них.

Никто мне верить не хотел. Ни в академии, ни в храме. Жрецы Светлейшего, – Орис истерически усмехнулся, – вообще сказали, что от боли у меня разум помутился, ведь «Карающий Свет уничтожил все порождения древнего культа», но я видел их. Никто не верит, говорят, что я на обычных низших напоролся, что маг слабый и впечатлительный – потому к Вирдану и отправили, – а теперь пытаюсь придать себе большей важности небылицами. И мне бы мозги подлечить, а не...

– Я тебе верю, – тихо сказала Ани, сжимая пальцами плечо Ориса. Юноша вскинул подбородок, встречаясь с ней взглядами, и оторопело замер, полностью отдаваясь власти Темнейшей. – Ты никогда не видел агров, но хотел славы и признания. Твои шрамы от встречи с волками, но ты не хотел в этом признаваться. – Ани наклонилась вперед и коснулась холодными губами горячего лба Ориса. Светлый дар парня сопротивлялся ее влиянию, но противостоять Темнейшей был не в состоянии.

Ани покачала головой, глядя, как скатываются с висков собеседника капли холодного пота, и, скинув чужие сумки на пол, переложила беднягу на освободившуюся кровать. Уничтожила порванный бинт – едва ли Орис вспомнит о ее задании – и села рядом, задумчиво покусывая губу.

Мести Кардалиса Ани не опасалась: в вопросах наследия Неназываемого все боги были едины. Даже Каалиса, несмотря на свои едкие замечания, не станет вмешиваться. Не стала бы... Губы Ани искривила удовлетворенная ухмылка, от Аршета они окончательно избавились, потому оставалось только подчистить за ним, как, впрочем, и всегда.

«Уничтожил Карающий Свет, как же!»

Ани скривилась. Об уничтожении там речи не шло: чтобы окончательно избавиться от порождений Аршета, сначала следовало ослабить его. А потому агров просто выкинули за пределы почитающего их мира в ожидании, пока твари передохнут сами, лишившись подпитки создавшего их божества и уничтожая наследников тех, кто стал причиной Первого Передела, но никому из ныне правящих богов их было не жаль. Ри-Ан-Свальд должен быть разрушен – в этом сходилась весь действующий пантеон. Сходилась и сходится, даже несмотря на то что эти земли отделились от материка и

более не представляют угрозы для их паствы. Ни при жизни, ни после смерти – для них в Лабиринтах есть отдельное местечко, выбраться из которого пока никому не удавалось.

– Ани... – Стон, донесшийся с кровати, заставил девушку отвлечься от мстительных мыслей. Как бы ни пытались жители Ри-Ан-Свальда обмануть смерть, повторить подвиг вечных еще никому не удалось, да и те... едва ли рады постигшей их каре. – Что?..

– Тебе стало плохо. Даже сознание потерял, – охотно пояснила девушка, наклоняясь к пострадавшему от ее силы смертному и накрывая своими пальцами ладонь юноши. – Заболел, наверное.

Орис нахмурился. Хотел было возразить, но Ани держала его за руку, забирая жизненные силы. Совсем чуть-чуть для нее, но для светлого желание доказать свою правоту могло закончиться плачевно.

– Кажется, ты права, – хрипло вздохнул Орис. Ани кивнула, отстраняясь.

– Полежи. Скоро станет легче, – заверила его девушка.

– Ты говоришь так уверенно, будто наверняка знаешь, – с трудом выдавил из себя улыбку светлый. Ани промолчала: врать не хотелось. – Ладно, останусь в кровати, если ты мне поможешь. Кажется, работа для тебя таки нашлась.

– Всегда к твоим услугам. – Ани с готовностью поднялась. – Что прикажете делать, учитель?

Орис тяжело вздохнул и принялся диктовать.

Ничего сверхъестественного. Принеси-подай, которого в жизни Ани никогда прежде не было, поэтому она охотно сбегала к алхимикам за новыми порциями лечебных зелий, проверила каждого из обитателей лазарета, переписала жалобы, передав их после Орису, забрала написанные им инструкции – когда только успел? – и, сверившись с подписями, повесила на кровать каждого больного, чтобы пришедшие на смену Орису и ей коллеги по отработкам и стажеры не будили отдохавших. Мимоходом отметила, что сумки с пола исчезли, – видимо, остальные светлые ушли, не дожидаясь ее возвращения.

– Проводить тебя? – услышав, как звенит колокол, напоминая об ужине, предложила Ани, касаясь плеча задумчивого Ориса. И тише добавила: – Поделиться силой?

– Что? – Парень моргнул. Ани повторила оба предложения. – А ужин? Я и так тебя задержал...

– Все хорошо. Моя соседка знает, что я наказана, возьмет что-нибудь и на меня, так что успею перекусить: в очереди стоять не придется, – заверила Ани и ухватила Ориса за предплечье, одновременно возвращая часть отнятой силы.

– Я же не просил! – запротестовал парень, но появившийся на щеках румянец дал понять, что ее повторное вмешательство не было лишним. На мгновение Ани даже разозлилась на себя. Не заслуживал Орис того, что она ему устроила. Но... все, что касается Первого Передела, должно оставаться для людей сказкой, легендой, выдумкой бродячих артистов, которой не суждено стать чем-то большим. Хватит этому миру потрясений.

– Меня не нужно просить об очевидном, – усмехнулась Ани. – Идем, провожу. А то кто мне завтра будет рассказывать о правилах выноса утки и проверять, так ли крепки мои путы?

Появление коллеги Ани ощутила заранее, поэтому ушла из общежития, не желая, чтобы светлый коллега появлялся рядом с ее слугой в полной своей силе. Пустынный в эти минуты тракт, соединявший Иертан с Рейнсом, стал местом встречи двух божеств. Нейтральная территория не должна была сильно пострадать, если оба Великих решат выяснить отношения не на словах.

Далис еще не успел воплотиться, а Ани уже обернулась, чтобы встретить Пресветлого со всем вниманием. И пусть причина, по которой ей пришлось преступить давние договоренности, была веской, от светлых можно было ожидать любого коварства: в деле обеления собственной репутации их редко что останавливало.

– Причины? – мужчина не стал ходить вокруг да около.

– За тобой подчищала, – хмыкнула Ани и посерьезнела. – Мальчишка был уверен, что встретился с агром. Слишком уверен. А зная, кого хотели вернуть в этот мир твои слуги, – Далис поморщился от прозвучавшего в голосе Ани упрека, – я склонна ему верить.

– Хотя бы узнала, где это произошло, перед тем, как вторгаться в его память?

– Крутые бережки, – Ани наморщила лоб, припоминая показавшееся ей глупым название.

– Отправлю кого-нибудь из своих проверить, – кивнул Пресветлый, на ходу перестраивая тело. Этого почтенного старца Ани не доводилось видеть ранее.

– Настоятель?

– Временно. Пока не подберу достойную замену Шаону.

– Главное, чтобы твоя «замена» не оказалась чересчур достойна предшественника.

– Неназываемого более нет, а в остальном Шаон справлялся прекрасно, – непререкаемо сказал Далис, и Ани только хмыкнула: спорить с Карающим Светом было бесполезно. Если он считал себя правым, то готов был пустить под нож хоть всю свою паству, лишь бы не признавать ошибок.

– Мои слуги проследят, чтобы твои не решились присвоить себе тварей и не баловались их разведением.

– И в мыслях не было, – холодно отрезал Далис, вот только они знали друг друга не первый год. – И тьму можно обратить в свет.

– Скорее свет – во тьму, – хмыкнула Ани. – Большинство благих деяний твоих последователей увеличивает население моего мира.

– Работаем на общее благо.

– Кому благо, а кому и... – Ани осеклась, когда фигура Пресветлого вспыхнула белым пламенем, выдавая охвативший его гнев. Кого-то другого проявление божественной ярости могло бы впечатлить, но Ани лишь зевнула и, склонив набок голову, заметила: – Лучше бы за своими слугами следил, чем обижался на коллег за то, что указывают тебе на просчеты.

– Я. Не. Ошибаюсь!

– Непризнание вины от нее не освобождает, – заметила девушка и примирительно подняла руки. – Ладно, оставим это. Создавая твой образ, люди изрядно испортили жизнь самим себе. Хотя, учитывая, что каждый из нас – отражение их самих, тем, кто вынужден жить с твоими последователями, можно только посочувствовать. Пожалуй, следует сделать для них отдельный вход – за перенесенные при жизни страдания.

Вспышка света вышла такой яркой, что ночь превратилась в день на протяжении едва ли не всего тракта. Где-то противно завизжали, подрываясь с места, летучие мыши, недовольно завыли волки, а

уснувший было после дня пути скот перебудил мычанием тех немногих путников, что еще не наблюдали за светопредставлением.

– Коллеги, вам не кажется, что вы разошлись? – Бархатный голос Каалисы заглушил треск искр, круживших вокруг Пресветлого. – Еще немного, и ваше светопредставление станет светопреставлением. А тут уже каждый из нас и обретет, и потеряет. Ожидая конца света, смертные становятся до ужаса невежественны. Далис, дорогой, – она прильнула к размытому силуэту, крепко его обнимая и устраивая голову на обретшее плоть плечо, – не знаю, о чем вы спорили, но прошу – успокойся. Ты прав, о чем бы вы ни говорили, – сладко пропела Лиса и добавила уже более жестко: – Только уймись уже.

Полыхнуло вновь. На сей раз прочертив небо, казалось, до самих звезд. Каалиса покачала головой, отмечая «эффектный» уход коллеги, решившего не снисходить до общения с недостойными его Великими.

– Что опять? – устало вздохнула Лиса, на ходу перестраивая тело.

– Шаон и его последователи.

– Вернулись? – Вздернул брови Каалис, останавливаясь на расстоянии вытянутой руки от Ани.

– Нет, конечно. Но нашему светлому коллеге все еще сложно принять, что он за своими слугами недосмотрел.

– Великий и непогрешимый, – усмехнулся Лис. – Всеобщий герой и пример. Без страха, упрека и... мозгов.

– Он не любит вспоминать о своем первоначальном амплуа, – хмыкнула Ани.

– Но только меньше остальных от него ушел.

– Тяжело быть идеалом.

– Легко, – не согласился Каалис, – если не приемлешь свободы воли своих слуг, карая их за любое отступление от канона. Но так сложно разглядеть истинное лицо павших пред тобою ниц.

– Не разглядел, – подтвердила Ани и задумчиво воззрилась на Каалиса. – Зачем ты пришел – можешь не говорить, но почему остался? Конец света отложен, но ты все еще здесь.

– Ты, как всегда, не веришь в лучшие порывы моей души... – Лис страдальчески закатил глаза, заломил руки и... успокоился. Потянулся, моргнул, изгоняя из глаз томное выражение, и деловито уточнил: – Что ты хочешь, чтобы вернуть к жизни мою слугу?

– Уже в Лабиринтах?

– Вот-вот отправится, – поморщился Лис. – Но цель ее существования еще не исполнена. Амалиса должна жить.

– Значит, будет, – кивнула Ани. Сейчас ее меньше всего интересовала судьба чужих слуг – следовало позаботиться о собственных. – Лорвин, – полуэльф появился по первому зову, – верни душу, которую он попросит.

– Плата? – Каалис облизнул губы. Жест бесполезный, но избавиться от него бог любви пока не мог, как ни пытался.

– Сочтемся позже.

– Я мог бы и сейчас вернуть тебе его благосклонность...

Во мраке южной ночи вспышку темного пламени никто не разглядел.

Кириан Анстелир устало потер глаза, но желанного эффекта не добился. Веки так и норовили сомкнуться, и что тому виной – вторая ночь без сна или заговор его собственного тела – страж предпочитал не думать. При одной мысли о кровати сознание норовило ускользнуть, но с уходом начальства в отпуск Кириан, на которого свалилась часть обязанностей герцога Анвентара, не мог себе позволить лишние часы отдыха. Точнее – мог, но в этом случае пришлось бы потратить еще больше времени, чтобы проверить подчиненных, либо... покинуть Иертан, обосновавшись в столице и передав дела города трех А заместителю. Вот только не любил Кириан столицу: ни прежде, когда задыхался от зноя, ни теперь, когда с трудом избегал пусть и приятного, но не по чину ему общества. И ему бы чувствовать себя польщенным, но Кириан только страдальчески терпел.

– Спишь? – вкрадчиво уточнил знакомый голос, не суливший верному (пусть и не всегда) слуге ничего хорошего.

Кириан даже не вздрогнул – просто перевел взгляд на обосновавшуюся на знакомом уже светлом диване покровительницу.

– Чем могу быть вам полезен? – обреченно проговорил он, с тоской глядя на недочитанный отчет, больше напоминавший чью-то не слишком хорошую шутку. Одно лишь обстоятельство заставляло успокоиться: судя по дате, шутка предназначалась не для него, а с герцогом дурачиться никто бы не рискнул.

– Крутые бережки. Отправь кого-нибудь туда, а лучше сам сходи, – распорядилась Ани, закидывая ногу на ногу и с удивлением

отмечая, что поза достаточно удобная.

– Когда? – обреченно уточнил Кириан, все же закрывая глаза, чтобы хоть так получить секунды покоя. Увы, голос Темнейшей, как и она сама, не исчез из его кабинета.

– Лучше – прямо сейчас. Не знаю, когда Далис отправит своих слуг, но за ними нужен глаз да глаз. Веры им больше нет.

Кириан кивнул: это была вторая, после ухода в отпуск герцога, причина, почему работы у него прибавилось. Император, пусть и не рискнул высказывать предку претензий, перестал доверять его слугам и требовал следить за каждым светлым жрецом, кто имел хоть какое-то отношение к рейнскому храму, а таковых оказалось... Одни только ежегодные паломничества увеличивали число подозреваемых в десятки раз, а требовалось еще установить личность, а после отследить перемещения...

– Сожалею, но прямо сейчас я немного занят. – Мужчина открыл глаза, ожидая увидеть Ани на прежнем месте, но та предпочла пересесть поближе – прямо на стол – и теперь быстро просматривала лежащие у него на столе отчеты. – Это государственная тайна.

– Не такая уж и тайна, – хмыкнула девушка, откладывая вызвавшее в нем обоснованное негодование донесение. – Я к тебе из-за этого и пришла. – Ани ткнула пальцем в название. – Крутые бережки. Сегодня неожиданно для себя – но чего еще ждать, когда светлые не справляются с возложенными на них обязанностями, – я услышала эту историю.

– Больше похоже на выдумку, – кивнул Кириан, аккуратно отодвигая от гостыи остальные рапорты.

– Пусть все так и считают. Теперь у меня должок перед Орисом, но люди легче верят в ложь, подозревая худшие качества в окружающих.

– Но он говорил правду? – выхватил главное Кириан.

– Он верил, что говорит правду. Теперь считает иначе. Так что не нужно дергать беднягу на допрос, он признается во лжи. Пришлось вмешаться, – поморщившись, пояснила Ани.

– Зачем? – Кириан чувствовал, что ходит по тонкому льду, требуя ответы у той, перед кем должен преклоняться, но даже не поднялся со стула и был все еще жив. «Светлые никогда бы не поверили, что такое

возможно», – мелькнула приятная мысль, но надолго не задержалась: ему было о чем думать и без тщеславия.

– Агры были *его* творением, – хмыкнула девушка. – И мне хочется думать, что с окончательным уничтожением Неназываемого все его создания исчезли из этого мира. Но... ты должен убедиться. Мне не нужны сюрпризы, да и ваш мир будет рад обойтись без них. Едва ли он смог создать что-то столь же сильное, как и тогда, но на всякий случай... Миера, – позвала Ани одну из Теней. Полупрозрачный силуэт соткался в углу комнаты, и Кириан мог бы поспорить, что новоприбывшая как две капли воды похожа на статую Темнейшей в Вертсольском храме, что на западной границе империи. – Охраняй моего слугу, как своего собственного, – Ани хмыкнула. – Ты же любишь притворяться мной.

Тень не ответила, лишь склонилась ниже, чтобы ни Кириан, ни Ани не видели ее лица.

– Можешь не пытаться задавать ей вопросы. Миеру наказали еще при жизни. Когда ее обман вскрылся, служители храма, что почитали ее, как меня, решили скрыть свой позор, лишив ее способности говорить и видеть. А ведь при жизни Миера была красива – теперь же лишь Тень.

– И она служит вам? – Кириан постарался не допустить в голосе сочувствия, и, кажется, ему удалось.

– Верно, за все нужно платить. Особенно за нелепые попытки сравняться хоть в чем-то с богами. – В голосе Ани зазвенел металл, и звон этот был столь громким, что Кириан непроизвольно потянулся к ушам. – Она будет с тобой, пока я не прикажу иного. Будет защищать тебя от тварей вашего мира и нашего. Пожертвует собой, – Тень вздрогнула, – если нужно будет отвлечь агров. Им нет дела, чью плоть рвать: сущности даже ценнее. Одна чистая сила вместо осколков костей в зубах.

– Вы говорите так, будто сами были на месте низших духов, – заметил Кириан. Ани улыбнулась. Хитро, будто маг в своем предположении угадал.

– Когда-то так оно и было, – поведала Ани, прокручиваясь на месте. Теперь ей не приходилось выворачивать шею, чтобы ловить взгляд слуги. – Но Великие не любят вспоминать, что когда-то были сродни низшим. Но если бы у вас сохранилось больше информации о

первобытных народах, населявших материк, и храм Светлейшего не запрещал любые археологические изыскания, не инициированные им самим, люди узнали бы много нового о каждом из богов. Особенно о тех, кто сейчас составляет светлую часть пантеона. Если страхи людей редко отличаются друг от друга, то представления о добре и свете, – Ани усмехнулась, словно вспомнила о чем-то, – разнятся. Впрочем, и тебе не следует проявлять любопытства. Есть вопросы, в которых единодушен весь пантеон.

– И это наше право знать правду?

– Отсутствие этого права, – согласилась Ани и спокойно, без угрозы в голосе, добавила: – И ты не будешь вмешиваться в это, если хочешь, чтобы твой род продолжал существование.

– Я... понял, – сглотнув, выговорил Кириан, понимая, что едва не перешагнул невидимую черту. Так же спокойно, даже отстраненно, его начальник подписывал смертные приговоры.

– Хорошо, – Ани улыбнулась и беззвучно соскользнула на пол. – Я буду ждать твоего доклада. Миера, твое существование зависит от его жизни.

Тень, так и не сменившая позы, склонилась еще ниже. Ани удовлетворенно, с какой-то злой насмешкой еще раз посмотрела на слугу и, поморщившись, ушла, оставляя этих двоих наедине. Тень так и не выпрямилась, как бы Кириан ее ни просил.

Слуги его все еще помнили, но Мортен с трудом узнавал в испещренных морщинами лицах своих товарищей по шалостям.

Джон-младший, разменявший седьмой десяток, был уже почтенным патриархом семейства, дедом и прадедом, о чем не постеснялся сообщить другу юности. Он больше не служил в доме, передав обязанности дворецкого своему сыну, а тот вскоре оставит пост уже для своего чада.

Шарлотта, которую Мортен помнил еще милой розовощекой крохой в пеленках, ныне стала грозой шалопаев, нанявшихся помогать на кухне.

Тедди, внук садовника, не пошедший по стопам деда, врачевал лошадей и прочий скот, проводя в разъездах почти все свое время. Даже ради старого друга он лишь немного задержался, кивнул устало,

обнял крепкими – как у всех в их семье – лапищами и отбыл спасать чьих-то борзых.

Матушка – почти не постаревшая за разделившие их годы – робко обняла давно оплаканного сына. Она избегала его взгляда, нервно теребила манжеты платья и боялась спрашивать о будущем. Ее второй муж, некто Вильяс Гентерн, происходивший из обедневшего дворянства, не смел на него даже смотреть, всякий раз покидая комнату, стоило Мортену войти. И, пожалуй, если бы не сводный брат – юноша двенадцати лет, – при виде гостя оторопело замерший на лестнице, а после съехавший прямо по перилам, чтобы получилось быстрее, который и не думал скрывать своего интереса, – Мортен уехал бы спустя час. Но Адриан ходил за ним хвостом, предлагая свои услуги и радуясь, когда брат его о чем-либо спрашивал.

Мортен с трудом избавился от его компании, укрывшись в отцовском кабинете и обещав не забыть попрощаться, а лучше остаться на всю неделю, что Адриан должен был находиться дома.

– Прости. – Голос матери разорвал повисшую было в его мыслях тишину. Она говорила еле слышно, все так же не поднимая взгляда выше его подбородка.

– За что? – Мортен вздернул недоуменно брови, выбрался из старого отцовского кресла и подошел к замершей у самого порога – будто что-то мешало ей идти дальше – матери.

– За Адриана и... Вильяса.

– Мама... – Мортен покачал головой и обнял вздрогнувшую женщину. – Моя глупая матушка. Я не отец, чтобы упрекать тебя за попытки устроить собственную жизнь. Или ты думаешь, что я не помню, каким он был? – Амелия Гентерн, по первому мужу Эншалт, всхлипнула. – Жестоко было с ним жить, а хранить верность его памяти... Такое могло бы требовать наше лицемерное дворянство, но не я, видевший все своими глазами. И если Вильяс делает тебя счастливой...

– Делает, – сорвалось с искусанных губ.

– ...Тогда я рад его появлению в нашем доме. Его и Адриана.

– Это твой дом, – решительно, насколько это было возможно со слезами на глазах, заявила леди Амелия. – Когда ты женишься, мы...

– Вы останетесь здесь, – сухо закончил за нее Мортен. – Он ведь неодаренный? Ни Вильяс, ни Адриан?..

– Боги не были к ним благосклонны. – Амелия расстроено покачала головой.

– Возможно, все иначе, – грустно улыбнулся мужчина, но не стал пояснять, хоть мать и взглянула на него с немым вопросом. – Этот дом и вся территория поместья останутся вам. Я сегодня же напишу бумаги.

– Мор... – Сын вздрогнул от материнского обращения. Виски прострелило болью. Он прижал пальцы к горячей коже, пытаясь хоть немного облегчить свое состояние. Желанная прохлада коснулась кожи вместе с магией леди Амелии. – Мор, что случилось?..

– *Так* меня не называй, – хрипло попросил мужчина, опускаясь на колени, а после прямо на пол, устремляя невидящий взгляд в потолок.

– Сынок. – Ласковые пальцы матери легли на его лоб. Она устроила его голову у себя на коленях, принялась перебирать волосы, как в детстве, когда он без сил возвращался с изнуряющей тренировки, не рассчитанной ни на его возраст, ни на способности. Увы, представления о воспитании отставного военного имели мало общего с общепринятыми практиками, были ближе к пыткам, но в свете было принято терпеть и молчать о том, что происходит за закрытыми дверьми помещений.

– Я уеду отсюда через неделю. Ни днем позже. Как только Адриан отправится в свою школу, я покину эти стены и больше сюда не вернусь, – пообещал Мортен.

– А Трина?.. Разве вы не приедете после свадьбы?

– Свадьбы не будет, – выдохнул Мортен, чувствуя облегчение от сказанного. – Ни свадьбы, ни моего повторного визита.

Леди Амелия кивнула, хоть в глазах ее и была печаль.

– Я найду свое место, матушка, – чувствуя себя шестилетним мальчишкой, перед которым весь мир открыт, пообещал Мортен. – Просто оно не здесь.

– Я всегда буду на твоей стороне. – Леди Амелия склонилась над сыном и поцеловала его. Вздрогнула, когда услышала его болезненный стон, но не смогла отстраниться – Мортен удержал за руку.

– Все хорошо, мама. Не уходи, дай мне хоть на пару минут почувствовать себя любимым.

Слухи распространялись по академии очень быстро. Если перед завтраком еще точно никто не знал, что на боевой магии к ним присоединится старший курс, то уже к его окончанию первокурсники строили гипотезы, как все пройдет. Разделят ли их всех по группам на основании дара? Дадут ли возможность выбрать своего старшего партнера? Можно ли будет поменяться, если кому-то из пары будет некомфортно?

Вопросы сыпались вместе с крошками недожеванных булочек, но так и не находили ответа. Мастер Зарис, чья пара была первой после завтрака, также не пожелал утолять любопытство учеников, безжалостно отправив всех бегать по стадиону, пока сил на любопытство не останется. И частично ему это удалось. Со стадиона уходили в молчании, подволакивая ноги, но чем ближе становился учебный корпус, где они сдавали вступительные экзамены – боевую магию им не рисковали читать в главном, – тем большее возбуждение охватывало адептов. Вопросы задавались вновь, не находили достойного ответа, и в воздух высыпались теории.

Ани зевала, слушая о жребиях. Доминика задумчиво отмалчивалась. Они обе помнили слова герцогского сына, а потому предполагали, что выбирать будут не первокурсники – скорее, будущие выпускники, а то и кураторы обоих курсов, лучше остальных знающие возможности своих подопечных. И если все так – Ани было очень любопытно, кого могут поставить в пару ей. Особенно теперь, когда не только менталист знает, кто скрывается за одиночным именем Ани.

Никто в этот день не рискнул пропускать пары, а потому не то что яблоку – перышку было негде найти приют, так плотно устроились первокурсники, не решившись соперничать с прибывшими чуть раньше старшекурсниками. Последние отчаянно зевали, выдавая свой смещенный ближе к ночи график. Темные и вовсе спали, подложив под голову сумку и обняв ее руками.

Появление кураторов первыми заметили старшекурсники. Стихли смешки и шуточки, которыми они награждали взъерошенных первоодок, те, кто спал, мгновенно приняли вертикальное положение. Но даже так, сидя с открытыми глазами, продолжали досыпать на ходу.

Ритмичный стук лакированного ногтя Маленвера набатом отдался в ушах первокурсников, заставив отвлекшихся от реальности адептов

прикрыть ладонями голову. Вот только с менталистом подобный фокус был обречен на провал.

– Рад, что никто не проигнорировал мою просьбу, – в полной тишине поделился Маленвер, оглядев аудиторию. Кому-то досталась снисходительная усмешка, кому-то неодобрительный взгляд, а кто-то враз побледнел и попытался съехать под парту. – Сейчас, когда наши младшие коллеги освоили минимальный контроль над своей силой, мы можем переходить к следующей ступени обучения старших курсов: защите от незнакомого противника. Полагаю, мне не нужно напоминать вам, мои изворотливые друзья, на какие ухищрения готовы пойти первогодки, чтобы не отвечать за свои проступки. – Судя по синхронно сглотнувшим рядам будущих выпускников, у всех за плечами имелось нечто, что заставляло внимать магистру. – И чтобы у наших юных друзей было больше мотивации, сразу обозначу приз: каждый первокурсник, сумевший пробить в учебном поединке защиту своего старшего коллеги, освобождается от дня отработки. Один день за один пробой щита. – Оживленному рокоту первокурсников вторил такой же слаженный стон их менее удачливых коллег.

– А как же те, кто еще не успел нарушить правила? – уточнил Марк, когда менталист ему благосклонно кивнул.

– Верно, оставлять таких выдающихся адептов без награды не подобает, – кивнул магистр. – Для них у меня есть другой подарок: тот первокурсник, что пробьет щит соперника более пяти раз за одно занятие, получит право в выходной покинуть академию и выйти в город.

– Вот и пришла расплата за наши грехи, – простонал над ухом Ани один из старшекурсников. Судя по окрасу шевелюры, либо светлый, либо воздушный стихийник. Хотя мог быть и менталист – этих так просто не вычислишь.

– Да не переживай ты так, – хлопнул его по плечу сосед, – магистр пусть и мстителен, но в меру. Ларзан помнишь?..

Услышав знакомую фамилию, Ани было обернулась, но оба парня тут же сделали вид, что слова выскальзывали не из их ртов, да и вообще они заняты другим важным делом – вдохновенным вниманием магистру Маленверу, которому остальные кураторы передали списки с парами.

– Итак, ваша судьба на ближайшие несколько недель, а может, и на весь год... – Менталист ехидно усмехнулся, одарив многообещающим взглядом задние ряды. – Когда я назову ваше имя, вы поднимаетесь, находите друг друга взглядами, запоминаете, а после присаживаетесь вновь и ждете до тех пор, пока я не закончу объявлять пары. Все ясно? – Аудитория ответила магистру напряженным молчанием. Тот удовлетворенно кивнул и начал зачитывать: – Грегори Слен – Марк Аустер. – Неожиданно бледный Марк поднялся с места, быстро оглядел задние ряды и, перехватив оценивающий взгляд рослого блондина, сглотнул. Тот развел руками, дескать, не специально попал с ним в пару. Хотя, судя по значку старосты, их назначение в пару имело больше оснований, чем у других адептов. – Мариана Трее – Эльза Катор. – Темная – тут Ани ошибиться не могла – старшекурсница изящно поднялась, поправила распущенные волосы, так и говорившие – добраться до их обладательницы ой как непросто, и, оценивающе пройдясь взглядом по светлой, презрительно хмыкнула. Вот только Ани отчего-то не сомневалась, что, несмотря на такое демонстративное пренебрежение, Мариана знает о своей оппонентке куда больше, чем даже сама Ани. Особенно учитывая, что и у темной на форме имелся значок старосты.

– Староста со старостой, – отметила Доминика, тоже не пропустившая эту деталь. Последовавшее деление на пары старост стихийных групп только подтвердило догадку. Воздушники попадали в пару с магами земли, огонь – с водой.

– У них есть отдельный зал для тренировок, – завистливо вздохнув, пояснил прислушивавшийся к словам Доминики парень из старших. Огненный стихийник, судя по цвету волос, – поэтому гипотетически не противник. – Посторонних туда не пускают, вот и ставят старост из года в год вместе, чтобы могли друг друга натаскивать и не роняли свой авторитет в глазах групп.

Доминика благодарно кивнула, но жестом показала, что не следует нарушать более тишину. Впрочем, до объявления их пары прошло еще не менее четверти часа, прежде чем магистр объявил: – Аманда Лесье – Доминика Вермош.

Ани с интересом воззрилась на пару своей слуги. Невысокая девушка, блондинка, чью ауру уже украшала печать храма Кардалиса, лучше слов говоря о будущем месте работы светлой. И, учитывая, что

на ауре Доминики имелась похожая отметина, оставленная лично Ани, пары магистры подбирали действительно равные: если не по силе, то по иным веским основаниям – точно. Вот только Ани в своей слуге была заинтересована куда больше, чем Светлейший в надменной девчонке, потому не следовало той так снисходительно смотреть на ее подопечную. Разозлившись на светлую, Ани едва не пропустила собственное имя, чудом расслышав в поднявшемся рокоте имя напарника-соперника: – Фьер Анти – Ани.

Ани поднялась, выискивая взглядом второй одинокий столбик, возвышавшийся над головами притихшей аудитории, и поморщилась. Нет, ее бедная жертва – иначе сказать не получалось, слишком уж неравны силы бога и потомка, – была достаточно красива. Вот только Ани знала другого обладателя подобных черт, и ничего, кроме головной боли, раздражения и желания заточить его где-нибудь подальше, он у нее не вызывал. И пусть дальний потомок мог и не знать о своем родстве, Ани готова была заранее избавить от него мир, даже несмотря на то что Неназываемый более не являлся угрозой.

– Ани, – Доминика дернула ее за рукав, напоминая, что стоять так долго невежливо и остальные ждут продолжения.

– Да, – кивнула девушка, присаживаясь и разрывая зрительный контакт с Фьером Анти, жить которому оставалось...

– Не повезло тебе, – разговорчивый старшекурсник, просветивший их насчет отдельного тренировочного зала для старост, утешительно похлопал Ани по плечу, но та решила не придавать этому значения и простила смутьяна.

– С чего это? – хмыкнула она, оборачиваясь назад под осуждающим взглядом продолжавшего объявлять пары Маленвера.

– Его ни одно заклинание не берет. Врожденная защита от любой направленной магии, а сам помесь темного жреца и менталиста. За что тебя так магистры невзлюбили?

– Ну кто-то же должен был попасть к нему в пару? – осторожно уточнила Доминика.

– У нас жребий тянули, – признался его темный коллега. – С ним что вместе, что против – одна и та же беда. Он вокруг себя чары тоже уничтожает. Управление его с первого курса привлекает к своим делам, туда его после выпуска сразу и заберут. Везет.

– Не слишком, – хмыкнула Ани. – Быть цепным псом мало приятного. – Она не сводила взгляда с потомка уничтоженного бога и радовалась, что тот был слишком далеко, чтобы Ар-Шет сумел до него дотянуться, иначе проблем у них с Кардалисом бы прибавилось.

«Интересно, знает ли он о существовании этого потомка?» – промелькнувшую было мысль пришлось задвинуть в дальний угол сознания, ибо отзвучала последняя пара имен и аудитория пришла в движение. Кто-то остался на своих местах, кто-то был вынужден подняться и искать свою вторую половину. Примечательно, что в основном поднимались со своих мест первокурсники, старшие же предпочли ждать, когда подойдут к ним. Большинство, но не Фьер. Анти с готовностью поднялся и по образовавшемуся перед ним пустому коридору двинулся к Ани. Та пожала плечами, оставаясь на нагретом месте.

– Фьер, – он протянул ей руку, улыбаясь уголком рта и пытаясь поймать ее взгляд.

– Ани, – хмыкнула она, крепко сжимая протянутые пальцы и чувствуя, как собеседник пытается тянуть из нее силу. – Не выйдет, – она зевнула и отпустила его ладонь. – Я свою силу контролирую. На дармовщину не подпитаешься.

– Учту, – серьезно заметил Фьер, прогоняя напускную улыбку. – Не думал, что мне найдут кого-то достойного.

– Мне – не нашли, – сообщила будто бы по секрету, но достаточно громко, чтобы прислушивавшимся к их беседе соседям было о чем поговорить за обедом.

– Вот как? – усмехнулся парень, в голосе его появились снисходительные нотки. – Не слишком ли вы самоуверенны, леди?

– Я не леди, – виновато потупилась Ани. – И знаю границы своих возможностей.

Фьер промолчал, награждая ее откровенно изучающим взглядом. Он даже не преминул взглянуть на ауру собеседницы, что было не слишком вежливо без разрешения, попытался и прочесть ее мысли, зная, что первокурсники редко могут контролировать себя в минуты сильных эмоций. Но... ничего. Ни мыслей, ни особенностей ауры. Напротив, последняя была настолько заурядна, что Фьер мог бы удивиться, как сидевшая рядом с ним девушка вообще поступила, оказавшись к тому же по итогам экзаменов на первом месте рейтинга.

– До конца пары у вас есть время познакомиться со своим напарником, на следующей – займемся практикой. Старший курс будет держать щиты, первый – атаковать, – напомнил магистр Алинкер, когда его коллеги покинули аудиторию, выполнив свой долг и проследив, чтобы их группы не буянили во время оглашения списков.

Сам магистр предпочел не замечать кислых лиц первокурсников, которые, несмотря на свое более выигрышное положение – им-то следовало атаковать, ни в чем себе не отказывая, – выглядели достаточно жалко. Что тут сыграло свою роль – неуверенность или, напротив, уверенность в том, что старший напарник своего поражения просто так не оставит, – Ани не знала. Сама она, впрочем, не собиралась протирать мраморный пол лицом своего соседа хотя бы до тех пор, пока не поймет, что и в каком количестве досталось пареньку от предка.

– Не хочешь ни о чем меня спросить? – после пятиминутного молчания поинтересовался Фьер. Он не ожидал того, что его будут просто игнорировать. И пусть сам не был любителем бесполезной болтовни, с каждой минутой, проведенной в молчании, нервничал все сильнее. Интуиция буквально требовала нарушить тишину, и он, привыкший ее слушать, поддался.

– О чем, например? – Ани вздернула бровь, поворачиваясь к собеседнику.

– Не знаю. – Юноша легкомысленно пожал плечами, но его глаза оставались серьезными, да и лицо казалось напряженным. – Но не могу отделаться от ощущения, что ты думаешь обо мне. И, увы, не о том, чтобы пригласить на свидание.

– А ты готов пойти на свидание с первой встречной?

– Если она заставит меня упасть на лопатки во время боя. Иначе первокурснице не покинуть пределов академии, а выставлять личную жизнь на потеху всего курса я не собираюсь.

– Вызов принят, – кивнула Ани, с грустью отмечая, что ради этого нового приключения придется поступиться наказанием. Ведь, чтобы официально покинуть стены академии, нельзя было иметь отработки. Но один удар – один день... – Боюсь, ты пожалеешь о своем предложении. Прежде чем выиграть поход за стены, мне нужно избавиться от отработок.

– Потерплю, – кивнул Фьер. Тревога немного стихла, но заныли, предчувствуя неизбежное, ребра. К сожалению, его редкий дар, обеспечивавший защиту от чужеродной магии, не давал и самому Фьеру прикрыть себя щитами. А потому, если его напарница это поймет...

...Ани поняла. Пустив в напряженно замершего напротив Фьера пару сгустков тьмы – обычной, не оформленной ни во что силы – и отметив отсутствие эффекта, девушка улыбнулась и виновато развела руками. Фьер напрягся, понимая, что уклоняться придется на самом деле, и догадка его не обманула. Ани словно знала, как следует обращаться с такими «неуязвимыми» для чар потомками существей, а в тренировочном зале, куда они перешли из лекционной, имелись и маты, и мячи, и деревянные копии орудий, чтобы первокурсники случайно не убились. И все они были доступны, пусть о возможности использовать дополнительные средства магистр Алинкер не упоминал. Но что не запрещено – разрешено. И Ани, лавируя между азартно закидывающими противников коллегами, добралась до муляжей, сгрэбла их в кучу под тоскливым взглядом Фьера и вернулась на исходную.

– Уклоняйся, – предупредила она и запустила в напарника первую деревянную звездочку. Следом полетели вторая, третья, четвертая... Юноша сбился со счета, уклоняясь от неопасных, но ощутимых, если попадут, ударов. Увы, уклониться от обрушившихся сверху жонглерских шариков он не успел.

– Неплохо, – отметил рыжий магистр, останавливаясь рядом с Ани. – Но почему вы отказались от магии?

– Она ведь на него не действует, – усмехнулась девушка. – Но если для победы это необходимо... – Она прикрыла глаза, расширяя поля зрения и сплетая вокруг оппонента настоящую клетку из агрессивной тьмы, вот только это была не единственная ее функция. Скорее – побочная, призванная продемонстрировать оппоненту границы доступной ему площади, ибо тьма удерживала над его головой все то многообразие деревянных предметов, что Ани приволокла. – Заставишь исчезнуть хоть одну подпорку, и оно рухнет тебе на голову.

– Я понял. – Фьер поднял руки вверх, демонстрируя свое поражение. Сквозь потолок его «клетки» он не мог видеть, что именно ему угрожает, но риск – дело хоть и благородное, но порой заканчивающееся смертью храбреца. И пусть на паре смерть ему не должна была угрожать – не дело заводить дурную привычку.

– Мне обрушить на него «потолок»? – уточнила Ани, переводя взгляд на преподавателя и краем глаза отмечая, что тот поставил над головой Фьера еще один барьер.

– Не стоит, я вижу, что вы контролируете ситуацию, – не стал рисковать здоровьем подопечного магистр Алинкер. – Коллеги предупреждали, что вы можете преподнести сюрпризы, потому я не удивлен. Приз ваш, я сообщу магистру Маленверу.

– Благодарю вас. – Ани учтиво кивнула и поинтересовалась: – Для меня имеет смысл и дальше оставаться на занятии? С теми условиями, что вы поставили перед нами, задачу я решила.

– Вы могли бы поменяться местами, – предложил магистр. – Не думаю, что с вашим контролем силы, – он кивнул на тьму, даже недрогнувшую, когда Ани отвлеклась, – вы не удержите классический щит.

– Давайте попробуем, – согласилась Ани и попросила, застенчиво улыбнувшись, как обычно поступали леди, желавшие получить освобождение от занятия у мастера Зариса: – Но вы же напомните мне, как он строится?

– Конечно, но в следующий раз вы расскажете о порядке его построения всему потоку, – спокойно сообщил магистр, и адептке стоило бы затрепетать от угрозы, но Ани едва сдержала смех.

– Как вам будет угодно, – сказала она и решила, что определенно выучит эту схему и даже сделает в ней ошибку, чтобы ее непременно исправили. Просто чтобы посмотреть, как мученически вздыхает магистр и устало закатывает глаза от осознания, что нет в ней потенциала гениального мага.

Остаток учебной недели прошел чересчур спокойно, словно Сам-Яр испугался возможной мести своей коллеги и отдал всю удачу одной лишь ей. Несмотря на выигранное не совсем честно – силы определенно были неравны – освобождение от отработки, Ани продолжила ходить в лазарет. Ни мытье полов, ни тем более бутылков

не могло отвратить ее от помощи ближним, пусть они и были преимущественно стихийниками или и вовсе – светлыми. Темные, что вызывало у Ани гордую улыбку, в лазарет почти не попадали, а если и заглядывали, то неизменно с «подарком». Сгружали его на ближайшую койку и, не объясняя ничего, уходили, плотно притворив за собой дверь. А там уже магистр Вирдан или его дежуривший коллега занимались несчастным. В основном дело ограничивалось одним сеансом, в редких случаях – это касалось адептов третьего-четвертого годов обучения – пострадавшие оставались в лазарете на ночь или две.

Чаще всего – на две. Орис посмеивался, рассказывая о симулянтах, но без злобы – скорее с пониманием.

– До третьего курса преподаватели вас страхуют, поэтому даже в поединках вы серьезно не пострадаете. С третьего вы сами отвечаете за свою защиту, поэтому сейчас не расслабляйся. Один невыученный щит может привести тебя сюда, а пропущенная пара у магистра Эстельдхейма и вовсе лишит волос, а то и жизни.

– А были прецеденты? – заинтересованно уточнила Ани, отвлекаясь от перевязки не подававшего признаков жизни адепта. Хорошо притворялся, девушка даже уважительно присвистнула, но «тело» решило не оживать.

– Как им не быть, – хмыкнул Орис. – Но в основном это случается на практике, где и помочь-то может оказаться некому. Встретишь так какую-нибудь тварь, – парень потер шрам, – потом позора не оберешься. Так что учись, мелочь, пока с вас пылинки сдувают.

Он похлопал Ани по плечу, а та рассеянно кивнула, возвращаясь к прерванному процессу и давая самой себе слово проследить, чтобы Орис не оказался в Лабиринтах раньше срока. В конце концов, так она хоть немного компенсирует ему причиненный вред.

Больной, на кровати которого Ани сидела, согласно всхрапнул. Девушка поморщилась, но промолчала.

Молчала она и потом, глядя, как удаляется в неизвестном направлении знакомая девичья фигура. Она больше не выглядела пресыщенной жизнью красавицей. Длинные ногти были коротко острижены, а во взгляде читалась лишь усталость и тоска, а еще – вина.

Она пропитывала бывшую ученицу академии, чудилась и в наклоне головы, и в тихом голосе, каким девушка говорила с теми, на кого раньше и не взглянула бы, а теперь брала за руку искалеченную болезнью женщину и вливала в нее свою силу, пытаясь отсрочить неизбежное.

– Моя госпожа? – Один из ее Теней – Хар, кажется – ступил на камни, замирая рядом с Хозяйкой и ожидая ее приказа.

– За кем ты пришел? – тихо спросила Ани – тише ветра, едва слышно на фоне скрипа несмазанных петель.

– Они Клиена, – с поклоном ответил Хар. – Она больше не молится вам, и держать ее на этом свете нет причин.

– Идем, покажешь мне, кого ты хочешь забрать, – помедлив, приказала Ани и, хотя ей следовало идти совсем в другую сторону, взбежала по ступенькам на крыльцо больницы для бедных.

Дверь не скрипнула лишь потому, что оба нежеланных гостя предпочли идти по границе. Но... местные обитатели их все равно чувствовали, замирали, обрывая на полуслове разговор, вздрагивали и хватались за давно не наполнявшиеся слабенькие целительские амулеты, а кто-то начинал молиться. Ани чувствовала острый прилив сил, находясь в этом месте, но морщилась от царившего здесь хаоса и смрада. И пусть в ее мир не долетало ни отголоска пропитавших здесь все ароматов, Ани не могла избавиться от желания прикрыть нос платком. Даже после всего нескольких дней в лазарете она знала, как пахнет гной, обожженная плоть и та зеленоватая субстанция, которая заменяла в больнице для бедняков все остальные лекарства. В лазарете ею обрабатывали порезы, если в лечении нельзя было применять магию или магистр хотел преподать урок зачастившему к ним гостю, но больше базовое зелье было ни на что не годно. Вот только лучше, конечно, оно, чем ничего.

– Она. – Голос Хара прервал ее раздумья. Тень смотрел на недавнюю пациентку целительницы-недоучки, последней покинувшей больницу. Ани знала об этом наверняка: воспользовавшись выигранной наградой, она покинула стены академии несколько часов назад, рассчитывая навестить Болериана, но остановилась на полпути, увидев ту, что, как ей обещали, не должна была покидать места своего заточения. Авлен Ларзан целеустремленно шла в сторону окраины, и Ани последовала за ней, испытывая противоречивые желания. Точнее,

направленные на разных людей. И первым пострадать должна была не сама девушка, а тот, кто не выполнил своего обещания. Магистр Маленвер рисковал не проснуться следующим утром.

Ани пришлось задействовать всю свою выдержку, чтобы не вспылить прямо на улице. Удерживало одно – дом ее верного слуги располагался совсем недалеко, да и до ресторанчика, куда она привыкла ходить, было преступно близко. В случае, если она отдастся охватившей ее злости, он определенно пострадает. И Ани стояла на границе, закрыв глаза, будто это могло ей помочь избавиться от гнева, и лишь когда Ларзан оказалась достаточно далеко, Хозяйка Замка вернулась в смертный мир и... пошла за причиной своего дурного настроения.

– Оставь, – приказала Ани, жестом останавливая слугу.

Женщина вздрогнула, будто услышала ее голос. Она была еще молода, хотя никто бы не поверил в это, едва взглянув на худое, не без морщин лицо, в обрамлении так рано поседевших волос, но ее жизнь подходила к концу. И – Ани хмыкнула – если бы не целительница, оборвалась бы еще неделю назад.

– Моя госпожа? – Хар рискнул обратиться к направившейся к выходу хозяйке.

– Не вмешивайся пока. Эта душа все равно переступит черту. Рано или поздно. Так зачем лишать себя удовольствия забрать обеих. И ее, и целительницу, когда та растратит слишком много жизненных сил.

– Вы коварны, – с нескрываемым восхищением выдохнул Хар, прислушался к чему-то и с поклоном исчез. Ани не стала останавливать: бросила быстрый взгляд на тяжело дышавшую девушку, лицо которой заострилось от испытываемых ею страданий, покачала головой и шагнула вперед, пересекая разделявшую их границу.

Стон сорвался с губ несчастной, когда прямо перед ней возникла незнакомка.

– Пришло мое время? – шепотом – ни на что большее у нее не хватало сил – спросила женщина. Лицо ее поразительным образом расслабилось, словно боль отступила.

– Ты так хочешь уйти? – Ани села на подоконник маленькой комнатушки, где в смертном мире с трудом помещались они двое.

– Нет.

– Тогда зачем мне тебя забирать?

– Я больна. И умираю.

– Тебя лечат, – напомнила Ани, сама не понимая, почему говорит со смертной.

– Лечат, – женщина прикрыла уставшие глаза, – но выздороветь мне не суждено. Я знаю это, и я готова... уйти.

– Неужели у тебя нет ничего, ради чего ты готова остаться? – продолжила допытываться Ани, прекрасно чувствуя, как истончается граница. Не от ее присутствия или прихода Хара, а из-за желания самой собеседницы поскорее уйти. Каждым своим словом она призывала Врата Лабиринта, еще немного – и они откроются перед ней.

– Ради них я готова уйти раньше, – призналась собеседница, и Ани кивнула.

Одним движением Хозяйка Замка пересекла разделявшее их расстояние, подхватила обмякшее тело собеседницы и брезгливо поморщилась, когда пальцы больной зацепили край ее куртки.

– Готова она, – сварливо выдала Ани и сбросила безвольное тело на койку. Такую же грязную, как и все вокруг. – Я не готова, – буркнула девушка и нравоучительно вздернула палец. – Знаешь, сколько вас таких? Откуда тебе знать. Верить в себя надо. В себя, в целителя, в милость богов. Хотя... – по лицу Ани прошла судорога, – в Далиса не стоит. Он тебе ничем не помог. Даже твоя Ларзан сюда из-за меня попала. Так что... – Хозяйка Замка недовольно прищурилась, изучая то, что осталось от ауры больной, а после переходя к ее физическому телу, – отработаешь потом. Когда-нибудь. А пока – терпи.

Сдержать крик у первой жертвы целительских практик Хозяйки Замка не получилось, но никто не пришел. Ни крик, ни плач не были в новинку для этого места, и на них просто не обратили внимания.

Официант поглядывал на остановившегося у самых дверей, но не входившего в заведение юношу с болезненным интересом. Он даже пытался не моргать, чтобы не пропустить случайно что-то важное, а за последние несколько недель это самое важное в стенах их заведения происходило регулярно. Но юноша стоял спиной, и, как ни старался Табольд, разглядеть его лицо не выходило.

– Прошу прощения за дерзость, – первым делом извинился работник ресторана, привыкший иметь дело с не самыми снисходительными клиентами, – возможно, вы предпочтете ожидать внутри?

Губы юноши искривила усмешка. Он обернулся, давая Табольду рассмотреть нашивки академии на форме, но тот и не думал отступить.

– У нас есть несколько свободных столиков. Подберем для вас лучший, – продолжал уговаривать с новой силой официант, внимательно следя за улицей. Вдруг нет-нет да и появится новый старый гость.

– Вы уверены, что он мне по карману? – усмехнулся юноша, переводя взгляд с улицы на настырного собеседника.

– Отчего нет? – притворно удивился Табольд. Профиль юноши он уже успел оценить, и один он говорил о его благородном происхождении. Также слуга, ежедневно видевший наследников древних фамилий, мог с уверенностью заявить, что нос гостю достался самый эталонный, а вот подбородок немного подвел: ямочки, даже такой незначительной, там быть не должно было. Впрочем, она не портила лица юноши, добавляя ему некоторый шик.

– Увы, но вы ошиблись в оценке. – Вновь отвернулся парень и, разглядев кого-то в толпе, кивнул. – Прошу меня извинить за то, что дал вам ложную надежду, но ваше заведение мне не...

Договорить он не успел. Темно-русая девушка, при виде которой у Табольда сама собой расцвела улыбка на лице, коротко заметила:

– Как обычно. – И увлекла внутрь ошарашенного ее словами юношу. – Прости, опоздала немного, – виновато заметила Ани, плюхаясь за любимый столик и потягиваясь. Определенно, Табольд и его начальник приняли меры: ее столик ныне был окружен плотным кольцом цветочных горшков, в каждом из которых буйным цветом цвели незнакомые девушке кусты.

– Ничего, – кивнул Фьер, оглядываясь. Пусть ему и доводилось ранее бывать в подобных местах, он не собирался сообщать об этом. Поэтому с выражением крайнего любопытства разглядывал окружившие их живым забором растения. Чуть отклонился, выглядывая за пределы их островка, и с удовлетворением отметил, что каждый столик ныне был также окружен цветами, обеспечивая всем

посетителям некоторую интимность обстановки. – Но я рассчитывал пригласить вас в другое место.

Ани виновато развела руками.

– Время моего выходного подходит к концу, и, боюсь, поиски другого заведения съели бы его полностью. Не беспокойся, я не собираюсь заставлять тебя платить за заказ. Напротив – готова угостить всем, что ты выберешь.

– Давно у меня не было таких странных свиданий, – отметил Фьер. Нож, казалось, сам скользнул в его пальцы, крутанулся, отражая блики света, и был отложен юношей в сторону. – Чтобы не потерять лицо, я должен оплатить хотя бы напитки. Чем тебя угостить?

– Тебя? – Ани вздернула брови, намекая, что еще минуту назад собеседник соблюдал формальности.

– Решил, что совместная трапеза – достойный повод перейти на менее официальный тон. Но если желаете...

– Пусть будет «тебя», – торопливо кивнула девушка, подаваясь вперед и заглядывая своему спутнику прямо в глаза. На мгновение ему показалось, что в ее глазах не осталось ничего человеческого – все затопила тьма, но стоило моргнуть, как видение исчезло. – Зачем ты хотел меня пригласить?

– Я хотел? Мне казалось, ты сама решила устроить нашу встречу, я лишь...

– ...выставил эту встречу наградой, – закончила за него Ани. – Я оценила.

– Польщен. – Фьер откинулся на спинку стула, аккуратно перекинув косу пепельных волос через плечо. Ани не сводила с него оценивающего взгляда. – Ты так внимательно смотришь, будто это не свидание, а примерка гроба, – усмехнулся юноша. Ани хмыкнула, не став объяснять, что истина притаилась совсем близко. – Мне начинать тебя бояться?

– А на занятии ты не боялся? – перевела разговор в другое русло Ани, прикрыла глаза и приказала: – Неси уже. Мы не говорим ни о чем важном.

Табольд, мявшийся за пределами их островка, появился тут же. Выставил перед Ани глубокую тарелку с супом, продемонстрировал бутылку вина – Фьер, немного разбиравшийся в сортах и ценах, поджал губы.

– Не это. – Ани жестом остановила мужчину. – Сегодня обойдемся отваром. Разве ты не заметил, что мой гость еще ученик.

– Простите, госпожа. – Табольд поклонился, пряча бутылку «Слез богини» за спину. – Сейчас же распорядюсь об отваре, не извольте...

– Иди уже, – отмахнулась от него девушка, замечая, как задумчив стал ее собеседник. – Я здесь часто бываю.

– Я понял, но, *Ани*, – юноша особо выделил ее имя, – для девушки с одним лишь именем это непозволительная роскошь. Кто вы? – он снова перешел на официальное обращение. – Невеста принца? Дочь императора? Любовница герцога Мальтрина?

– Кого? – Ани нахмурилась, пытаясь вспомнить, где она могла слышать последнее имя.

– Ректора, – усмехнулся Фьер. – Ходят слухи, что когда-то у него был роман с адепткой. Больше ее не видели, что лишь укрепило слухи.

– Но это не мешает толпам страждущих из года в год преследовать беднягу?

– Верно, но вы напрочь игнорируете это развлечение первокурсниц, что наводит на определенные мысли.

– Какие, например?

Вернувшийся Табольд поставил перед каждым из гостей по ароматной чашке.

– Что вам доступно нечто большее, – заметил Фьер, пригубив горячий напиток. Ани последовала его примеру. Прикрыла глаза от удовольствия, но с сожалением отметила, что даже тепло отвара не может ее согреть.

– Так оно и есть, – не стала врать Ани, отпивая еще глоток и отставляя кружку. – Мне нет дела до игр с ректором, ты – интереснее.

– Мое положение не столь высокое, – заметил юноша, но было в его голосе что-то, заставившее Ани нехорошо прищуриться.

– Но как низко ты пал? – уточнила девушка.

– Очень низко, – признался Фьер. На мгновение в его глазах промелькнула досада, словно он наговорил лишнего. – Глубоко-глубоко во тьму. Так низко, что даже боги не знают туда пути. – Оно должно было прозвучать как шутка, но на лице Ани не дрогнули даже уголки губ. Так же серьезен остался и Фьер.

– Боги знают все.

– Кроме того, чего не хотят замечать, – в тон ей заметил юноша, и Ани не могла с ним не согласиться.

– Ты так много о них знаешь.

– Больше, чем хотелось бы, – признался Фьер. – Как и вы, я полагаю.

– Я? – Ани притворно удивилась, но скорее для красоты сцены. Определенно, каждый из них имел свои подозрения насчет собеседника.

– Вы. Я задал пару вопросов.

– И кто-то рискнул на них ответить? – искренне заинтересовалась девушка.

Вернувшийся с жарким Табольд обеспечил обоим гостям вынужденную паузу.

– Нет, – ответил Фьер, когда официант удалился, сверкнув на прощание затычками в ушах – чтобы, не приведите боги, что-то не услышать. – И по тому, как быстро вы поняли, как противостоять моему особому таланту...

– Скажи вслух, и я заберу тебя этой же ночью, – изменившимся голосом, в котором не осталось ничего человеческого, пообещала Ани. Кожа воплощения побледнела, сравниваясь по цвету с салфетками, глаза затопила тьма.

От внезапно повысившегося магического фона у кого-то из посетителей пошла носом кровь, так велико становилось давление от присутствия высшей сущности. Вот только сидевший напротив маг оставался спокоен. Слишком спокоен для юнца, коим он... не был?

– Никогда не думал, что увижу вас во плоти, – заметил Фьер, чуть склоняя голову набок. Людям не дано было видеть, как сквозь одну ауру проглядывает совсем другая, но не Ани.

«Никогда не думала, что подобный тебе рискнет появиться на нашей земле», – Ани больше не говорила, но, казалось, каждый, кто рискнул в этот день прийти в ресторан, слышал ее голос.

– Времена меняются, ваше Темнейшество. И каждый прожитый людьми день лишь приближает ваш исход.

«Мы никогда не оставим этот мир».

– Как и Владыка Ар-Шет? – усмехнулся тот, кто занял место Фьера. И Ани не стерпела.

Меньше месяца прошло с момента, как управление полностью обновило все сигнальные артефакты, но исход их был таким же. Разом взвыли все амулеты, чтобы спустя секунду щелкнуть и перегореть, погружая управление в мертвую тишину. Казалось, даже люди перестали дышать.

– Кто старший на смене? – хрипло уточнил пришедший в себя дежурный, но ответить на его вопрос никто не успел. Дверь кабинета распахнулась, и внутрь залетел перепуганный Роберт, оставшийся всего на два дня без начальника, но которому, определено, предстояло испытывать все его муки.

– Я-я-я, – заикаясь выдохнул временный руководитель. – Г-где источник?

– Там же, – сверившись с показаниями приказавших долго жить амулетов, ответил маг. – Пересечение Золотого с Пляшущими Огнями. И, судя по тому, как быстро все отрубилось, выброс был таким, что странно, что нам есть чем разговаривать.

Роберт сжал кулаки, быстрым шагом покидая дежурных магов, вышел на лестницу – не ту, по которой Кириан вел Ани в первый день их знакомства, а парадную, выходящую в холл управления, у подножия которой уже собрались все присутствующие в выходные служащие, – и, взяв себя в руки, исполняющий обязанности приказал:

– Всем не задействованным в охране управления двухминутная готовность. Открывать порталы запрещено, место инцидента – Пересечение Золотого с Пляшущими Огнями. Взять все доступные защитные артефакты. Выдвигаемся одной группой, – сказал и стер с висков капельки пота. Теперь Роберт был совсем не рад тому, что вызвался подменить начальника на выходные, но отыграть ситуацию назад уже никто не мог.

К удивлению прибывших по тревоге служителей магнадзора, усилившихся пушечным мясом из стражи, на пересечении улиц, казалось, не произошло ничего сверхъестественного. Гуляли старшекурсники, пользуясь последними вольными минутами выходного. Уличные торговцы перекрикивали друг друга, предлагая свои товары и, разумеется, «только для вас» обещая отдать дешевле. Степенно цокали копытами лошади, доставляя в работающие заведения вечерних гостей.

Роберт переглянулся со старшим из стражников, но и тот недоумевающе пожал плечами. Артефакты сработали у всех, но видимых причин для их агонии не наблюдалось.

– Можете быть свободны, – отпустил Роберт стражу, понимая, что те будут бесполезны и, дождавшись, пока представители иного ведомства очистят улицы, распорядился: – Проверьте близлежащие улицы, будьте готовы отступить. Наша задача – обеспечить безопасность горожан, противостоять сущности высшего порядка мы не сможем. – Он говорил очень тихо, но благодаря миниатюрным артефактам-передатчикам голос временно исполняющего обязанности слышали все подчиненные. – Действуем строго по инструкции.

– А вы, шеф? – молоденькая магичка все же не удержалась от вопроса, заметив, как ее более удачливый коллега, пусть и на два дня, но ставший старшим в управлении, направился к небольшому ресторанчику, над крыльцом которого водили хоровод цветные огоньки.

– Проверю здесь, – выдохнул Роберт, зная о прошлом их незапланированном выезде на эту улицу чуть больше подчиненных. – Иди, твой напарник может пострадать, пока ты здесь.

– Но и вы можете пострадать, в одиночку отправляясь туда.

Она кивнула на ресторанчик, не делая и шага в сторону.

– Ладно, но ты ждешь здесь и ни при каких обстоятельствах не заходишь, – смирился с неизбежным Роберт. Эрли он знал – помнил еще со времен своей учебы, как и то, что не единожды ловил ее взгляд на себе.

– Есть, – сверкнув неуместной улыбкой, отрапортовала девушка. Роберт предпочел сделать вид, что ничего не заметил, набрал в грудь побольше воздуха и, порывисто открыв дверь, переступил порог, не зная, какая картина откроется ему.

– Вы один? – уточнил подлетевший к нему официант, не забыв поклониться и протянуть меню.

– У вас ничего не произошло? – вместо ответа Роберт показал смутно знакомому мужчине эмблему управления.

– Нет, все в порядке, – торопливо ответил собеседник. Чересчур поспешно, чтобы у Роберта не было причин остаться.

– Мне нужно оглядеться, – сообщил он занервничавшему работнику.

– Конечно, как вам будет угодно. – Официант пытался не смотреть в зал, но глаза нет-нет да и косили в сторону укрытого цветами столика. Рассмотреть сидевшую там парочку с его точки обзора не выходило, но Роберт знал, кого он опросит в первую очередь.

Именно к ним он и направился, не обращая внимания на предложения официанта показать кухню, провести к начальнику или поужинать за счет заведения. Разве что сунул правую руку в карман, сжимая в пальцах амулет – не слишком мощный, но для того, чтобы погрузить в стазис всех посетителей ресторана, его сил должно было хватить.

– Прошу прощения за то, что нарушаю ваше уединение... – начал было Роберт, но осекся, заметив лежавшего лицом в стол юношу и задумчиво созерцавшую эту картину девушку. Знаки академии на форме обоих выдавали в них адептов, вот только едва ли у них хватило бы средств здесь ужинать. В обязанности Роберта входило знать в лицо всех детей аристократов, что проходили обучение в Иертане, и этих двоих в этих списках не было.

– Тело в порядке, – хмыкнула Ани, заметив, что новоприбывший пытается незаметно пощупать пульс у ее визави.

– А сознание? – осторожно осведомился молодой человек. Ани поморщилась: от нее не укрылось, что его правая рука сжимала что-то в кармане.

– А сознание – нет, – хмыкнула девушка и откинулась на стуле, демонстративно положив руки на стол, чтобы Роберт мог их видеть. – Но Фьер Анти пострадал не от моих рук. – Ани скользнула взглядом по собеседнику и, разглядев знакомую нашивку, поинтересовалась: – Кириан еще не вернулся? Жаль. В таком случае поступим иначе: заберите это бессознательное тело к себе. Когда я смогу уделить ему время – обязательно навещу.

– Я должен вас задержать, – поколебавшись, все же сказал Роберт, понимая, что ничего не понимает.

– Задерживайте, – легко согласилась девушка, поднимаясь и протягивая ему руки. – Мне еще не доводилось ночевать в камере. Посмотрим, на что способно местное правосудие.

Она последовала за Робертом на выход, не забыв даже заплатить за заказ. Блеснула старинная монета, ловко перехваченная официантом. Его напарник – плечистый вышибала, что томился в

каморке, чтобы не распугивать благообразную публику, – помог вынести из заведения бессознательное тело адепта, сдал с рук на руки служащим управления и с удовольствием отметил, как пошатнулся один из магов.

В камеру Ани входила как в собственный Замок. Не склонив головы, не спросив, когда здесь кормят, и не бросаясь проклятиями, как это обычно делали прочие постояльцы. Зевнула, оглядела клетку из мерлига, отмечая, что сплав был добыт достаточно давно, а значит, новых месторождений в империи не появилось, и села на скамейку. Подумала – и расположилась на ней поудобнее: полулегла, вытянув вперед ноги, повернулась сначала на правый, а после на левый бок. Недовольно поморщилась – скамья оказалась чересчур жесткой – и села. Поелозила немного, но, не найдя удобного положения, поднялась и прошла прямо через решетку, вызвав у наблюдавшего за всем Роберта обреченный стон. Ему в отсутствие начальства только сущности не хватало! Впрочем, рассчитывать на меньшее после смерти сигнальных амулетов... Он был слишком наивен.

– Идем, – позвала Ани, проходя мимо задержавшего ее мага. – Мне нужно взглянуть на мальчишку, а ты – вызови пока из академии... – девушка наморщила лоб, вспоминая, – Альбина Кентора.

– И вы думаете, я позволю вам ходить по управлению и...

Девушка приложила указательный палец к его губам, обрывая скорее обиженную, чем гневную тираду.

– Т-шш, позволишь, конечно. Это дела храма. Доложи императору и выдохни. Тебе ни к чему лезть во все это. Пусть пришлют герцога. С его женой, – Ани фыркнула, – я договорюсь.

Роберт не рискнул спорить, как и оставлять девушку без присмотра. В столицу был отправлен один из вернувшихся с пересечения улиц магов, первым пришедший с докладом. Впрочем, перспектива отправиться в ночь с поручением не обошла и второго посетившего кабинет начальника, где временно расположился Роберт то ли с гостьей, то ли с задержанной.

– Фьера осмотрели? – поинтересовалась Ани, забираясь с ногами в кресло, еще хранившее отпечаток ауры Кириана. Повышение сказалось на его мебели наилучшим образом.

– Так зовут пострадавшего? – уточнил Роберт, механически делая пометку в папке, которую тут же подхватил со стойки дежурного,

стоило вернуться в родное управление. С ней ему было привычнее и... спокойнее.

– Верно, – кивнула Ани и запрокинула голову, изучая потолок. Проследивший за ее взглядом молодой человек не нашел там ничего примечательного: ни лепнины, отсутствующей с момента переезда в это здание управления, ни подозрительных насекомых, ни прочих загрязнений, как и теней. Осветительный шар работал вовсю, отчего Роберт уже через несколько секунд отвернулся и потер заслезившиеся глаза.

– А...

– Тебе потом расскажут ту версию событий, в которую придется поверить, – с сочувствием заметила Ани, отталкиваясь ногами от стола и балансируя в кресле. Роберт, не привыкший к подобным вольностям, оторопело смотрел на гостью. Называть ее задержанной он не мог: слишком очевидной была разница между ними. Хотя бы в том, что самому Роберту пришлось однажды посидеть в антимагической клетке, и покинуть ее без посторонней помощи молодой человек не смог. – Узнай, кто-нибудь из старших прибыл?

С облегчением, в котором не сознался бы даже самому себе, Роберт покинул кабинет. Выполнять чужие приказы для него было легче, чем отдавать их самому, а эта девушка... она определенно знала о случившемся больше кого-либо, хотя бы потому, что сама была частью происшествия.

Появление магистра Маленвера заставило Роберта выдохнуть. Пусть ему не довелось учиться у магистра, но не знать послужной список менталиста маг управления не мог. В Иертане слишком часто пересекались интересы академии и управления, и именно магистр Маленвер приходил улаживать конфликты. Его спутник – напротив – не был известен Роберту, но даже быстрого взгляда хватило, чтобы отвернуться от яркого света ауры этого человека. Даже сквозь щиты – светлый же не стал бы пренебрегать безопасностью? – она ослепляла.

– Магистр, – Роберт уважительно кивнул и, стараясь не смотреть на его спутника, уточнил: – А с вами?..

– Альбин Кентор, – представился незнакомый маг. – Не могли бы вы проводить меня к девушке?

– Да, конечно, – дождавшись кивка от магистра, заверил Роберт. – Она в новом кабинете его светлости.

– Кириана нет? – нахмурился менталист.

– Он взял выходной на эти дни. По личному и не терпящему отлагательств поводу.

– Вот, значит, как, – хмыкнул отчего-то Кентор, хотя Роберт передавал слова начальника его коллеге из академии. – Уж не в Крутые ли бережки направился?..

Временно исполняющий обязанности промолчал. Ответ не был ему известен, да и сообщать первому встречному о делах его светлости не следовало, как бы тот ни интересовался. Магистру Маленверу – можно, но уже после того, как они избавятся от постороннего.

– Не буду обременять вас своим присутствием больше необходимого, – заверил светлый, будто Роберт забылся и начал говорить вслух. Вот только он знал, что не проронил ни слова, а значит... Рука непроизвольно потянулась к затылку, где пока еще короткий хвост удерживала заколка.

– Ваш артефакт в порядке, – успокоил занервничавшего служащего Маленвер. – Но мой коллега порой слышит больше, чем доступно *людям*. Не сочтите за оскорбление.

– Все в порядке, – торопливо заверил Роберт и выдохнул, заметив, кто приближается к кабинету начальника с противоположной стороны коридора. Герцог Анвентар, по-домашнему одетый, что заставляло смущенно смотреть в другую сторону отправленного за ним мага, кивнул Маленверу, удостоил внимательным взглядом его спутника и требовательно дернул подбородком.

– Что у вас случилось? – В голосе начальника всей службы безопасности империи слышалась обреченная тоска человека, знающего о собственном будущем несоизмеримо больше остальных.

– Пожалуй, мы сэкономим время, если рассказывать буду я, – звонкий девичий голос вмешался в беседу. Дверь кабинета открылась бесшумно. – Ты, – девушка кивнула Роберту, – присмотри, чтобы нам никто не мешал. На крики внимания можешь не обращать. Мой коллега не приучен вести себя в обществе.

Глаза Альбина Кентора подозрительно сощурились, но Роберт не рискнул уточнять, о нем ли шла речь. Вместо этого временно исполняющий обязанности пообещал себе больше никогда не вызываться подменять начальство и прикрыл дверь за магистром Маленвером, вошедшим в кабинет последним.

– Лис, – позвала Ани, вернувшись в хозяйское кресло и становясь предельно серьезной, – реши, кому из твоих слуг следует знать о Виновных.

– Пусть остаются, – помедлив, разрешил Кардалис, занимая место напротив. – Ты же им доверяешь?

– Отчасти, – хмыкнула Ани и наградила менталиста внимательным, оценивающим взглядом. – Когда они не пытаются меня обмануть. – Светлейший вздернул бровь, но Ани покачала головой, давая понять, что продолжения этой темы не будет. – Всему свое время.

– И ради чего ты решила потревожить управление? Мальчишка неуважительно высказался? – не удержался от насмешливой улыбки Кардалис.

– Не суди всех по себе, – нахмурилась Ани. – Там и не мальчишка вовсе был. Ментальный паразит, магистр, слышали о таком?

– Разумеется, – сухо согласился менталист, не рискнувший садиться и продолжавший стоять у двери, словно ждал, что его выставят с этого собрания облеченных властью. Рядом, копируя позу светлого, скрестив на груди руки, стоял и слушал, не задавая вопросов, герцог Анвентар. Впрочем, его молчание не было чем-то удивительным: ему было кому задать уточняющие вопросы.

– А с полностью замещенным сознанием вы сталкивались? Не знаю, сколько там осталось от бедняги Фьера и где вы его нашли, но та тварь познакомилась с мальчишкой раньше.

– Ты думаешь *о них*?

Герцог смерил Светлейшего задумчивым взглядом: отчего-то Великий избегал называть проблему своим именем, да и Темнейшая не торопилась вносить ясность. Виновные? В чем? Кто? И как их наказали?

– Я говорю *о них*, – отрезала Ани, покосилась на собравшихся и любезно заметила: – Вне этих стен, не оставшись друг с другом наедине, вам нельзя обсуждать ничего из услышанного. В противном случае... Лорвин. – Тень явился мгновенно, будто был тут с самого начала и лишь ждал, когда его призовут. – Заберешь этих двоих немедленно, если они рискнут нарушить мой приказ.

– Император должен знать об угрозе, – заметил герцог.

– Я сам ему скажу, – пообещал покровитель династии. – Вам передадут инструкции, а пока – молчите, если к вам не обращаются. – И уже Ани: – Ты уверена?

– Могу отвести тебя в Лабиринт, – поморщившись, предложила Хозяйка Замка. – Посмотришь сам, кто явился на нашу землю.

– Ты его уничтожила? – продолжал допытываться Светлейший.

– Это невозможно. Не мне тебе объяснять почему. Их не просто так стали звать Вечными, ни я, ни мои слуги не можем забрать их в последний путь. Рано или поздно они вернутся в смертный мир. Их *кара* была ошибкой.

– Сколько их бродит по Лабиринту? – уточнил Кардалис. Если бы он был человеком, герцог решил бы, что Светлейший нервничает. Пальцы мужчины не останавливались ни на секунду, выстукивая замысловатый мотивчик.

– Меньше, чем хотелось бы.

– Кто еще ни разу не почтил нас своим присутствием? – уточнил Светлейший, что-то перебирая в памяти.

– Уходящий, слышащий и причиняющий боль, – прислушавшись к себе, ответила Ани. – Рассчитывать на последних не приходится. Души, сросшиеся с местом смерти, редко отправляются ко мне. Особенно из Ри-Ан-Свальда.

– Эти двое не станут проблемой, – подумав, заметил Светлейший. – Значит, остающийся, наконец, нас посетил.

– Надолго ли? – Ани была настроена не слишком оптимистично. – Мне не доводилось лично встречать его раньше, но...

– Никаких но. – Кардалис порывисто поднялся. – Сам он не сможет миновать все Врата и вернуться обратно. Куда ты его отправила?

– К остальным мятежникам, – усмехнулась Ани. – Он один из них, пусть разделит и их бремя.

Светлейший недовольно сощурился, но промолчал. Он будто знал что-то такое, что должно было изменить решение коллеги, но передумал говорить. Виной ли тому были посторонние или тайна была слишком неприглядна, чтобы открывать ее, но Кардалис промолчал.

– Пусть так и будет, – поняв, что все взгляды сосредоточились на нем, поспешно согласился Светлейший и поднялся, будто больше тем для обсуждения не осталось.

– Прошу простить мою дерзость, – Анвентар посмотрел на решившего покинуть собрание Великого, – но что будет с пострадавшим? Мне доложили, что юноша жив, хоть и не приходит в сознание...

– Что угодно, – усмехнулся Светлейший, на лице воплощения отразилась брезгливость. – Этот мир только выиграет, если потомки Исчезнувшего уйдут навсегда. Но, увы, – Кардалис обернулся, – не в моих силах даровать мальчишке быструю смерть.

– А жизнь? – вопрос сорвался с губ молчавшего все это время менталиста.

– А жизни недостоин никто из *его* потомков, – заключил Светлейший. – Закончи начатое, мальчишка лишний в этом мире.

– Это уже мне решать, – хмыкнула Ани, проводив коллегу долгим взглядом. Тот ушел, не оглядываясь, словно разговор исчерпал себя. Впрочем, для Светлейшего так оно и было: здесь свое слово он сказал, теперь следовало навестить потомка, убедиться, что тот по-прежнему верен ему всецело.

– Вы убьете Фьера? – первым нарушил повисшее с уходом Великого молчание магистр Маленвер.

– А ты решишься мне помешать? – Ани чуть наклонила голову, недобрый взглядом награждая светлого. – Или предложишь сделать все за меня?

– Если вы позволите...

– Нет, – отрезала девушка. Качнулась вперед и прошла сквозь стол, меняя реальности в мгновение ока. – Вы, мой дорогой магистр, слишком самостоятельны, если не сказать самонадеянны. Угадайте, кого я видела сегодня в городе в полном душевном здравии? И никаких проблем с даром: он даже чуть подрос от столь интенсивного использования. Нарушил мою волю однажды, что помешает тебе повторить содеянное?

– Я не нарушал данного вам слова, – спокойно, будто выдерживать недовольный, пронизывающий до глубины души взгляд высшей сущности было в порядке вещей, сказал менталист. – Вспомните, о чем мы говорили.

– Она меня не помнит? – уточнила Ани, останавливаясь на расстоянии вытянутой руки от светлого. Так, чтобы он чувствовал исходящий от нее холод. Чувствовал и готовился ощутить его внутри

себя. От вновь повысившегося фона осветительные артефакты начали сбоить, то погружая помещение в крошечную тьму, то вспыхивая ослепительным светом. Взмах руки – и все они пришли в негодность, оставляя кабинет начальника управления во власти тьмы. В прямом и переносном смысле.

Маленвер слышал, как герцог, не покинувший кабинет следом за Светлейшим, отступает на шаг, но сам остался недвижим. После того, что он услышал, сомневаться, что божественный покровитель не вступится за его грешную душу, не приходилось.

– Молчишь? Не желаешь объясниться? – Маленверу казалось, что он чувствует чужое дыхание на своей коже, вот только он лучше иных знал: Ани-Арли не дышит, как нормальные люди, не нуждается в сне или отдыхе, и... не прощает.

– В играх богов я всегда буду на стороне людей, – хрипло выдохнул магистр, считая про себя секунды. Что ж, он был готов расстаться с жизнью уже давно, окончательно смирился с неизбежным, выполняя все, что обещал Темнейшей, но стирая глупой и заносчивой адептке память о столкновении с богиней, чтобы собственное вбитое в сознание Ларзан условие не могло сработать. И теперь стоял, вглядываясь во тьму, без единого проблеска света, и ждал. Умирать прежде ему не доводилось, а рассмотреть, что его ждет по ту сторону границы, в сознании Мортена не удалось.

– Ваше Темнейшество... – Между ним и, казалось, осязаемой тьмой оказался герцог. – Я прошу снисхождения для этого человека.

– Разве у тебя осталось такое право? – Насмешливый голос звучал отовсюду, но Маленвер удержался от желания обернуться, оставаясь на месте и глядя поверх плеча неожиданного заступника. Надежда? Почувствовал ли он дуновение этого сводящего с ума ветерка? Отнюдь нет. Едва ли люди могут повлиять на решение жестоких детей, не обремененных привязанностями.

– Нет.

– Так отойди. Твоя жизнь – подарок Маргарите, а я не люблю забирать собственные дары.

– Тогда дайте и ему шанс...

– Возвращайся домой. – Тьма сгустилась напротив, собираясь в едва различимый в лунном свете силуэт девушки. – Тебя позвали, чтобы ты успокоил трясущегося мальчишку за стеной. Не для советов.

– Мне жаль. – Тихий голос герцога достиг ушей менталиста, когда он сам был уже на пороге.

– А тебе жаль? – усмехнулась Ани, вернувшая себе прежний облик. Она не стала зажигать свет, как и Маленвер просить об этой маленькой услуге.

– Нет. Я поступил так, как считал правильным. Девушка глупа и заносчива – это бесспорно, но каждый заслуживает шанса искупить свои грехи. Не перед вами – перед людьми, которым она причинила боль своими ошибками.

– Ты так уверен в этом... – протянула Ани и подняла ладонь, возвращая к жизни один-единственный осветительный амулет.

– Я верю в это, – подтвердил Маленвер. – Чтобы получить допуск к экзаменам, четыре дня в неделю Ларзан работает в больнице для бедных, один – в доме умалишенных. Оба этих места – не императорский госпиталь, никто не стоит у нее за спиной, подсказывая ответ, никто не работает за нее. Но из раза в раз она видит, к чему приводит то, что казалось невинными шалостями для ее круга. Видит и ставит себя на место жертвы. В последнем есть и мое участие, но я не мог пустить все на самотек.

– И она не заподозрит, что это вы постарались? Не пойдет к другому менталисту? – допытывалась Ани. Гнева в ее голосе он больше не слышал, но не спешил радоваться.

– Даже если и пойдет, – Маленвер сжал пальцы, – никто не станет снимать мои надстройки.

– Вот как... – Ани в задумчивости прикусила губу. Откинулась на спинку кресла, глядя в потолок.

Мужчина молчал, ожидая вердикта. Молчала и Ани, размышляя, как стоит поступить. С одной стороны – стоявший у стены человек ее обманул, с другой – выполнил все в точности, как обещал. Разве что убрал несколько неоговоренных пунктов из истории. И кто из них виноват в этом? Далис определенно разгневался бы, стирая с лица земли смутьяна, но она – не Светлейший, не Карающий из-за мелочей дурак, так опасющийся, что с ним перестанут считаться, а потому сотрясающий воздух. Что ж, решено.

Ани улыбнулась и подалась вперед, встречаясь взглядом с напряженно ожидающим решения своей судьбы Маленвером.

– Сама виновата, – хмыкнула девушка. – Нужно было внимательнее тебя слушать и, чтобы ты не занимался самодеятельностью, проконтролировать процесс.

Она поднялась с хозяйского кресла, застегнула верхнюю пуговичку рубашки и направилась к двери.

– И это все? – не удержался от вопроса менталист, делая шаг в ту же сторону. – Вы не будете меня карать?

– Нет. – Ани покачала головой. – Нужно уметь признавать свои, скажем так, недочеты.

– Не всем это дано, – отметил менталист, расслабляясь самую малость. Позволить себе облегченно выдохнуть и забыть о причинах беседы он не мог: боги легко меняли свои решения.

– В этом и причина, – фыркнула девушка. – Не хочу быть как этот упрямый баран.

Маленвер понятиливо промолчал. Что позволено говорить Великим друг о друге, весьма сокращает и ухудшает жизнь, если сорвется с уст простых смертных.

– Идем, – позвала Ани замершего в нескольких шагах от нее магистра. – Посмотришь, что осталось от Фьера и есть ли шанс ему помочь.

– Помочь?

– Ну не убить же... Мальчишка, конечно, виноват, что нахватался паразитов, но что – его за это в Лабиринт ссылать? – Она усмехнулась. – К тому же Далис так желает избавиться от любого упоминания об Ар-Шете, что я не могу позволить ему так легко забыть о своей глупости. – Менталист с трудом удержал улыбку, но, борясь с собственной мимикой, немного отстал, оставшись последним гостем кабинета начальника управления. – Идем уже, ночь не бесконечна.

Маленвер согласно вздохнул. Увы, его спутница была права. Ночь, какой бы длинной ни казалась, имела свойство заканчиваться, оставляя груз нерешенных дел на новый день. И с каждым прожитым днем ком нерешенных проблем становился лишь больше, так и норовя погрести под собой незадачливого беднягу, оставлявшего все «на завтра».

Под недовольное сопение Роберта, оставленного герцогом для их сопровождения, они миновали коридор и спустились по лестнице на три пролета вниз. Магистр поежился, чувствуя, как ощутимо похолодало, Ани же даже не поморщилась.

– Внешние раздражители не влияют на вас? – уточнил светлый, принаравливаясь к шагу своей спутницы.

– Обычно – да, – рассеяно ответила Ани, останавливаясь и прикрывая глаза, словно сверялась с чем-то одной ей доступным.

– Мы можем узнать дорогу у Роберта? – предложил Маленвер, но девушка отмахнулась от его слов, как от чего-то несущественного.

– Люди могут заблуждаться, – фыркнула она и развернулась в противоположном направлении, заставив следовавшего за ними заместителя вжаться в стену. – Куда доставили мальчишку, что был со мной? – вздернув брови, уточнила Ани у Роберта. Тот указал дальше по коридору. – А вот и нет, – она довольно усмехнулась и кивнула Маленверу. – Герцог уже приказал перевести его этажом выше, так что мы сэкономим время, направившись прямо туда и не заглядывая в местный лазарет.

Спорить никто не стал, как и удивляться двум магам, несшим караул у непримечательной двери. Ни надписи, ни иных указаний на то, что скрывается за дверью, не было.

– Он уже здесь? – требовательно поинтересовалась Ани. Так, что ни у кого не возникло сомнений – она имеет право не только задавать вопросы, но и приказывать. Оба охранника разом подобрались, вытянувшись во фронт, но отвечать не стали, придирчиво изучая форму академии на девушке, ее слишком молодое лицо, темные провалы глаз... О последнем их успели предупредить.

– Так точно, – сглотнув, ответил один из магов и сделал шаг в сторону, освобождая проход. Его коллега последовал примеру старшего, не решаясь смотреть на девушку, но отмечая чересчур бледного Роберта за спиной у гостей.

С видом победительницы Ани обернулась к своим спутникам, вздернула нос и, убедившись, что все оценили ее превосходство, толкнула дверь, оказываясь в небольшой комнате.

Несмотря на две имевшиеся кровати, только одна из них предназначалась для пострадавшего. Вторую плотно оккупировали неразобранные вещи молодого на вид мага, стоявшего рядом с Фьером и задумчиво изучавшего нового пациента.

– Орлис, – приветливо кивнул старому знакомому Маленвер. Темноволосый мужчина повторил его жест, не отвлекаясь от работы. – Мой коллега, – пояснил специально для Ани магистр, подхватывая

один из двух имевшихся стульев и переставляя его поближе к кровати, чтобы девушке не приходилось стоять.

– Твоих рук дело? – не смущаясь посторонних, спросил Орлис Урлан спустя пару минут, когда закончил осматривать то, что осталось от сознания пострадавшего мальчишки.

– Что ты! Я бы не стал так вмешиваться в базовые функции организма, – поморщился Маленвер, мельком все же взглянувший на то, что осталось от сознания ученика.

– У нас объявился сумасшедший менталист? – буднично осведомился Орлис, расстегивая манжеты. Перехватив недоумевающий взгляд Ани, пояснил: – Не люблю, когда что-то мешает. Пусть медитация и отсекает мелкие раздражители, лучше, чтобы их и вовсе не было, пока работаешь на глубинных уровнях. – Девушка кивнула, запоминая. – Твоя ученица?

– Отчасти, – покосившись на русую макушку уютившейся на стуле девушки, подтвердил Маленвер и добавил: – И заинтересованная сторона.

– И в чем же заинтересованная, позвольте узнать? – Менталист закончил закатывать рукава и принялся за перестановку в комнате: пододвинул соседнюю кровать вплотную к той, на которой лежал Фьер, сбросил вещи на пол и сел, проверяя, достаточно ли мягкий матрас для него подготовили.

– Не в его смерти, – усмехнулась Ани. – И не в вашей, – решила добавить скорее для появившегося в ее поле зрения Лорвина, чем для оставшихся в неведении людей. – Я сама прослежу, чтобы пути не пересеклись.

Полуэльф почтительно кивнул, возвращаясь на более глубокий слой границы.

– Кого вы увидели? – напрягшись, уточнил маг, останавливая приготовления.

– Они вас не потревожат, – пообещала Ани, подворачивая под себя ноги. – Но я составлю вам компанию, если вы не возражаете.

– И ты ее отпустишь, Мал? – прищурившись, спросил у коллеги менталист.

– Боюсь, я не имею права ей в чем-то отказать, – честно признался Маленвер. Вероятно, он бы мог предупредить коллегу, кто собирается отправиться с ним ходить по тропам чужого сознания, но не стал. Во-

первых, маг уже успел убедиться, что с теми, кто не знает истинного положения дел, Ани-Арли ведет себя снисходительнее. Во-вторых, ее присутствие там могло спасти давнего соперника от безумия, впасть в которое рискует каждый менталист, оказавшись слишком глубоко в чужом «я»: чересчур близко проходили границы между Верхним, доступным менталистам, и Нижним – царством Темнейшей – Лабиринтами.

Взгляд Орлиса заметно похолодел. Откровение коллеги не принесло ему успокоения, скорее заставило поставить лишний якорь в сознании, чтобы было куда возвращаться в случае опасности.

– Я не буду вас ждать, – предупредил менталист, улегшись поудобнее. Протянул руку, перехватывая запястье Фьера, и, закрыв глаза, рухнул в водоворот обрывков чужих мыслей, чувств и воспоминаний.

– Присмотри за телом. Не хотелось бы вновь его создавать, – бросила Ани и прикрыла глаза, следом за Орлисом проваливаясь в Верхний Лабиринт.

Маленвер молча кивнул и торопливо подхватил накренившееся тело воплощения.

«Жить...»

«Исполни свой долг...»

«Мама, почему небо такое голубое?»

«От него никакой пользы!»

Водоворот чужих мыслей, обрывков воспоминаний, бессвязных видений обрушился на Орлиса. И пусть он был готов к этому, каждая секунда, проведенная в чужом сознании, тянула его на дно. Туда, где останется только одна личность, если он не сможет разделить свое и хлынувшее к нему чужое. А Фьер хотел жить, неистово, любой ценой, даже если придется уничтожить чужое сознание, так неосмотрительно рискнувшего посетить его агонию менталиста.

«Я должен жить...»

«Я заслуживаю жить больше тебя...»

Орлис захлебывался в чужих чувствах, как в бурлящей реке. Воздуха отчаянно не хватало, и это был дурной знак для менталиста. Если он не сумеет вырваться из потока, если не выплывет на

поверхность, ни один якорь не поможет. Профессиональные риски практикующих менталистов – отчаянно желающий выжить пациент.

– Может, хватит уже плескаться? – незнакомый недовольный голос вклинился в поток чужих мыслей и... все стихло. Не осталось ничьих мыслей. Ни Орлиса, ни бедного Фьера, чуть не утопившего его в себе. Были лишь тьма и холод, вмиг заполнившие собой все доступное пространство.

Орлис закашлялся, пытаясь избавиться от ощущения набившейся в легкие воды. Чья-то рука услужливо придержала его за плечи.

Тонкие изящные пальцы, бледная, будто ни разу не видевшая солнца, кожа, узкое запястье...

Орлис переводил взгляд все выше и понимал, что минуты его сочтены. Кроме темных магов только менталисты так подробно изучали обитателей Лабиринтов. И именно сюда, в Верхнюю его часть, лежал путь всякого, кто пытался поймать ускользающее сознание, пока душа не оказалась в Нижнем Лабиринте, из которого не было пути назад ни для кого, кто рискнул шагнуть во владения Хозяйки Закатного Замка.

– Ты жив, – усмехнулась притаившаяся за его плечом Тень. – Хотя Лорвин был прав – без постороннего вмешательства мальчишка занял бы твое тело, оставив тебя вечно бродить здесь. Дурная наследственность. Его предок также любил занимать чужие тела.

– Его предок... Лорвин? – Орлис пытался понять, о чем ему хочет сообщить бархатный голос.

– О нет, Лорвин не опускался до представителей людской расы, – хмыкнула... девушка. И прошла сквозь него, сковывая потусторонним холодом все его тело. Определенно, если удастся выбраться – без вмешательства целителя будет не обойтись. – Ты бы вернулся сначала, а потом уже загадывал.

Мужчина недовольно поморщился. Впрочем, скрыть свои мысли от обитателей Верхнего Лабиринта едва ли было возможно, а если принять за аксиому, что вытаскившая его со дна чужой личности собеседница – Тень...

– Я – не Тень, – донеслось до него раздраженное. Девушка обернулась, давая Орлису возможность разглядеть ее лицо, и тот вздрогнул, узнавая новую знакомую, ученицу коллеги, заявившую, что пойдет с ним. – Я – Ани.

– Ваше...

– Достаточно, – оборвала его девушка, в мгновение ока оказываясь на расстоянии вытянутой руки. Ее пальцы коснулись губ мужчины, не давая ему продолжить. – Делай свою работу, а я не дам тебе остаться здесь. И ему, если мальчишка еще жизнеспособен.

– Он выживет, если вы позволите, – сказал Орлис. Усталость, навалившаяся на него после контакта, была лучшим доказательством его слов.

– Вот и решим. – Ани отступила на шаг, отворачиваясь и нетерпеливо перебирая пальцами. – Лорвин, – позвала она полуэльфа, и тот не замедлил явиться, – где бродит Фьер? Не хочу тратить время на его поиски, мой менталист и так готов верить мне душу.

– Там. – Взгляд полуэльфа вперился в уходящие вдаль ступени. Молочный туман скрывал пространство за ними. Орлис сглотнул: за всю его практику ему не доводилось подниматься по этой лестнице, даже блуждающее сознание архимагов преподносило меньше сюрпризов.

– Идем, – кивнула Ани, жестом отпуская слугу. – Все-таки удачно я пошла с тобой, – хмыкнула девушка, едва ли не буквально затаскивая его вверх по ступеням. Она словно бы не чувствовала, что с каждым шагом вверх, воздух становится все тяжелее – еще немного, и ему будет нечем дышать...

– Здесь не нужно дышать, – хмыкнула Ани, плотнее сжимая его запястье. – Но если отпущу – ты исчезнешь.

– Упаду вниз? – Орлис посмотрел вниз, но, кроме тумана, ничего не увидел.

– Нет, – девушка покачала головой, спускаясь вниз на ступеньку. Туда, где стоял Орлис. – Именно исчезнешь. Нужно время, чтобы это место перестало отравлять наш мир, но пока жив хоть один его потомок, руины дворца Арлагэ не осыпятся прахом. А жаль.

– Никогда не слышал о таком, – проговорил Орлис, отмечая, что чем ближе он стоит к своей спутнице, тем легче ему дышать. Даже давление ослабло, больше не норовя сбросить его в туман.

– И не услышишь, – улыбнулась Ани. – Хозяина этих мест более не существует, но его творения будут существовать, пока не исполнят свою роль до конца. Божественную волю нелегко перечеркнуть, порой

– невозможно. – Она задумчиво посмотрела вверх. – Идем, путь неблизкий, и мне не дано сократить его.

– Разве это не Верхний Лабиринт?

– Не совсем, – качнула головой Ани. – Верхний Лабиринт, Лабиринты Аскольда с Закатным Замком, Чертоги Светлейшего, распутный город Ар-Теги – творение Каалисы, руины Арлагэ... Все это отражения вашей реальности, осколки древних и новых представлений о нас и нашем мире. Путь к ним лежит через границу, но в каком месте ее пересекать и куда идти – зависит только от людей.

– А вернется ли путник домой – от богов, – с печальной иронией закончил Орлис.

– За все нужно платить, – не смутилась Ани. – Любопытство – вообще самый дорогой порок смертных.

Она улыбнулась и потащила его наверх. Правда, теперь маг старался не отставать, чтобы вновь не почувствовать отступившее было давление.

Ступеньки кончились неожиданно, и так же внезапно окружающая их действительность изменилась. Исчез туман: лестницу окружала твердая на вид, рыжая земля с несколькими кустиками пожухлой растительности. Им определенно не хватало воды, а вот солнца было в избытке.

Орлис стер со лба каплю пота, сощурился, пытаясь спасти глаза от лучей стоявшего в зените светила, и проследил за отпустившей его руку Ани. Девушка с интересом оглядывалась, будто была здесь впервые.

– Совсем нет. – Она обернулась и отрицательно качнула головой. – Но раньше здесь пекло сильнее, а растительности не было вовсе. Только пыль, мрамор и солнце. А сейчас, – она усмехнулась, – довольно живенько. Фьер, ты тут? – позвала Ани, но ответа не получила. – Реальность наших миров подчиняется более сильному. Пока здесь был только мальчишка – по праву крови он мог влиять на это место, но раз уж мы решили заглянуть...

Ани прикрыла глаза, нахмурилась, о чем-то напряженно думая, и Орлис хотел было уточнить, можно ли ему сойти с последней ступеньки лестницы, как мир начал меняться. Потемнела земля, в считанные мгновения превращаясь из бесплодной пустыни в оазис.

Выстрелили побеги, выстилая зеленым ковром весь окружающий мир. Поднявшийся ветер сдул пыль с видневшихся невдалеке руин.

– Идем, – позвала девушка, срывая одинокую розу, пробившуюся через плотный ковер травы. Вдохнула аромат и хмыкнула: – Было бы странно, если бы здешний мир подчинился абсолютно.

– Ваше Темнейшество? – рискнул полюбопытствовать Орлис, за что ему под нос сунули розу. Мужчина принялся, но ничего не ощутил. Красивый цветок не обладал и сотой долей аромата своих мирских товарищей.

– Пока здесь Фьер, это отражение не подчиняется мне полностью. Я не могу ни разрушить его, ни присоединить к своим владениям, ни изменить полностью по своему желанию. В Лабиринтах запах роз порой удушающе крепок, здесь же его нет вовсе. Фьер? – вновь позвала Ани, но теперь ее голос звучал отовсюду, словно сами алые небеса разразились звуком. – Ты должен покинуть это место.

– Нет... – шелест ветра донес отголоски чужой воли. Ани втянула воздух, будто не она только что заявляла о его полной стерильности, и целеустремленно зашагала в противоположную от руин дворца сторону.

– Оставайся здесь, – приказала девушка поспешившему было за ней магу. – Я еще не решила, чем закончится этот день для него. Не хотелось бы зацепить и тебя.

– Но если он умрет прежде, чем мы выберемся отсюда...

– Рядом со мной нельзя умереть, если я того не желаю, – напомнила Ани. – Я верну тебя в твою реальность, но сейчас ты должен остаться здесь и ждать. И, – она фыркнула, – не проявлять любопытства, пусть это и твоя основная работа.

И девушка развернулась на каблуках, теряя к нему интерес. Орлис не решился следовать за ней, так и остался на лестнице, присев на последнюю ступеньку.

Фьер знал, что она придет за ним. С той самой минуты, как впервые увидел темно-русую макушку где-то в холле и на миг поймал ее равнодушно скользящий по окружающим взгляд. Нет, он никогда не видел ее прежде, но узнал в тот же миг. От охватившего его гнева он едва не выдал тогда свое присутствие, но он не шел ни в какое сравнение с обуявшим его после страхом. Когда пришло осознание, кого именно он увидел в академии. Ани-Арли, Хозяйка Закатного

Замка, что окружен великим Лабиринтом мертвого короля. Подруга, убийца, палач...

Он ненавидел ее и боялся, считал минуты до встречи и искал причины для отсрочки. Даже указал на нее Антиру, надеясь хоть так изменить свое будущее. Но оно не менялось. Сына герцога сослали, его несостоявшуюся невесту убрали из академии, а воплощение его врага осталось.

Фьер не мог спать. Даже зелья не помогли ему избавиться от наваждения. Он раз от раза видел, как она, не похожая на нынешнюю себя, предает его, обрекая на заточение, улыбается ему прямо в лицо, когда последний отголосок силы оставляет его, а порой просто стоит и смотрит, как все его тело сотрясается в агонии, навсегда отторгая душу.

Он успел смириться, что видения станут явью, когда он встретится со своим кошмаром воочию, но ничего не произошло. Она улыбалась ему, задумчиво хмурила брови, заставила поступиться репутацией неуязвимого Фьера, а после вынудила пригласить ее на свидание. Не на дуэль, а на ужин в городе. Правда, именно тогда разум его померк, и он оказался в этом скорбном месте.

– Разве я разрешала моему спутнику сбегать со свидания? – Насмешливый голос вклинился в его размышления.

– Если бы я мог – я бы остался, – серьезно заметил юноша, не отрывая взгляда от проходящих по колоссящему полю волн.

– Что последнее ты помнишь? – Ани села прямо на траву, обняла колени, устраивая на них подбородок. Как и Фьер, она смотрела на разросшееся поле, чьи границы все отодвигались, поглощая бывшую пустыню.

– Я не успел вам ответить. Я боялся не на занятии, я боялся до него, пока каждую ночь видел смерть.

– Свою? – Ани проигнорировала переход собеседника на уважительное обращение.

– Мне казалось, что да. Из раза в раз, всего три сцены, каждая из которых заканчивалась концом того, кем я себя считал в тот момент.

– Но сейчас ты – не они? – с напускным равнодушием уточнила Ани.

– Нет. – Фьер покачал головой и перевел взгляд на собеседницу. – С тех пор как я оказался здесь, видения меня оставили. И, глядя на вас,

я не переживаю свою смерть снова и снова.

– Но лишь пока ты здесь... – протянула девушка и заметила: – Ты почти что умер там. Я могла тебя убить.

– Но не стали? – Слабая улыбка коснулась губ юноши.

– Нет, просто ты выжил, когда я избавлялась от паразита, захватившего твое сознание. Редкая тварь. Чтобы подцепить такую, нужно покинуть границы империи. Ты их покидал?

Фьер молчал. Он слышал вопрос, но ответ на него не должен был сорваться с его уст. Вот только...

– Да.

Тихое признание обреченного повисло в воздухе. И пусть император не выпускал указа, запрещающего отправляться дальше за острова Надежды, все в империи знали, что боги не одобряют подобного, что там, на островах, заканчивается мир людей и начинается... Что лежит по ту сторону, никому из имперцев не позволено было узнать, вот только Фьер знал, что скрывается по ту сторону барьера. К сожалению или к счастью, для потомка одного из богов, преграда была проходима.

Ани кивнула, принимая ответ, поднялась и с сожалением заметила:

– Ты мог бы соврать.

– Вам? – Фьер встал на ноги. – Разве вам можно врать?

– Многие пытаются, – пожала плечами Ани, протягивая юноше руку. Тот вздрогнул. Как бы он ни старался скрыть свой страх, но он боялся этого простого жеста.

– Мне нет места в мире живых?

– Светлейший хочет твоей смерти.

– А вы?

Глупая надежда встрепенулась в душе Фьера, когда девушка напротив покачала головой.

– Ты все равно придешь ко мне. Рано или поздно. Когда тебе наскучит это место и одиночество станет худшим исходом, ты попросишь проводить тебя к Замку.

– И вы окажете мне эту честь?

– Если желаешь, – хмыкнула Ани. – Но я не лучший спутник в этом пути.

– Разве кто-то может быть лучше вас?

– Может, – тихо призналась девушка и, развернувшись, быстрым шагом начала удаляться.

– Вы оставите меня здесь? – Крик Фьера заставил Ани замедлиться, но она не стала оборачиваться и отвечать. Пусть он не взял ее за руку, выражая свое добровольное согласие, если он побежит за ней – этого будет довольно. А он побежал. Все бегут, не понимая, что тем самым приближают исход, и мир вокруг начал разрушаться.

«Действительно последний», – удовлетворенно отметила Ани.

Земля вокруг пошла трещинами, пугая непривыкшего к этому миру юношу и заставляя того бежать еще быстрее, ускоряя и процесс разрушения. К тому моменту, как они оказались у лестницы, мир вокруг напоминал шахматную доску, только вместо белых клеток был туман, а вместо черных – кочки, повисшие в воздухе.

– Спускаемся, – приказала Ани замершему в нерешительности Орлису. – Здесь больше никого не осталось.

Маг кивнул, про себя отмечая появление пациента за спиной Хозяйки Замка, и отвел глаза. Он не питал иллюзий, понимая, что вряд ли их спутнику суждено вернуться в реальный мир. Как и ему самому.

– У тебя есть шансы, – хмыкнула Ани, ни к кому конкретно не обращаясь. Фьер за ее спиной позволил себе слабую, недоверчивую улыбку, но, перехватив предупреждающий взгляд менталиста, вздрогнул и поник.

Они спускались в молчании. Больше ничто не давило на Орлиса, а потому никто не держал его за руку. Он шел первым, спиной чувствуя тревогу замыкавшего процессию юноши.

Лестница кончилась внезапно. Неожиданно быстро. Орлис ожидал долгого спуска, как то было с подъемом, но прошла буквально пара минут – и они оказались на твердой земле, на пересечении трех дорог.

Ани хмыкнула и села на камень на распутье, закрывая собой полустершуюся надпись.

– Она не для вас, – пояснила девушка. – Как бы вы ни разгадали загадку, конец пути будет всегда одинаков.

– Ваш Замок?

– Верно, – кивнула Хозяйка. – Но принцип свободы воли соблюден. Выбор был дан и... сделан.

– И другого пути нет? – Фьер обернулся, но последние ступеньки лестницы рассыпались прахом.

– Уже нет, – подтвердила Ани. – Моя воля сильнее ваших, потому дорога привела нас сюда. На распутье.

– Но ведь итог лишь один? – напомнил Фьер. Он был бледен настолько, что мог бы посоревноваться в этом с самой Хозяйкой.

– Один, – охотно подтвердила девушка. – И пути назад нет. Не нужно было бежать за мной. Там, – она кивнула наверх, – ты мог остаться навечно.

– А если я не хочу вечного одиночества?

– Тогда добро пожаловать в мой Замок. – Ани поднялась и указала на крайнюю дорогу. – Самая короткая и безопасная.

Орлис хотел было вмешаться в разговор, но его тело словно закаменело, а Ани наградила его долгим предупреждающим взглядом.

– Вы проводите меня?

Хозяйка Замка отрицательно покачала головой.

Фьер отвернулся. В его душе роились сомнения. Он отказывался верить, что эти двое – последнее, что он увидит в своей жизни, что больше никогда не вернется на острова и не заглянет по ту сторону барьера, но часть его уже приняла печальный исход.

– Иди, пока не передумал. – Ани заступила ему за спину и легонько подтолкнула вперед. Она чувствовала странную горечь, но не могла объяснить, где прячется ее источник. – Иди же!

Ее голос дрогнул, почти сорвался, но Фьер, слишком погруженный в свои страхи и надежды, сделал первый шаг к Замку. Бросившийся за ним Орлис был остановлен твердой рукой своей спутницы, упершейся прямо в его грудь. Девушка отрицательно покачала головой.

– Это его путь. Не твой, – пояснила она, когда фигура последнего потомка Ар-Шета перестала напоминать человеческую.

– Но вы сказали, что каждая из дорог ведет в Замок.

– Все верно. – Во взгляде девушки появилась тоска. – Но разве я говорила, что кто-то должен ступить на этот путь немедленно? Но он это выбрал. Сам, – зло напомнила скорее себе, чем ему, Ани. – Мог отказаться идти, мог остаться в Арлагэ, но бросился в погоню за смертью и пошел ей навстречу. Сам. – Она повернулась к Орлису, прикрыла глаза, словно беря себя в руки, и хмыкнула: – Идем, больше

нам здесь делать нечего. Менталист не нужен покойнику, а его память сама пришла ко мне.

– Вам его жаль? – Орлис прикусил язык, но было уже поздно.

Ани остановилась. Закусила губу, размышляя, и – покачала головой.

– Теперь уже нет. Не стоит жалеть о том, что больше не в силах изменить.

– Но разве вы не в силах?.. – Менталист не договорил, но продолжение и не требовалось.

– Вернуть его? – Ани усмехнулась. – Нет, как и забрать в Замок против воли. Мальчишка – потомок бога. Его место не среди слуг в Закатном Замке и не на тропинках Лабиринта. Арлагэ должен был стать его пристанищем. И стал. Выволочь его оттуда силой я бы не смогла, как и любая из моих Теней. Или ты. Там он был полностью защищен.

– Но он этого не знал.

– Разумеется. Впрочем, – во взгляде Ани вновь всколыхнулась тоска, – его выбор нельзя осуждать. Вечность оставаться одному – не худшая ли это кара?

– Но ведь должны были быть и другие? Его родители? Не мог же он появиться на свет, не имея их?

– Не мог, но их души принадлежали Ар-Шету, и он мог пить их в обход всех ограничений. И выпил, иначе бы мы наблюдали воссоединение нескольких поколений семьи.

– Мне тоже не суждено вернуться? – задал, пожалуй, самый волнующий его вопрос Орлис. Пусть ему и было жаль ушедшего мальчишку, своя жизнь представлялась большей ценностью.

– Отчего нет? – удивилась Ани. – Ты здоров, ты обычный человек и не представляешь никакой угрозы для пантеона. Из-за тебя не придется ругаться с Карающим Светом. Ты ничтожен и безопасен, так зачем обрывать твою жизнь?

– Вы сказали мне так много...

– Но разве ты это запомнишь?

Орлис с облегчением выдохнул. Память – ничтожная цена за возможность вернуться.

Когда у Фьера остановилось сердце, магистр Маленвер лишь поморщился. Чуда не произошло. Как бы ни были снисходительны боги, свою безопасность они ценили превыше всего. Безопасность и власть – те две составляющие, что казались частью одного целого. Нерушимого союза, где одно цеплялось за другое. Потому и все правящие династии вели свое начало от кого-то из богов, обеспечивая сохранность культа на долгие века и пользуясь силой предка, чтобы удержаться в минуты испытаний. Едва ли где-то в их мире было иначе, но магистр отдал бы многое, чтобы это увидеть.

Пока же... он ждал, напряженно всматриваясь в лицо давнего соперника и друга. Сорвется ли с его губ последний протяжный стон, померкнет ли разум, или дрогнут ресницы, возвещая о скором возвращении в сознание?

– Он жив, – раздраженно сообщила Ани. Маленвер чувствовал, как кожа под его пальцами начинает теплеть. – Но не помнит события предыдущих суток. Соври ему что-нибудь, у меня нет желания придумывать отговорки для смертного. Например, – девушка нахмурилась, вспоминая одну из лекций, – что это ты стер его воспоминания, чтобы сохранить жизнь и разум. Менталист, прошедший через смерть пациента, и сам не жилец.

– Фьер?..

– Он сам выбрал свою дорогу. – Голос Ани был больше похож на рык. Она вскочила на ноги, но не для того, чтобы смерить собеседника презрительным или угрожающим взглядом. Напротив, девушка избегала смотреть в сторону магистра, будто... чувствовала вину? – Он сам выбрал свой путь. Своим страхом, отчаянием, а до того – безрассудством. Сам, – очень тихо повторяла Ани. – Он все сделал сам.

– Но вы его подтолкнули? – предположил магистр... и на миг встретился взглядом с собеседницей. Такой дикой ярости ему еще не доводилось видеть, как и того, как быстро гаснет жажда мщения, словно залитый водой костер.

– Да, – тихо призналась девушка. – Я подтолкнула его к Замку. А тебя мне даже толкать не придется.

Они смотрели друг на друга. Глаза в глаза. На губах девушки появилась дикая, предвкушающая улыбка, как перед охотой на желанную дичь. Черты лица заострились. Она склонила голову набок, улыбаясь и не сводя с магистра лукавого, полного азарта взгляда. Еще

чуть-чуть – и бросится. Одним плавным движением избежит от рискнувшего вызвать ее неудовольствие человека. Обычного человека, кто должен бояться и трепетать, а не бросать ей больно ранящие слова. Еще одно – и она навсегда закроет его рот.

Магистр чувствовал, как утекает сквозь пальцы отпущенное ему время. Минуты, секунды – сколько еще ему осталось? Он смотрел в лицо своей собеседницы и понимал, как близко подошел к черте. Заигрался, обманулся, начал принимать ее больше за человека, чем за проявление стихийной мощи, обделенной состраданием. Но кто бы не обманулся, раз за разом обращаясь к ее снисхождению и получая его? Раз за разом, но не сейчас. Он чувствовал это, видел, как изменилась пластика тела стоявшего перед ним воплощения. Больше не человек – зверь в человеческом теле. Еще немного, и черты начнут плавиться, меняя облик Хозяйки Замка с человеческого на животный. Тот архаический образ, что еще можно было найти на руинах древних святилищ.

– Мал? – Тихий голос изможденного Орлиса рассеял висевшее в комнате напряжение.

Ани вздрогнула, встрепенулась и торопливо вышла, пока та ее часть, что жаждала избавиться от источника боли, вновь не обрела необходимые силы. Она не видела долгого, испытующего взгляда, каким провожал ее магистр, но это и к лучшему. В тот момент она была как никогда близка к тому, чтобы развернуться и закончить начатое.

– Мал, что... – Орлис закашлялся, будто успел простыть за тот час, что отсутствовал в реальности, – произошло?

– Твой пациент умер, – коротко ответил магистр, качнул головой и сел рядом с другом. – Полежи, я распорядюсь, чтобы тело убрали. Ты совсем ничего не помнишь?

– Нет, но, видимо, оно и к лучшему. – Менталист слабо улыбнулся. – Боюсь, иначе я не смог бы очнуться.

– Не смог бы... – тихо повторил магистр и, оставив друга на пять минут, вернулся уже полностью готовым лгать ему в лицо, если придется.

Ответ 4. Любовь

Исчезновение Фьера не вызвало ни мрачных слухов, ни даже перешептываний, словно бы такого адепта и вовсе никогда не существовало. В пару к Ани попал Адриан Крее, смешной светлый мальчишка с такой длинной челкой, что разглядеть за ней лицо не представлялось возможным. Разве что подкараулить в коридоре – на занятиях он был слишком сосредоточен, и пусть и был плохим атакующим магом, но в щитах разбирался едва ли не лучше всех на потоке. Вероятно, именно поэтому им и рискнули заменить Фьера.

– Мне кажется, ты не бьешь в полную силу, – заметил после второго поединка юноша, провожая Ани в общежитие. – И это даже обидно.

– Не хочу тебя поранить, – призналась девушка, не глядя на своего спутника.

– Я справлюсь! – пообещал Адриан, подув вверх, отчего челка брызнула в стороны, открывая курносый нос на всеобщее обозрение. Ани скосила взгляд и не удержалась от фырканья.

– Едва ли, – честно призналась она, отворачиваясь и ускоряясь, но Адриан и не думал отставать.

– Я хочу потренироваться.

– Не со мной.

– А с кем тогда? – Скрестив руки на груди, Адриан заступил ей дорогу. – Темных не так много, и раз уж мне выпала такая возможность... Ну хочешь, я за тебя домашку сделаю? Или в Призрачную гавань свожу? Там интересно, а магистр все медлит...

– Сегодня после ужина идем, – заметила Ани. – А домашнее задание я и сама могу сделать. Не стоит тратить свое время.

– Но я готов помогать, если ты поможешь мне, – упирался юноша.

– И тебя не волнует, что уже трое твоих однокурсников покинули академию по моей вине?

– Аварлен и Ларзан сами виноваты, а Фьеру пришлось вернуться домой. Твоей вины в этом нет, – убежденно заявил Адриан, Ани только хмыкнула. Да уж, магистр принял меры. Не в силах избавиться от ее присутствия, он «отправил домой» Фьера. Понятная и обыденная

причина. Разве что малочисленные приятели обиделись: их дорогой друг уехал, не попрощавшись, но тут уж боги рассудят.

– Вот как, – проговорила Ани, когда пауза затянулась, а Адриан продолжал выжидающе на нее смотреть. – Пока у меня нет на тебя времени, так что найди кого-то еще или, – Хозяйка Замка почувствовала приближение Доминики, – обратись к Доминике. Она не откажет.

Адриан нахмурился.

– Я тебе противен? – тихо, чтобы больше никто не слышал, спросил юноша. Его не в первый раз отвергали, но он продолжал надеяться.

– Нет, – равнодушно ответила Ани и позвала: – Доминика.

Слуга вздрогнула, нашла взглядом госпожу с ее спутником и быстрым шагом направилась в их сторону. Приветливо кивнула Адриану, не оставлявшему попыток напроситься на дополнительные занятия с Хозяйкой, и выжидающе посмотрела на Ани.

– Адриан очень хочет потренироваться с тобой, – резко, не терпящим возражений голосом сказала Ани. – Договоритесь, когда каждому из вас будет удобно.

Ани развернулась на каблуках и быстрым шагом направилась к общежитию. Не оглядываясь и не интересуясь, что подумали о ней поставленные перед фактом люди.

– Но... – Адриан попытался было броситься за напарницей, но Доминика перехватила его за запястье.

– Это бесполезно, смирись, – сочувственно заметила девушка и уточнила: – Так когда ты хочешь попрактиковаться?

– А ты разве этого хочешь? – Взгляд Адриана был полон недоумения, но теперь он смотрел прямо на собеседницу.

– Очень, – охотно заверила его Доминика. Вот только глаза у нее были уставшие, но в глаза Адриан не смотрел, не веря своему счастью.

Ани сидела на полу в их комнате и задумчиво смотрела на академический парк. Одинокие листья, невинные жертвы холодных ночей, лежали на траве. Красивые и мертвые. Их собирали в букеты и ставили в пустые вазы, будто самого факта неизбежной гибели было мало, чтобы оставить их в покое.

– Мы договорились на завтра. – Доминика вошла в их комнату и сбросила на пол туго набитую сумку. – Ани?

– Ты можешь ему отказать, – равнодушно заметила Ани, не меняя позы.

– Разве вы не хотели, чтобы я согласилась? – Девушка подхватила с кровати Ани обе подушки, подошла к эркеру, на полу которого обосновалась госпожа, и протянула одну из них хозяйке, на вторую села сама.

– Нет и да, – Ани пересела на подушку. Доминика молчала, ожидая продолжения. – Он надоел мне своими просьбами. Глупый, ведь стоит мне отвлечься, и он пострадает. Пусть не умрет, но приятного мало быть узником никчемного тела. – Ани покосилась на собеседницу. – Темное пламя всегда оставляет следы. Особенно на светлых. Как и их свет прожигает вашу ауру. Тело может не пострадать, но дару, разошедшемуся на лоскутки, не будет от этого легче. И ни один светлый целитель не соберет, лишь хуже сделает. А среди темных целителей нет.

– Я учту это. – Доминика нерешительно положила свою ладонь на сжатые в кулак пальцы собеседницы. – Я не знаю, что вас гложет, но... ведь иного выхода не было?

– Был, – тихо отозвалась Ани, заставляя Доминику замолчать. Она могла бы попробовать убедить госпожу в обратном, но только если бы Хозяйка сама готова была обмануться.

Торопливо покидали общежитие старшекурсники, опаздывавшие в столовую. Заливисто смеялись, подбрасывая вверх ворохи листьев, первокурсники. Холодный ветер трепал их не прикрытые шапкой волосы, но не мог испортить хорошего настроения. Пусть и не конец учебной недели – но практические занятия остались позади, а потому ничто не мешало шуршать листьями и пытаться уронить в них соседа.

– Сегодня мы идем в гавань, – после продолжительного молчания напомнила Ани.

– Сразу после ужина, – подтвердила Доминика. – Правда, Марк и остальные решили не налегать на еду, чтобы не опозориться в случае чего.

– Предусмотрительно, – хмыкнула Ани. – И ты тоже откажешься от еды?

– Если вы посчитаете нужным.

– Не думаю, что после Замка они смогут тебя испугать. Карбина ты видела, его питомцев тоже. Часть из них перебралась в гавань. А призраки... действительно опасных среди них нет. Те души просто не хотят уходить, не стоит их бояться и обижать.

– Я учту, – пообещала Доминика, пытаясь заглянуть в темные глаза собеседницы, но и в этом терпя неудачу.

– Я ценю твои попытки, – холодным, лишенным всяких эмоций голосом сказала Ани. И это была чистая правда. Та, верить в которую не хотелось и самой Хозяйке Замка, уже единожды отвергнутой своей собственной слугой.

Доминика вздрогнула. Неверяще посмотрела на Ани, глубоко вдохнула, словно перед прыжком с обрыва в воду, и призналась:

– Те слова... я не должна была говорить вам такое.

– Но это правда, – невесело усмехнулась Ани. – И ты, и Маленвер, а теперь и Мор... Вы – люди, а мне никогда не стать человеком. Что бы ни случилось. Никому из нас не стоит заблуждаться. Это опасно для ваших жизней. Даже забавно: люди мечтают стать богами, боги хотят быть людьми.

Доминика промолчала, сжала зубы, чтобы не сказать чего-то лишнего, и кивнула, принимая откровения госпожи. Ани покачала головой, оценив мнимую покорность слуги.

– Я не беру своих подарков назад, а потому всегда буду присматривать за твоей судьбой. Даже если ты меня очень разочаруешь.

– Я не...

– Не нужно, – прервала ее Ани. – Клятвы излишни. Твои поступки говорят за тебя.

– Они говорят за любого из нас. – Доминика позволила себе улыбнуться, когда Ани недовольно поморщилась и отвернулась, поднявшись на ноги.

– Тебе есть чем заняться и без меня, – бросила Хозяйка Замка и торопливо вышла из комнаты в общую гостиную, а после оказалась в коридоре. Доминика проводила ее грустным взглядом. Возможно, она заблуждается, пытаясь очеловечить свою госпожу, и вскоре ей предстоит разочароваться, но не замечать изменений в ее эмоциональной палитре было сложно. И если бы не темные оттенки, преобладавшие в ней сейчас, Доминика была бы счастлива.

Смех доносился из соседнего блока, еще дальше ее высочество Аэртани корпела над докладом, и Ани решила не набиваться в гости. Поморщилась от осознания того, что не хочет мешать простым смертным и... пошла на лестницу.

Парк встретил ее холодным, пронзительным ветром. К вечеру он должен был утихнуть, оставляя после себя кристально чистый воздух и оцепеневшие деревья, чьи хрупкие листья падали на землю от любого неосторожного касания. Но пока держались, прикрывая посетителей парка от лучей не греющего, как раньше, солнца.

Ани медленно шла по аллее, шурша опавшими листьями. Они уже начали преть, и специфический запах осени всюю витал над дорожками парка.

– Не уделите мне пару минут? – Знакомый голос магистра Арканта вырвал Ани из созерцания мертвых листьев. Она рассеянно перевела взгляд на новоявленного спутника, вздернула бровь, давая понять, что внимает его речам, и тут же отвернулась. – Ректор поручил мне уладить формальности.

– Какие?

– Адепт Анти больше не вернется в академию? – уточнил магистр.

Ани порывисто обернулась и, смерив его раздраженным взглядом, спросила:

– А разве у вас есть причины сомневаться?

– У меня – есть, – спокойно вынес ее взгляд темный. – Одна причина, с которой я успел попрощаться.

– Но не смогли отпустить, – хмыкнула Ани, прекрасно понимая намеки. – Вот только ваш друг не представлял интереса ни для кого, кроме меня. А Фьер получил слишком много врагов, чтобы и дальше ходить по этой земле.

– А у меня много врагов? – неожиданно сменил тему магистр, прищурив зеленые глаза.

– Главным образом – вы сами, магистр, – усмехнулась Хозяйка Замка. – И других вам не нужно.

– Польщен высокой оценкой. – Аркант обозначил легкий поклон. – Но смею ли я...

– Об этом известно только вам, – оборвала Ани и нахмурилась. – Отчего мне кажется, что бедняга Фьер – лишь повод завязать со мной

разговор?

– Вероятно, оттого что это чистая правда, а вам не откажешь в наблюдательности, – не стал спорить магистр. – Могу ли я рассчитывать на ваше снисхождение и ответы и на иные мои вопросы?

– Нет, – Ани ехидно усмехнулась и позволила: – Но спрашивайте. Мне любопытно, о чем вы рискнете спросить.

– Я хотел бы пригласить вас на ужин, – признался Аркант. На его лице не дрогнула ни одна мышца, словно разбрасываться подобными приглашениями было для мужчины в порядке вещей.

Ани наградила его полным задумчивости взглядом, но магистр не отвернулся, в тщетной попытке укрыться от ее внимания.

– Зачем вам это? – наконец устало спросила Хозяйка Замка. – Вы не дурак и вряд ли надеетесь, как тот мальчишка, обаять меня.

– Все верно, мой интерес сугубо меркантильный.

– И вы даже не скрываете этого. – Ани покачала головой.

– Как можно, – притворно удивился магистр.

– И чего вы хотите?

Воздух вокруг них ощутимо похолодел, а черты лица Ани заострились, давая понять, что «игра в адептку» отступила на второй план. Подобрался и сам магистр, но решительности не утратил.

– Вашего снисхождения и покровительства. Неприятно, знаете ли, чувствовать себя паразитом-нахлебником.

– Не замечала за вами особых мук, – усмехнулась Ани.

– Сожалею, что не смог удовлетворить вас на этом поприще, моя госпожа. – Аркант говорил серьезно, без тени насмешки, но Ани чувствовала, что даже сейчас маг испытывает ее терпение на прочность. Он словно не мог не ходить по грани, что бы ни стояло на кону. Просто не мог, и даже со смертью заигрывал, словно то был лишь морок.

– У вас остались иные аргументы?

– Только один, но я не рискну его использовать до тех пор, пока не буду уверен, что пришло время последнего средства, – с улыбкой заметил Аркант, глядя куда-то поверх ее головы.

– Такова цена вашей дружбы? – Голос Ани был похож на детище шелеста листьев и шипения гадюки. Кожа побледнела, еще резче, словно до этого было мало, обозначились черты лица. Так, словно под кожей ничего не осталось, и она, подобно упаковочной бумаге,

обтянула коробку с подарком. Глаз не стало вовсе, но магистр даже не вздрогнул. В конце концов, нынешний облик Темнейшей не шел ни в какое сравнение с низшими обитателями Лабиринта, коих маг успел повидать больше сотни.

– А с чего вы решили, что речь идет именно о ней?

Ани видела в глазах мага насмешку. Откровенную, недопустимую, ту, за которую следовало мстить. Тьма начала сгущаться над парком, тучи заволокли небо, скрадывая солнечные лучи.

В кармане недовольно завозился Нем и, выпуская когти, полез вверх, желая мордочкой уткнуться хозяйке в подбородок.

– Аркант, может, хватит? – Раздраженный голос разбил напряженную тишину. Нем особенно ощутимо впился когтями, и Ани с сожалением поняла, что котенок впивается вовсе не в ее воплощение, чью боль она могла легко не замечать.

– Разумеется, – легко согласился маг, беря на себя ответственность за проявление тьмы в парке. Ани поморщилась, заставляя собственный гнев отступить, а с ним и сопутствующие эффекты. – Ваше лицо, – шепотом подсказал Аркант, частично закрывая собеседницу от друга. И громко, чтобы приближавшийся к ним Мортен слышал, заявил: – С нетерпением жду выходные. – И другу: – Идем, у меня мало времени, а ты едва ли удовлетворишься одним вопросом.

Полный тревоги взгляд Мора, которым он ее наградил, проходя мимо, заставил что-то внутри Ани болезненно сжаться. Не сердце – та мышца, что гоняла кровь по венам бесчувственной куклы, не могла болеть от съедавшей Ани тоски. Гнев, дать которому выход она так и не смогла, опасаясь задеть Морьена, медленно переходил в устойчивое раздражение. И хуже всего было то, что вместе с ним приходило и осознание: как бы Ани ни пыталась отгородиться от прошлого, как бы ни сторонилась бывшего слугу, его жизнь имела для нее значение. Иначе бы не разозлилась так на Арканта, нащупавшего ее слабое место.

– Неужели так это и оставишь?

Появление Каалиса было настолько закономерным, что Ани даже не поморщилась, услышав противный голос.

– Не лезь в мои дела.

– Они уже давно не только твои. – Он приобнял ее за плечи, но легко смирился, когда девушка сбросила его руку. – А я ведь предлагал.

– И я отказалась, – напомнила коллеге Ани. – Уходи, тебя стало слишком много в моей жизни.

– Ничего не могу поделать. – Мужчина развел руками, заставив колокольчики на браслетах звенеть. – И ты теперь тоже не можешь, – насмешливо заметил бог и, насвистывая, направился в сторону общежития. – Раз уж выпала возможность – сделаю подарок не только себе.

Они напоминали ей цыплят, сбившихся в кучу под крыльями матери-наседки. Да, возможно, рядом с магистром первокурсникам и следовало чувствовать себя более защищенными, но не в том случае, когда они окружили его и полностью лишили пространства для маневра. Видимо, и магу не понравилось такое скопление вокруг него, и порыв яростного ветра отодвинул всех, рискнувших подойти к магистру ближе чем на три шага, назад. Ани даже пришлось остановиться, чтобы однокурсники не задели лично ее, следующую последней в их немногочисленной, но шумной группе.

На знакомой Ани развилке темный остановился и, дождавшись, пока все окажутся рядом, огорошил:

– Дальше вы пойдете одни. – Он кивнул в сторону уходящей в никуда дорожки.

– Но... – начал было кто-то, но сдавленно охнул и замолчал. Группа внимала.

– Призрачная гавань – оплот не ушедших духов, призраков, если вам так будет понятно, но даже призрак при должном источнике способен влиять на материальный мир. – Магистр сделал паузу, словно давал возможность спросить о чем-то, но адепты лишь внимали. Удовлетворенно усмехнувшись, видимо, вспомнив о чем-то не таком достойном поведении, Аркант продолжил: – Я даю вам три задания, и выполнение каждого из них обязательно для получения допуска к экзамену в конце семестра. Первое: вы должны найти и описать всех жителей гавани. Особое внимание следует уделить времени смерти, ее обстоятельствам, причинам, по которым дух предпочел остаться в нашем мире, способности призрака влиять на материальный мир, а

также своим ощущениям от присутствия духа рядом с вами. Второе: с некоторых пор в гавани пополнилась коллекция монстров. Не беспокойтесь, они на удивление смирные для своих видов, поэтому вам следует воспользоваться этим подарком богов и изучить каждого из них: повадки, предпочтения, слабые места. Подчеркиваю – изучить, а не пытаться уничтожить. Все обитатели гавани находятся под покровительством академии. Они необходимы каждому из вас, чтобы в будущем не допустить роковой ошибки. – Адепты скорбно внимали. Уничтожить порой гораздо легче, чем изучить, а от них требовали именно второе. В то время как от монстров... Ани усмехнулась, понимая, что немного ослабит поводок для обитавших в гавани созданий, чтобы и они могли немного развлечься, если однокурсники не будут аккуратны. – Третье, – Аркант кивнул лично Ани, – к концу семестра я жду от каждого из вас две карты. Одну – карту гавани, где вы отметите места встречи с теми из монстров, что, по имеющимся у нас сведениям, встречаются и в Лабиринте. Вторая карта, соответственно, нарисованная лично вами карта Лабиринта, на которой вы должны отметить те виды существ, что встретятся вам здесь и в Лабиринте, когда на старших курсах вы начнете туда ходить.

– Но как, если мы там никогда не были? – не сдержался Калиус.

– Зато в вашем доступе есть размышления и зарисовки тех, кто был. Например, в библиотеке. Темные веками пересекают границу, чтобы расширять наши знания о мире за чертой. И прежде, чем вы впервые переступите порог наших миров, я должен убедиться, что вы не заблудитесь в самом начале и не встретитесь с тем, кого не сможете победить.

– Но если мы встретим Хозяйку Лабиринта? – шепотом спросил Куран у соседа, но ответил ему магистр.

– Значит, вам повезет, – уверенно сказал Аркант, глядя прямо на Ани. – Хозяйка Закатного Замка не худшее, что может вам встретиться по ту сторону границы. – Магистр тряхнул рукой, открывая взглядам ошарашенных слушателей новенькие механические часы, и сказал, ни к кому не обращаясь: – Гавань будет открыта для вас на закате – и закрыта для посещения с рассветом. Даже по выходным. Ваши работы должны быть сданы не позже последней учебной недели. Тот, кто не справится, покинет академию навсегда, – предупредил магистр. – Без дара. – Он выдержал паузу, наслаждаясь произведенным эффектом, и,

лишь когда на лицах практически всех адептов появилась предательская белизна, добавил: – А теперь, когда я вижу в ваших глазах жажду действия, идите. Чем глубже ночь – тем шире возможности обитателей границы.

И он исчез, шагнув на доступный для темных уровень границы, обошел замершую в нерешительности группу и остановился рядом с Ани, стоявшей обособленно и наблюдавшей за представлением с любопытством ценителя.

– Вам понравилось? – с интересом уточнил маг, наблюдая за подопечными и с удовлетворением отмечая, что никто не рванул в неизвестность.

– Ожидала большего, – из духа противоречия проговорила себе под нос Ани, не глядя на собеседника. – Вы же не собираетесь действительно оставлять их одних в первый раз?

– Они не одни, – хмыкнул маг. – Они с вами, а вы лучше меня сможете оградить их от излишних волнений.

– У меня есть и другие дела, – нахмурилась девушка, отмечая, что Марк пусть и самонадеянный глупец, но про защиту не забыл, и простейший темный щит, который их заставлял ставить магистр, окружил худое тело юноши.

– Уверен, так и есть, – отстраненно согласился Аркант, кивая собственным мыслям. – В таком случае не смею вас задерживать.

– Вы хотите, чтобы я ушла? – недоуменно вздернула брови девушка.

– Если у вас есть иные дела, кроме как наблюдать за неудачами ваших коллег. Первый визит в гавань редко обходится без забавных происшествий, о которых так приятно вспомнить магистрам и ненавистно ученикам. Наша отдушина холодными ночами, когда приходится читать их работы, – протянул магистр и довольно улыбнулся: Марк все же решился и первым шагнул в сторону, переносясь в гавань. – Пожалуй, и мне пора.

Ани проследила за уходящим магистром и тем, с какой решительностью последовали за Марком Калиус и Куран. Видимо, они не собирались уступать старосте ни в чем, и раз уж все равно придется встретиться с неизвестностью – так зачем откладывать?

– Ани?.. – позвала Доминика, дождавшись, пока на развилке останутся только они. Обе девушки уже были в гостях у призраков, и

торопиться просто не имело смысла. – Вы присоединитесь?

– Идем, – вздохнула девушка и шагнула вперед, оказываясь на полупрогнувшем причале. Кто-то уже успел его оценить, оставив между досок ботинок.

– Сюда, быстрее, – громким шепотом позвали Ани из-за брошенного на берегу бую. Там же были свалены и покрытые солью сундуки, гнилые поддоны, часть корабельной мебели... Кто-то определенно готовился перед «самоубийственным» рывком в стан врага. – Ани! – Голос Марка был куда громче и непривычно сердит. – Не стой на месте. Нам здесь не рады!

Девушка обернулась, придирчиво оглядела окрестности и, в отличие от основной группы, обнаружила старосту на ближайшем из кораблей. Он прятался за одной из бочек, которые во время ее визитов превращались в столы для карточных игр. Сейчас, разумеется, никто из посетителей играть не собирался.

Духи, которых Ани прекрасно видела на границе, о чем-то совещались, прежде чем явиться во всей своей красе. Конечно, темные могли заставить их проявиться насильно, но... не первый курс. Заметив появление желанной гостьи, призраки заулюлюкали, и Штрайк не удержался. Ночное небо гавани прочертил фейерверк, заставивший адептов рухнуть носом в песок, в пол и что у кого имелось под собой.

Ани с укоризной взглянула на призрака. А после заговорщицки улыбнулась и расставила руки, чтобы ее было удобнее похищать на флагман, с которого и вид был лучше, и никто не орал над ухом «Ложись!».

Толпа внезапно проявившихся и поплывших в их сторону призраков заставила первокурсников попятиться, не думая, кто и что находится у них за спинами. Гавань огласилась сдавленным писком, а после многозначительными восклицаниями, коими адепты сопровождали свое падение, запнувшись о коллег.

Ани устало вздохнула, и всю ее фигуру заволокло молочным туманом. Граница услужливо распахнулась перед Хозяйкой Замка, поклонился Штрайк, встречая госпожу на корабле, и тихонько, будто их могли услышать, спросил:

– Чего желаете, Хозяйка? Мы немножко заняты, но одно ваше слово – и они сами сбегут.

Ани фыркнула. Хотел ли призрак намекнуть, что ее вмешательство обратит магов в бегство, или же обитатели границы сами решат вопрос с поздними гостями, но вышло именно так.

– Сегодня даю вам полную свободу, – разрешила Ани, глядя, как Марк торопливо перебегает от бочки к сундуку, поднатужившись, открывает его и забирается внутрь. – Пусть почувствуют, чем чревато появление в обители призраков под полной луной.

Она прикрыла глаза, щедро делясь силой со всеми обитателями границы. Луна больше не проглядывала сквозь фигуры призраков. Склонившийся от хлынувшего потока Штрайк постучал костяшками пальцев по деревянному полу и с радостью первооткрывателя приветствовал раздавшийся стук. Море затрепетало от пришедших в движение морских монстров. На палубу упало одно из щупалец, поползло в сторону Ани, но остановилось, не смея прикоснуться к ботинку. Хозяйка Замка хмыкнула и наклонилась, кончиком пальца проводя по отростку. Корабль ощутимо качнуло: видимо, подобранный к нему монстр оценил ласку госпожи. Заскрипело сжимаемое в тиски дерево, треснул трюм, открывая доступ воде, и кораблю стоило бы пойти ко дну, но фрегат и не думал тонуть, оказываясь, как и большинство здешних обитателей, таким же призраком.

– Капитан связал свою душу со «Смертоносным», – шмыгнул носом Штрайк. – Хотел всегда быть со своим кораблем и не покинул его, даже когда тот потопили. Тело так и не нашли. Съели, наверное. – Ани промолчала, не став разубеждать собеседника. А тот продолжил: – Если налить ром на дощечку перед капитанской каютой, паруса начинают расправляться даже в безветренный день. Капита-а-ан...

Штрайк утер скользнувшую по щеке слезу и остолбенел, сам себе не веря.

– А? Как?

– Это ненадолго, – хмыкнула Ани. – Чем больше силы получает призрак, тем ближе он к своей человеческой природе и возможностям. Вас здесь впроголодь держали, как я посмотрю, раз вы ни разу не чувствовали себя «живыми». Но не стоит увлекаться. Когда я уйду, все вернется на круги своя. А иной путь получения силы – прямая дорога к развоплощению. Маги не простят смерти своих братьев, а от простых смертных столько силы вы не получите.

– Жаль, – Штрайк облизнул пересохшие губы. – Искушение такое большое...

– Карбин за вами присмотрит, – равнодушно заметила Ани, игнорируя враз посмурневшее лицо собеседника. – Вы здесь, чтобы пугать начинающих магов и показывать, на что способны обитатели границы. Но если кому-то надоело его существование, он всегда может позвать Теней. Вас проводят.

Где-то вдалеке протяжно завывали. Ани вздернула бровь, прислушиваясь к незнакомому вою, и уточнила:

– У вас пополнение? Карбин привел?

– Сами пришли, – хмуро пожаловался бывший каторжник. – Как силы прибавилось, так и окрестные хищники подтянулись. С добычей тут туго – три дня пути до ближайшей деревеньки, если не через портал идти, как адептов приводят, поэтому вся окрестная фауна давно либо вымерла, либо силой питаться научилась. Как духи какие.

– Вот как? – задумчиво проговорила Ани, глядя, как один из призраков решил пошутить и проявился ровно за спинами притихших адептов. Кашлянул пару раз, привлекая к себе внимание, расстроено подернул плечами, когда его проигнорировали, во все глаза следя за берегом, и положил руку на плечо соседу. Тот неохотно обернулся, желая сказать пару слов чересчур настойчивому товарищу по несчастью, и...

– Они здесь!!! – Вопль паренька, казалось, был слышен в каждой точке гавани. Даже вой стих, сменившись заинтересованным молчанием. Словно стая прислушивалась, желая поточнее определить источник и набить наконец-то пустые желудки.

Воплю вторили корабельные колокола, призывая всех обитателей действовать.

– Выжить должны все, – предупредила Ани, приглушая собственный слух и с интересом наблюдая, как Штрайк дает отмашку.

Рвануло знатно. На миг даже показалось, что ночь сменилась днем. Вопли адептов, обнаруживших, что призраков в гавани не один и не два, перемежались улюлюканьем приступивших к развлечениям местных обитателей, а Ани... Ани села на борт, спустив ноги с противоположной от палубы стороны, и зевнула.

Горящий осколок пролетел сквозь нее, но никто этого даже не заметил. Призраки развлекались, гоня по песку адептов, как хищник

свою добычу. От взрывов закладывало уши, небо озарялось яркими вспышками, внизу, на земле, кричали и плакали, не в силах взять себя в руки и заметить, что, кроме шума и вспышек, светопредставление ничего не несет. Собственно, и призраки под бдительным оком Хозяйки не опускались до членовредительства, просто с улюлюканьем носясь за приглянувшимся адептом, пока тот не падал без сил, смиряясь с неизбежным. Тогда толпа теряла к нему интерес и бросалась на поиски новой, успевшей отдохнуть жертвы.

– Вам скучно? – пользуясь тем, что Ани осталась в одиночестве, на палубу забрался магистр.

Разумеется, если бы она ушла на глубокие слои границы, он не смог бы ее отыскать, но она не пряталась. Пожала плечами, возвращаясь в обычный мир, и, зацепившись пальцами за бортик, чуть откинулась назад, подставляя лицо лунному свету и редким брызгам. Отчего-то адепты, даже в панике носясь по пляжу, не рисковали забегать в воду, словно чувствовали, что там их тоже ждут для организации незабываемого ночного купания в теплой воде.

– Да, – тихо призналась Ани, когда повисло молчание. Крики не в счет, она слишком привыкла к ним в Замке. Под курткой завозился Нем, будто среагировав на ее признание, высунул мордочку, подставляя шейку под ласку, и недовольно ощерился, когда темный уселся рядом, закинув ногу на ногу, словно не боялся упасть в воду.

– Я ему не нравлюсь, – заметил маг, и не думая отодвигаться.

– Вы никому не нравитесь, – отрезала Ани, раздражаясь. – Едва ли найдется кто-то, кто захочет терпеть вас рядом с собой больше необходимого.

– Вы так в меня не верите? – притворно оскорбился Аркант.

– А разве вам нужна чья-то вера? – девушка усмехнулась, но улыбка ее быстро померкла. – Вам достаточно верить в себя, чтобы добиться своей цели.

– А вам?..

Ани повернулась к нему. Ее лицо больше напоминало маску, бледную и неподвижную. Глаз было не видно: они полностью сливались с ночным мраком.

– У нас их нет, – медленно проговорила Ани. – Все наши желания – отражения ваших чаяний. Мы заложники ваших иллюзий. А

потому, – с губ девушки сорвался горький смешок, – никогда не получим того, чего действительно хотим.

– Если не осознаете свои желания – да, – не стал спорить Аркант. Усмехнулся своим мыслям и добавил: – Мы, люди, тоже с этим с трудом справляемся. И так и бегаем за чужой мечтой и пустыми идеалами, прикрываясь долгом и обязанностями перед несущественными людьми.

– Мне вас пожалеть? – хмыкнула Ани.

– А мне вас? – в тон ей ответил магистр и с удовлетворением заметил, как крошится маска равнодушного смирения под натиском гнева.

– Присматривай за ними сам, – процедила девушка и ушла в одно мгновение, оказываясь в парке академии. И вздрогнула, когда ее окликнули:

– Ани?..

Она не отозвалась. Замерла, не в силах сдвинуться с места и сказать хоть слово. Сердце – сейчас она готова была поверить, что оно у нее имеется, – сжалось от боли. Она не была готова к этой встрече, не сейчас, но бог удачи определено смеялся над ней.

– Ани, вас же так зовут? – Голос раздавался все ближе. Шуршали листья, выдавая приближение мужчины, но Ани не могла заставить себя сдвинуться с места. Слова Арканта, ее собственные, набатом отбивались в сознании. Осознать свои желания? Ани знала, чего хотела именно она. Знала – и не могла себе этого позволить. Все – но не то, чего она действительно хотела. И от этого чувства, раздиравшего ее подобно подопечным Карбина, ей хотелось и плакать, и карать.

– Ани?.. – Мор остановился совсем близко. Так близко, что, открой она глаза – встретится с его серым взглядом. Наверняка укоризненным – он редко смотрел на нее иначе, когда она это видела. – Вы дрожите... – заметил он, и ей на плечи опустился чужой, еще хранящий тепло камзол.

– Зачем?.. – Ани открыла глаза, чтобы окончательно понять, что охватившие ее чувства вырвались из-под контроля. Все плыло, словно она с головой окунулась в воду.

– Вы замерзли и не можете согреться, – пояснил мужчина, с сожалением отмечая, что даже после того, как он укрыл ее, девушка продолжает дрожать. И даже сильнее, чем до его порыва.

– Не могу, – согласилась она, тыльной стороной ладони стирая с лица непрошеные слезы. Бросила быстрый взгляд на главный корпус, где скрылся Каалис, и попыталась разозлиться. Снова и снова повторяла себе, что это наваждение, глупая шутка коллеги, подлая, как и сама его суть. Хотела уйти – и не могла сдвинуться с места, не могла заставить себя сделать хоть шаг.

– Я могу вам помочь? – Такие знакомые слова, те самые, с каких началось их прежнее знакомство, заставили Ани вздрогнуть. Настоящая мука отразилась на ее лице. Она протянула руку, чтобы отодвинуть подошедшего слишком близко, так что Ани слышала его дыхание, мужчину, но он перехватил ее пальцы. – Такие холодные. – Он подул на них, снизу вверх глядя на нее.

– Это проклятие... – выдохнула Ани, бессильно наблюдая за происходящим. – Настоящее проклятие.

– Если я в силах помочь... – Она оборвала его, вырвав свою руку из его пальцев и прикоснувшись кончиком указательного к губам.

– Молчи, – попросила она, забыв о том, что их не представляли и стоявший перед ней мужчина должен быть абсолютным незнакомцем. – Если хочешь помочь – просто молчи. Не говори ничего. Ни звука, ни вздоха. – Она шагнула вперед, сокращая расстояние между ними настолько, что, поднимаясь на цыпочки, задела макушкой его подбородок. – Только молчи, – попросила она и коснулась губами его губ. Теплых, немного шершавых от осеннего ветра и таких манящих.

Она была готова к резкому оклику, к тому, что Морьен... Мортен отшатнется, сбросит ее руки со своей шеи, отвернется или, смерив презрительным взглядом, напомнит о разнице их положений... Но не ожидала, что и он подастся вперед, обнимет ее, согревая собственным теплом, таким... родным и необходимым.

Она не слышала, как довольный заурчал Нем, не чувствовала, как за шиворот потекли капли от начавшегося дождя, как их кто-то окликнул и, не получив ответа, довольный, исчез из академии.

Сколько длились их молчаливые объятия, Ани не считала. Ей было просто хорошо. Слушать биение сердца Мора, чувствовать его тепло, знать, что он рядом. Пусть и на пару минут.

Дождь усиливался. Крупные капли падали на волосы, стекали по лицу, смешиваясь со своими солеными двойниками.

– Дождь... – проговорила Ани, отстраняясь и отводя взгляд, отступила назад, не зная, как ей следует себя вести.

– Дождь, – легко согласился Мортен, непроизвольно передернул пальцами, словно хотел укрыть их от холодных капель щитом. Грустно усмехнулся, когда ничего не вышло, и виновато признался: – Мне жаль, но, кажется, нам обоим придется промокнуть.

– Не придется, – вздохнула девушка и тихо призналась: – Мы уже мокрые. Простите.

– За что? – Его голос звучал легкомысленно, но в глазах появилось напряженное ожидание.

Ани отвела взгляд.

– За мою импульсивность, – она выбрала самый обтекаемый вариант.

– Тогда и я должен извиниться, – серьезно заметил мужчина. – Ведь это я вас окликнул.

– Тебя, – шепотом поправила Ани, но собеседник услышал. Улыбнулся печально, как сотни раз прежде, и кивнул. А ей стало нестерпимо больно. Так, что даже дождь остановился, не в силах пробиться сквозь кокон окружившей Хозяйку Замка тьмы.

Ани вскинула голову, с усилием разгоняя собственную же тьму и открывая лицо дождю. Глубоко вдохнула, собирая всю свою решимость...

– Не нужно. – Мортен не дал ей сказать ни слова. – Уверен, это не было ошибкой. Не стоит лгать.

– Чего вы хотели? – тихо спросила девушка, отступая на шаг и увеличивая расстояние между ними. – Когда окликнули меня?

– Я не знаю. – Он отрицательно качнул головой, разметав в стороны висевшие на челке капли. – Просто не смог пройти мимо.

– И все?

– Почти, – признался Мортен. Он был весь мокрый, но словно не замечал этого. Зато Ани недовольно хмурилась, видя, насколько промокла рубашка, и помня, сколь хрупко человеческое здоровье. Особенно у тех, кто старательно не замечал невзгоды, демонстрируя крепость духа и слабость ума во славу воспитания и долга.

– Идемте. – Это был скорее приказ, чем просьба, но мужчина не стал возражать, вслед за Ани направившись в главный корпус. Там действительно было удобнее разговаривать. По крайней мере, суше.

Лишь переступив порог, Мортен почувствовал, насколько успел замерзнуть, но сокрушаться не стал. Не в первый раз ему доводилось мокнуть под дождем, а ныне обошлось даже без пронизывающего ветра. Впрочем, взгляд окликнутой им девушки пробирал едва ли не сильнее.

– Я хочу услышать правду, – напомнила она ему, не сводя пристального, немигающего взгляда.

– Я не могу вас забыть, – признался Мортен, и Ани вздрогнула, не веря своим ушам. Далис не стал бы врать, но вдруг... – С тех пор как увидел вас в кабинете моего друга, – уточнил мужчина и отметил, как расслабились плечи собеседницы, а взгляд перестал бегать в тщетных попытках отыскать выход из положения.

– Вот как, – проговорила Ани, переводя дыхание, как человек, избежавший большой беды. Светлейший ее все же не обманул. Вода забвения надежно сковала воспоминания ее бывшего слуги.

– Именно так, – спокойно подтвердил Мортен, словно в его словах не было ничего удивительного. – От него же я узнал ваше имя, и, если вы позволите, хотел бы узнать и вас.

Ани замешкалась с ответом. Слишком искушающим было предложение собеседника, слишком сильно она хотела его принять, и слишком хорошо она представляла его последствия.

– Нет, – она с трудом подавила другой рвущийся наружу ответ. – Это не приведет ни к чему хорошему. – Каждое ее слово звучало все громче. Она словно пыталась убедить не его – себя, но ничего не выходило, и крик оборвался, сменившись шепотом: – У тебя... вас... есть невеста. И целая жизнь впереди. А я... подожду, – последнее признание она выдохнула, уже стоя в дверях.

Не оглядываясь, унеслась прочь, промчалась через холл общежития, взбежала по лестнице и лишь в своей комнате, упав на колени перед окном, закрыв лицо руками, поняла, что так и не вернула Мортену его камзол.

Рухнувший в карман Нем, недовольно завозился. Его глупые хозяева опять оказались невозможно далеко друг от друга.

Магистр Аркант возвращался в академию в дурном настроении. Пусть после ухода Ани-Арли призраки и растеряли часть своей силы, все равно смогли согнать учеников в кучу и заставили отплясывать под

разухабистые матросские песни. Не всех, разумеется. Госпожу Доминику обитатели гавани уважительно обходили стороной и прекращали безобразие, стоило ей оказаться рядом. Но девушка покровительством Хозяйки Замка не кичилась и свои «способности» напоказ не выставляла, не вмешиваясь в развлечения местных жителей. Вместо этого она отошла подальше, извлекла из сумки блокнот с толстыми листами и принялась зарисовывать увиденное. Утомившиеся с остальными адептами призраки подплывали к ней и позировали, взамен ответов на вопросы получая собственный портрет.

Аркант поморщился и, хлопнув дверью своего кабинета, быстро миновал разделявшее его и «успокоительное» расстояние. Выставил на стол пустой стакан, перехватил бутылку...

– И мне, будь добр, если не собираешься выпить все сам. – Рука темного дрогнула, но коньяк не расплескала. – Что сотворили твои подопечные?

– Скорее – чего не сделали, – хмыкнул магистр, отпивая из своего стакана. – Бокалов нет, – заметил Аркант, извлекая второй стакан, каких было множество в столовой и какие были равно пригодны для любых напитков, если не обращать внимание на внешний вид.

– Мы не на приеме, – усмехнулся Мортен, поднимаясь и подходя ближе. – Единственное, что меня заботит: как часто их моют.

Он поднял стакан и, убедившись, что на стекле нет разводов и следов чужих губ, протянул его другу. Тот молча плеснул и позднему гостю.

– Мне казалось, ты ушел.

– Решил вернуться и дожждаться тебя, – легко пояснил Мортен и попросил: – Приглуши свет. Не думал, что отсутствие силы принесет в мою жизнь столько мелких неудобств.

Аркант прищурился и хмыкнул, поняв, что друг успел переодеться в один из его личных запасных нарядов.

– Что с тобой стряслось? – отпивая из стакана и чувствуя, как по горлу прокатывается комок тепла, еще не миролюбиво, но уже достаточно спокойно спросил темный, падая в кресло и вытягивая ноги.

– Попал под дождь, – признался собеседник, возвращаясь в гостевое кресло и повторяя позу хозяина кабинета.

– Такой сильный, что предпочел вернуться сюда и воспользоваться моим гостеприимством? Твой городской дом в пяти минутах ходьбы отсюда, – заметил темный. – Если бы дело было лишь в дожде, ты не стал бы дожидаться меня здесь.

– Верно, – кивнул Мортен. – Была и другая причина.

– Моя кузина? – устало уточнил магистр. – Я уже говорил с Триной, она не хочет разрывать вашу помолвку, не поговорив с тобой лично. И я считаю, она имеет право быть выслушанной тобой. И я настаиваю на этом. После – делайте что хотите.

– Я понял, – серьезно ответил Мортен и добавил: – Но речь пойдет не о ней.

– В таком случае, боюсь, твои вопросы будут не по адресу. – Аркант отставил стакан и чуть вздернул брови, давая понять, что ждет продолжения. И тут же скривился, услышав имя.

– Ани.

– И что ты хочешь от меня? – Раздражения в голосе магистра было столько, словно весь выпускной курс завалил экзамен и ему лично придется договариваться с каждым из членов комиссии, чтобы устроить недомеркам пересдачу. – Тебе не кажется, что задавать вопросы о других девушках брату своей невесты по меньшей мере неэтично?

– Так же неэтично, как и другу лгать мне, заявляя, что он ничего не знает ни об обстоятельствах моего внезапного возвращения к жизни, ни об этой девушке.

– Она – моя ученица. Первокурсница, – отчеканил Аркант, глядя прямо в глаза другу.

– И?..

– И это все, что я могу тебе сказать. Подробности личной жизни адептов не подлежат распространению, и даже для друга я не могу сделать исключение, – заявил магистр.

– Вот как? – Мортен подался вперед, вскинув брови в притворном изумлении. – Ты начал чтить законы? С каких это пор?

– С некоторых, – отмахнулся Аркант, мрачняя. – Тебе не кажется, что ты слишком зациклился на девушке, которую видел раз в жизни.

– Не раз. – Губы Мортена неожиданно растянулись в улыбке.

– Хорошо, дважды, – согласился темный, делая правильный вывод о причинах, заставивших друга промокнуть и вернуться сюда. – Вы

встретились в парке?

– Верно, – чуть склонив голову набок, подтвердил гость. – Столкнулись. Если сказать больше – нас столкнули в парке. Не знаю, как эта девушка там оказалась, но меня так долго не хотел отпускать Маленвер, что я, признаться, решил, что он воспылал ко мне глубокими чувствами.

– Он нежно любит каждого своего пациента, пока не вытянет из его головы все тайны.

– Я уже давал ему такую возможность, если помнишь.

– Помню, но кто мешает ему попытаться снова?

– Он не пытался. Хотя ради того, чтобы задержать меня, даже поделился некоторыми наблюдениями и обещал поговорить с его высочеством, чтобы мне позволили посетить Лиер. Я хотел бы взглянуть на их источник.

– Думаешь, он все еще не иссяк?

– То, что случилось с моей памятью, – лучшее подтверждение обратного.

– Светлый может и ошибаться.

– Может. Но я хочу знать наверняка.

– За благословением можешь не заходить, – заметил Аркант, приманивая открытую бутылку и наливая еще полпальца коньяка в стакан. – Когда отправляетесь?

– Как только его высочество определится с составом экспедиции. Судя по тому, что поведал мне Маленвер, многие решили рискнуть, раз уж корона оказалась столь щедрой. Поэтому недостатка рабочих рук не предвидится. Лиер будет восстановлен, и я бы хотел найти источник до того, как доступ туда закроют.

– Рад, что ты нашел себе применение.

Аркант поднялся было, чтобы проводить друга, но тот и не думал покидать объятий гостевого кресла.

– Ани, – напомнил Мортен, отставляя стакан, к которому он, казалось, и не притронулся.

– Я уже все сказал.

– И тебе нечего добавить? – Магистр кивнул. – В таком случае я добавлю. Я долго не мог понять, почему ее лицо кажется мне знакомым. Гадал, где же я мог его видеть. И знаешь, вспомнил.

– И где же? – Темный не скрывал, что не рад неожиданному прозрению друга.

– В Лабиринте. – Аркант нехорошо прищурился, но промолчал, не собираясь ни подсказывать другу, ни наводить того на ложный след. – И ты не скажешь мне, что это невозможно?

– Кому, как не нам, знать, что там возможно абсолютно все.

– Конечно, – усмехнулся Мортен. – Там возможно все. Но не для живых, – закончил он, выразительно глядя на друга.

– Ты не задал вопрос, чтобы я мог на него ответить, – заметил после долгой паузы Аркант. – А я не менталист, чтобы читать твои мысли.

– Что ж, тогда позволь повторить. – Мортен поднялся, вернул стакан на полку и обернулся к собеседнику. – Кто эта девушка? Светлый следит за ней украдкой, ты относишься иначе, чем к остальным, во снах я вижу именно ее лицо, прежде чем проснуться. А она знает обо мне то, чего я никогда ей не говорил.

– Например? – Аркант облизнул пересохшие губы.

– О моей невесте.

– Об этом знают все, кто хоть немного интересовался тобой...

– Но зачем ей интересоваться мной? – перебил его гость. – Если мы незнакомы и впервые столкнулись на пороге этого кабинета. Зачем ей ждать? *Чего* ей ждать?

Мортен шумно выдохнул, пытаясь успокоиться. Больше всего он не любил подобных ситуаций: своего неведения, отсутствия самой возможности повлиять на собственную жизнь, игру в темную. Нет, с кем-то другим он был бы рад сыграть, но на правах ведущего, а не никчемной пешки. Пока же он чувствовал себя именно ею: пешкой, прихотью богов, выброшенной в ставший ему чуждым мир. Менталист, друг – бывший или настоящий, не разберешь, – стражник, даже бог – все они дергали за невидимые ниточки, заставляя его тщетно искать решение, толкая в разные стороны. Одни – в объятия смерти, другие – к ненавистному будущему.

– Ты просишь меня о недопустимом. – Аркант отвел взгляд. – Большого я не вправе тебе сообщить. Ее воля была вернуть тебя к жизни, а я не бог, чтобы пережить Ее гнев.

– Темнейшей? – Брови сошлись на переносице, выдавая глубокую задумчивость своего хозяина. Он осекся, словно в его голову пришла

невозможная, недопустимая мысль, и хрипло выдохнул, не веря самому себе: – Ани... Арли?

К возвращению Доминики комната опустела. Ани не стала дожидаться слуги и, почувствовав стоявшую на ней метку еще в момент перехода в академический парк, скользнула на границу. Пусть она уже и не выглядела такой расстроенной, как часом ранее, Ани не хотела слушать ни утешений, ни вопросов, не желала ощущать на себе сочувственный взгляд слишком много взявшей на себя смертной. А потому она ушла в город. Изменила черты своего лица и бездумно слонялась до самого рассвета, по широкому кругу обходя патрули и охотно выступая из тени перед решившими поживиться золотом работниками ночных гильдий.

Она стояла на набережной, облокотившись о перила, и смотрела вниз на темную, бурлящую воду, когда услышала зов. Встрепенулась, отследив его источник, и шагнула вперед. Со стороны могло показаться, что девушка прошла сквозь ограду и бросилась в бурное течение. Чей-то заполошный крик даже подтвердил эту версию. Вот только бросившаяся к реке служанка так никого и не увидела.

– Показалось, – пробормотала она, стирая выступивший на лбу пот и торопливо возвращаясь к своим делам. А еще мысленно радуясь, что морок одолел ее на пути в пекарню, а не в таверну. Порчу булочек хозяин так легко бы не простил.

Ани вышла в уже знакомом ей кабинете, где мода с трудом сочеталась с уютом. Кириан уже ждал ее, вдыхая аромат какого-то бодрящего настоя. Выглядел мужчина не лучшим образом: успевшая отрасти щетина портила молодое лицо стража, темные круги под глазами выдавали отсутствие полноценного сна, на лбу залегли первые морщинки. А волосы... Ани поморщилась, столь ярким для нее оказался запах немых волос, к которому примешивался другой, ненавистный ей аромат дурмана, ежегодно отправлявший к ней лишние души.

– Тебе не помешало бы помыться, – поморщившись, заметила девушка, проявляясь прямо в гостевом кресле и сбрасывая обувь на паркет. Подобрала под себя ноги, усаживаясь поудобнее, и милостиво кивнула. – Докладывай, раз уж решил позвать меня до того, как привел себя в порядок. Миера? – Тень проявилась незамедлительно и замерла,

не поднимая глаз, в ожидании приказа. – Можешь возвращаться в Замок. – Девушка глубоко поклонилась и исчезла. Ани перевела взгляд на стража. – Я жду.

– Ложная тревога, – скупое сообщил Кириан. – Следы тварей действительно имелись, как и лаборатория, в которой их, судя по всему, и выводили, но ее содержимое истлело вместе с созданиями. В клетках не было ничего, кроме праха, да и тот, казалось, исчезнет от одного лишь прикосновения.

– Ты привез его мне? – задумчиво осведомилась Ани, и Кириан сунул руку в верхний ящик стола. Невысокая туба была извлечена на поверхность и передана в протянутые руки девушки.

– Да, из этого уже ничего не восстановишь, – отвинтив крышку, удовлетворенно отметила Хозяйка Замка. – Светлые?

– Я был там первым, – не без толики самодовольства отчитался маг. – Жрецы в сопровождении императорской стражи прибыли на следующие сутки. Вероятно, не смогли найти нужное количество лошадей, а отправляться небольшими группами посчитали опасным.

– А ты рискнул... – протянула Ани.

– Не мог же я послушаться вашего приказа, – хмыкнул страж и напомнил: – К тому же вы отправили со мной Тень. Из нее вышел хороший проводник.

Ани неопределенно пожала плечами.

– Что нашли светлые?

– То же, что и я. Разве что к их приходу в лаборатории не осталось и праха. Голые стены, но разрушение начало съедать и их. Я бы даже рискнул предположить...

– Достаточно, – оборвала его собеседница. – Свои мысли оставь при себе. Все, к чему был причастен наш божественный брат, должно быть предано забвению. Таков естественный ход вещей.

– В таком случае вы не разгневайтесь, узнав, что служители Светлейшего разрушили лабораторию до основания, а память жителей окрестных деревень больше не хранит воспоминаний о событиях минувшего года?

– Всего одного? – уточнила Ани, размышляя, сходятся ли сроки. По всему выходило, что да. Усиление Неназываемого тлетворно сказывалось на сложившемся балансе сил, а потому отражалось и на

ней, чья сила была ближе всех к нему. И началось это... Да, все сходилось.

– Более глубокое вмешательство могло свести с ума этих людей, – пояснил Кириан, но, не заметив и капли сочувствия в глазах божества, добавил: – Первые контакты с аграми случились девять месяцев назад. Жрецы даже перестраховались, убрав из памяти людей целый год.

– Хорошо, – Ани удовлетворенно кивнула. – Значит, одной проблемой меньше. Род пресекается, исследования можно считать провалившимися... Историю подчистят жрецы Далиса, им не в первый раз показывать себя на этом поприще, – размышляла вслух Хозяйка Замка, перехватила осуждающий взгляд визави и вздернула брови, демонстрируя крайнее удивление. – Ты думал, что будет иначе?

– Нет, – честно признался мужчина.

– Тогда отчего в тебе столько негодования?

– Гнев я не могу себе позволить, но ваших поступков не одобряю, – пояснил Кириан.

– Вот как? – Ани рассмеялась и плавно поднялась из кресла. Обошла разделявший их стол, присела на его край и, чуть наклонившись вперед, заметила: – Жаль тебя расстраивать, но одобрение смертных мало кого волнует. Даже люди не стесняются в средствах, пытаясь сохранить свою власть, что уж говорить о нас. Молчи. – Ани коснулась кончиком указательного пальца губ собеседника. – Ты слишком разговорчив для слуги и все еще жив, чтобы наши откровения не заботили остальных. А меня расстроит, если твоя душа не придет ко мне в срок.

– А разве такое возможно? – Голос Кириана не мог бы выдать его волнение, а вот взгляд...

– Возможно, – кивнула Ани, ставя босые ступни в сантиметре от бедра собеседника, на мягкое сиденье. – Право приоритета. Закатный Замок – последняя точка вашего пути в ином мире. Но даже чтобы ступить в Лабиринт, вы должны быть свободны. Ваша душа не должна служить залогом никакой сделки, разве что со мной, – Ани-Арли усмехнулась. – Не должна быть уничтожена кем-то из низших духов – им все равно, чем питаться, так почему бы и не душами. Не должна быть привязана к артефакту, месту или человеку – духи-хранители не обретут покоя, пока место их заточения не истлеет. Есть много способов потерять шанс на перерождение и лишить нас прилива

новых сил. Потому их и запрещают, навсегда стирая из людской памяти то, чего там быть не должно.

– Для нашего блага?

– Для нашего, – отрицательно качнула головой Ани. – Только для нашего. Ваши интересы второстепенны и редко заслуживают внимания Великих. Разменная монета – предназначение каждого из вас, – тихо закончила девушка, недовольно поджав губы. Слово сама была не согласна с собственными словами. – Разменная монета...

Как по волшебству, в ее пальцах мелькнула уже знакомая Кириану монетка. Такую же он видел в трясущихся руках официанта.

– Это тебе. – Монета выскользнула из пальцев девушки, но вместо того, чтобы упасть на пол, взметнулась вверх и опустилась на столешницу перед магом. – Возьмешь – и твоя душа не сможет стать ни залогом, ни пищей.

– А чем тогда она станет? – Кириан смотрел на стершуюся гравировку, но не торопился брать «подарок» в руки.

– Платой, как и всякие деньги. Цена твоей души. Берешь монетку – продаешь ее мне. Все честно. Смертный получает деньги – я душу на правах приоритета.

– А как же беспрепятственный проход по территории Лабиринта?

– А разве кто-то рискнет причинить вред моей собственности на моей территории? – вопросом на вопрос ответила Ани.

– Едва ли, – согласился мужчина. Бросил быстрый взгляд на монетку, на ее хозяйку и, сглотнув, сгреб подарок в карман.

– Договор заключен, – хмыкнула Ани и заметила: – Теперь ты безраздельно мой.

– И должен последовать за вами? – напряженно осведомился страж.

– Нет, будешь жить долго и счастливо, если сможешь вовремя прикусывать язык, не болтая лишнего тем, кому не позволено знать. Но, – Ани расправила плечи, – теперь мы с тобой можем откровенничать, не нарушая никаких неписанных запретов. А если Светлейший решит вмешаться в твою память, ему придется просить моего разрешения, даже если дело коснется нашего общего благополучия.

Она соскользнула на пол и, не прощаясь, ушла.

Кириан глубоко вдохнул и шумно выдохнул. Несмотря на видимое спокойствие, каждый визит покровительницы был для него тем еще испытанием. Пожалуй, даже служба в гарнизоне не была столь изматывающей, как эти милые беседы.

Доминика наблюдала за сборами Ани с плохо скрываемым любопытством. К обеду, когда полуденное солнце уже нельзя было просто так игнорировать, девушка открыла глаза и застала непривычную картину: Ани стояла у платяного шкафа и задумчиво изучала идентичные друг другу комплекты школьной формы.

– Какой лучше?

– Они одинаковые, – протянула Доминика, поднявшись и убедившись, что со вчерашнего дня ничего в их шкафу не изменилось.

– Я вижу, – хмуро призналась Ани, отодвигаясь и уходя к своей постели. Скинула обувь и уселась на покрывале, подобрав под себя ноги. С другой стороны кровати лежал аккуратно расправленный камзол, который, судя по расстоянию между вещью и Ани, та не хотела мять.

– Вам нужно что-то особенное? – удивилась Доминика. – Зачем?

Она совсем не ожидала, что на бледной коже собеседницы проступит румянец.

– Мне нужно вернуть кое-что, – неожиданно даже для самой себя смутилась Ани и провела пальцами по чужой одежде. Доминика попыталась, но так и не вспомнила, видела ли она ее владельца в академии. По всему выходило, что нет. Но значило ли это, что ее покровительница нашла кого-то, кто мог заменить для нее Мора?

– Это *его*? – тихо спросила Доминика, надеясь услышать «нет», но Ани только кивнула. На лицо девушки легла тень, избавляя от всех эмоций. – Вы снова вместе? – аккуратно продолжила слуга, подходя ближе и присаживаясь на краешек кровати. Ани не возражала, глядя куда-то в сторону и не моргая.

– Нет, – равнодушно, хотя именно это и выдавало ее абсолютную вовлеченность, ответила Ани, сжимая пальцы в кулаки.

– Но вы этого хотите, – протянула Доминика, накрывая своей ладонью холодные пальцы собеседницы.

– Больше всего на свете, – тихо призналась Ани и посмотрела на слугу. Хотя... со слугой не делятся сокровенным, разве что если потом

не собираются избавиться от чересчур осведомленного подчиненного. Впрочем, Доминика не думала об этом, когда обнимала свою собеседницу за плечи, привлекала к себе и, как старшая сестра или мать, гладила ее по волосам, утешая.

Ани молчала, с удивлением принимая заботу. Она не ожидала, что Доминика решится, что забудет, кто перед ней, и так легко позволит себе прикоснуться... Да что там прикоснуться! Не усомнится, что Ани позволит выставить ее, Хозяйку Закатного Замка, слабой и нуждающейся в заботе. Она оторопело ждала, когда Доминика осознает свою ошибку, всполошится, упадет на колени, замаливая непочтительность, но ничего не происходило. Кроме того, что самой Ани становилось легче и больше не хотелось, чтобы Доминика уходила или вела себя подобно слуге.

– Спасибо. – Шепот, казалось, сорвался с губ сам собой, но Ани не стала забирать слова назад. Вместо этого прильнула к подруге, в которой так сейчас нуждалась, и спросила: – Что мне делать?

– Позволить себе немного счастья? – крамольно заметила Доминика, ожидая любого ответа, но Ани промолчала, только села поудобнее, будто у нее могло что-то затечь от неудобной позы.

– Так просто? – хмыкнула она, отстраняясь и заглядывая в глаза собеседницы.

– Часто люди сами мешают своему счастью, усложняя простые вещи, – призналась Доминика. Судя по ее расфокусированному взгляду, она думала о чем-то своем. Ани позволила себе любопытствовать и отвернулась, чтобы не выдать охватившей ее неловкости. Будто в подглядывании за слугами было что-то непозволительное. Все таким иногда развлекались, а кто-то и намеренно сталкивал обитателей дома между собой и смотрел, что из этого выйдет... Но Ани отчего-то почувствовала себя неуютно, подсмотрев за перепиской слуги и жреца.

– Я могу тебе помочь, – предложила Ани, поднимаясь с кровати и прохаживаясь по комнате. – С Болерианом. Мне он не сможет отказать...

– Нет! – вырвалось у Доминики прежде, чем она успела взять себя в руки. Лицо девушки исказилось, кожа побледнела, а после пошла пятнами, когда она сообразила, чем могло быть вызвано предложение Хозяйки. – Не надо, прошу. Мы... сами разберемся.

– Через сотню лет? – усмехнулась Ани, легко отвлекаясь от собственных проблем на чужие, казавшиеся ей такими простыми и незамысловатыми. – Он тебе нравится, ты ему, определенно, тоже. Так зачем ходить вокруг да около? Могу даже Каалиса растолкать, чтобы провел вам церемонию, – предложила Хозяйка Замка.

– Но темные же не заключают брачных союзов? – несмело осведомилась Доминика, но Ани видела, как в ее глазах вспыхивает надежда.

– Скажи об этом Маргарите, – хмыкнула Ани и пояснила: – Мои слуги выше этих условностей. Они не принимают скоропалительных решений, но это не значит, что я запрещаю брак. Скорее не одобряю светские условности. Устраивать представление для толпы, когда дело касается только двоих... Избавьте меня от этого. И от дюжины крикливых ртов, половина из которых не доживет до совершеннолетия. – Перехватив потрясенный взгляд Доминики, Ани поморщилась и пояснила: – Дети попадают в Лабиринт гораздо чаще взрослых. Что там говорят светлые? Плодитесь и размножайтесь? Про «подумайте, сможете ли прокормить ребенка», все обычно забывают. Сеновал недалеко, дело быстрое, мозги отшибает в мгновение ока, когда... – Ани покосилась на красную, как спелый помидор, слушательницу, и свернула тему: – А потом рождаются дети, гораздо больше, чем юная семья может прокормить. Или не рождаются, если невеста юна и не может выносить, или, напротив, слишком опытна и знает, что семерых по лавкам нечем кормить, а тут восьмой. И как бы ее благоверный не был белугой, что всех поднимет, поднимает он обычно только одно. Ради отсыхания чего к ведьмам бегают, чтоб хоть так остановить эти кроличьи игрища. Но это после. Сначала – плодитесь и размножайтесь. Места у Хозяйки Замка на всех хватит!

Ани сердито тряхнула головой.

– Их много бродит по Лабиринту, ждут своих родителей, и они их встречают. Всегда встречают...

Ани оскалилась. Как хищник, идущий по следам раненой добычи, знающий, что та уже не сможет от него уйти. Но миг – и все прошло. Хозяйка Замка вернула себе самообладание.

– У темных не бывает много детей, – заметила она. – Далис вас не любит, поэтому один-два, в редких случаях, когда пара полярная, – три, но темный дар перейдет только к одному. Уж он-то постарается.

Поэтому, – Ани понизила голос, – я одобряю вашу с Болерианом связь. И, если дело лишь в этом, могу лично...

– Нет. – Доминика торопливо покачала головой. – Не в этом и не так. Мы, – она беспомощно посмотрела на покровительницу, – мы сами разберемся, если вы позволите.

Ани тяжело вздохнула: повод отвлечься на устройство чужой жизни, предательски махнув хвостом, исчез. Она покосилась на прикусившую в тревожном ожидании губу Доминику и пробормотала:

– Сами так сами. Но...

– ...вы готовы нам помочь, – с ювелирно выверенной долей почтения закончила за Ани Доминика и с облегчением выдохнула, когда, помедлив, Темнейшая кивнула. – Мы ценим ваше участие...

– ...но разберетесь сами, – теперь уже Ани закончила за слугу и тяжело вздохнула, понимая, как они все же похожи друг на друга. Покосилась на камзол, аккуратно его подняла и предупредила: – Я могу не вернуться ночью. Не ищи меня.

– А преподаватели?

– Едва ли они станут, – усмехнулась Ани и ушла, прижимая к себе чужую одежду.

Парк был полон голосов и криков птиц. Хорошая погода вытасила из промозглых комнат адептов, а птицы слетелись на бесплатное угощение, которое им щедро выносили в карманах из столовой. Не все из благих побуждений. Ани видела, как менталист-старшекурсник пытается захватить сознание бедной вороны, подавляя волю животного и заставляя птицу танцевать. Природники тренируются в призывах, то прогоняя, то приманивая воробьев. Воздушники играют с потоками, вынуждая птичек махать крыльями в три раза усерднее в тщетных попытках победить внезапно усилившийся ветер.

Все были при деле. Даже темные, которые игнорировали хорошую погоду и то ли продолжали отсыпаться, то ли с новыми силами вернулись в гавань.

Последняя мысль заставила Ани поморщиться: ее снова лишили места, где она могла отдохнуть, ни о чем не думая и не отвлекаясь на посторонний шум. Девушка взглянула на камзол, который она с собой прихватила, и, тяжело вздохнув, повернула в сторону главного

корпуса. Конечно, Арканта могло и не быть на месте, выходные были и у преподавателей, как бы это странно ни звучало, но она решила убедиться в его присутствии или отсутствии лично. В конце концов, он так настойчиво требовал ее внимания, что отказаться будет просто неприлично. Заодно Ани планировала узнать, где следует искать Мора, чтобы вернуть ему камзол.

Магистра в кабинете не оказалось. Ани осторожно постучала, проверяя, но, так и не дождавшись ответа, прошла сквозь преграду. В том числе и магическую. Хмыкнула, отметив про себя увеличение числа защитных барьеров, и нахмурилась, обнаружив на столе записку. Адресатом значилась именно она, а потому девушке не пришлось сражаться с любопытством.

Пальцем прищепив попытавшегося сорваться вестника, который должен был оповестить автора послания о его прочтении, Ани аккуратно развернула сложенный уголками в центр лист.

«Приношу вам свои искренние извинения за вынужденное отсутствие в академии, – значилось вначале. Ани нахмурилась, но продолжила читать. – Увы, ныне я обязан присутствовать на мероприятии, которое претит моему сердцу. – Девушка позволила себе усмехнуться. Пусть она и знала наверняка, что сердце у магистра имеется и гоняет по венам самую обычную теплую кровь, но ее однокурсники в этом сомневались. – Но я даю вам слово, что вечером, за три часа до полуночи сего дня, буду ждать вас в ресторанчике «Королевская орхидея». Столик заказан на мое имя.

В предвкушении скорой встречи,

Аркант Раоден»

Ани отложила послание и мстительно сжала в пальцах осколок чужой силы, уничтожая вестника, а вместе с ним и возможность темного узнать о ее присутствии в кабинете. Испытав странное удовлетворение, девушка вернула записку на прежнее место и задумалась, непроизвольно поглаживая висевший у нее на руке камзол.

По всему выходило, что уделить ей внимание Аркант не сможет, даже если она явится по его душу. Впрочем, разве что именно при таком варианте магистр абсолютно точно перейдет в полную ее власть.

Вот только Ани пока не планировала позволять этому чересчур осведомленному магу заходить дальше, чем разрешено остальным. Хватит с нее уже существующих Теней – нечего раздавать вакантные должности проходимцам. О том, что как раз проходимцев и всякого иного сброда среди слуг Замка было большинство, Ани-Арли предпочитала не задумываться. Ибо те, по крайней мере, молчали, видя ее в дурном настроении, и не норовили подлить масла в огонь ее гнева.

– Что ж, – проговорила Ани, собираясь с мыслями. – Как бы ни хотелось, но придется отсрочить нашу встречу, дорогой магистр, – фыркнула девушка и, порывисто развернувшись, покинула чужой кабинет, не потревожив защиту.

Вздохнула, настраиваясь, и шагнула вперед, ориентируясь на ауру человека, забыть которую ей не было суждено никогда.

Ани не стала появляться прямо перед ним, предпочла сойти с тропы раньше, и теперь стояла перед невысоким двухэтажным домом, выложенным кирпичом, но укрытым листьями плюща так обильно, что одни лишь оконные проемы оставались свободны от растительного буйства.

Она было уже шагнула к крыльцу, чтобы постучать в зачарованную дверь, давая хозяину знать о внезапно посетивших его гостях, но остановилась. Взгляд натолкнулся на ожидавший кого-то экипаж. Кучер дремал, пользуясь передышкой, лошади что-то жевали, смиренно стоя под окнами. Ани перевела взгляд с них на дом и нехорошо прищурилась.

Она злилась. Определенно злилась на ранних гостей бывшего слуги, еще не видя, но догадываясь, кто мог посетить Морьена. Недовольно пискнул Нем и выпустил когти, пытаясь привести хозяйку в чувство: слишком уж сгустилась вокруг них тьма. Пока на границе, но еще немного – и может вырваться к смертным.

– Не сейчас, – буркнула девушка, кончиком пальца глядя котенка и выталкивая его на границу. – Подождешь меня здесь.

Малыш недовольно пискнул, но остался сидеть на каменном основании ограды, провожая хозяйку долгим кошачьим взглядом. После чего еще раз жалобно пискнул и свернулся клубочком, прикрыв лапой нос.

Не подействовало. Ани хмыкнула и отвернулась. Впрочем, часть ее злости Нему удалось погасить, и леди Трина должна была быть ему очень благодарна. Разумеется, если бы вообще знала о существовании котенка.

Скользнув на границу, Ани миновала дверь, даже не заметив преграды, в тишине поднялась по лестнице и лишь на пороге комнаты, где чувствовала присутствие двух живых, остановилась, прислушиваясь.

– Мор... – Пальцы девушки впились в кожу, наказывая ни в чем не повинное воплощение. Знакомое прозвище в чужих устах заставило встрепенуться едва притихшую тьму, в один миг заполнившую глаза Ани. Более нечеловеческий, поглощающий своей чернотой взгляд сердитого божества, на собственность которого посмели покушаться.

«Он больше не мой», – напомнила сама себе Ани, пытаясь возобладать над эгоистичной сутью, но это было слишком тяжело. Все, что она смогла, – это остаться там же, в коридоре, прислушиваясь к чужому разговору и – в другой ситуации она бы вдоволь посмеялась над собой – молясь, чтобы смертные были аккуратны в своих речах.

– Мы уже говорили об этом, – устало ответил Мортен, а Ани, как наяву, увидела, как он стирает с лица невидимую паутину, отводит взгляд, пытаясь хоть таким образом отстраниться от неприятного разговора, но не уходит, давая собеседнице высказать все, что та посчитает нужным.

– Говорили, – глухо призналась девушка. – Но я не понимаю, почему ты хочешь что-то изменить. Я не прошу свадьбы, достаточно будет и помолвки. Пусть все остается как есть.

– Тебе больше не нужна защита моего имени, – напомнил собеседнице Мортен. – Тебе ни к чему эта помолвка. Я не был в восторге от твоей идеи тогда, но согласился, потому что не видел иного выхода. Сейчас мы оба больше не заложники игр старших, так к чему продолжать этот фарс?

– Ты не понимаешь...

– Потому и даю тебе шанс объяснить.

– Мне нужна эта помолвка. Пусть не брак, но статус твоей невесты...

– Невесты мертвеца, – поправил ее Мортен, но Трина только поморщилась, продолжая:

– ...невесты известного мага...

– Я больше не маг.

– ...позволял мне почти на равных разговаривать с советом.

– Их еще не разогнали? – удивленно-брезгливые интонации в голосе бывшего слуги заставили и Ани усомниться в здравом уме участников совета.

– Увы, но нет, – фыркнула Трина. – Уважение к былым заслугам – основа благополучия будущего. – Судя по тону, девушка кого-то цитировала. Кого-то гнусавого и определенно заслуженного.

– Причина только в этом? – уточнил ее собеседник. – Лишь в том, что ты хочешь уважить седины тех, кто стоит одной ногой на земле Лабиринта? – Видимо, Трина кивнула, поскольку следующая реплика Мортена прозвучала довольно резко. – В таком случае точно нет. Мы не дети, чтобы бояться разгневать стариков. Судя по словам твоего брата, ты один из лучших теоретиков страны, и едва ли отсутствие жениха это изменит. Верни мне кольцо.

– Я не брала его, – помертвевшим голосом ответила девушка.

– Передашь через брата.

– Дай мне хотя бы неделю, – попросила Трина. – Семь дней, чтобы я успела закончить дела.

– А дальше?

– Дальше я покину Иертан, – очень тихо, словно сама себе не верила, проговорила девушка. – Всегда мечтала отправиться в путешествие.

– Теперь весь мир открыт перед тобой, – вероятно, Мортен хотел сгладить возникшую неловкость, вот только Трина не оценила. Выбежала из кабинета так, словно была первокурсницей, вызванной к строгому куратору и доведенной черствым преподавателем до слез. С опущенной головой, с ладонью, прижатой к лицу, чтобы не было видно прочертивших щеки соленых капель. Другой рукой она касалась скрытого под платьем кулона. И Ани готова была поставить на кон еще одну монетку, что знает, что девушка прижимала к груди.

Ани отвернулась, не желая видеть чужих страданий, слишком сильно отзывавшихся в ней самой. На мгновение ей даже показалось, что у бежавшей по ступенькам девушки ее лицо. Но это было лишь наваждением.

Всколыхнувшаяся было тьма вновь притихла, засыпая и забирая обуявший Ани гнев. Она знала, что Трина запрыгнула в экипаж, хлопком дверцы будя кучера, и, скрипнув, карета сдвинулась с места, но ни радости, ни облегчения от горя своей – Ани хмыкнула, но признала очевидное – бывшей соперницы Хозяйка Замка не испытала. Напротив, странная горечь появилась во рту, словно она... сочувствовала этой девушке?

– Так будет лучше для всех, – выдохнул оставшийся в одиночестве мужчина, и Ани слабо улыбнулась. Не будет. Сейчас она знала это наверняка.

И, верно, это было подлостью с ее стороны, но Ани спустилась вниз по ступенькам, вернулась к ожидавшему ее Нему и сошла с границы, появляясь на малолюдной улице. Никто не обратил внимания на ее появление, не заметили и как изменилась одежда. Форма академии легко превратилась в нарядное выходное платье с воротничком-стойкой, в котором было вполне допустимо наносить визиты. Правда, в сопровождении старших родственников и не оставаясь наедине. Впрочем, эти условности не касались магов, хоть и считались желательной данью этикету.

Отчего-то пульс бился в ее ушах, когда Ани переходила дорогу. Возвращенный на свое законное место в пространственный карман, Нем довольно мурчал, но девушка не оценила его стараний.

Шаг. Второй. Третий. Обитая зачарованным железом дверь неожиданно быстро оказалась прямо перед ней. И Ани грустно отметила, что пальцы воплощения трясутся, будто она, подобно жалким смертным, волнуется. Вцепившись в камзол, который ни на секунду не выпустила из рук, она постучала и... чуть не нырнула на границу, избегая столь желанной встречи.

Смелость, злость, решительность – все оставило ее в этот момент. Она готова была провалиться сквозь землю, почти убедила себя, что так будет лучше всего, но... не успела.

– Ани? – В усталом голосе Морьена слышалось удивление.

– Здравствуйте, – тихо откликнулась девушка, не поднимая глаз и силой заставляя прилившую к щекам кровь отступить. Выходило отчего-то плохо, словно созданное ею же тело обрело подобие воли и теперь яростно сопротивлялось, предавая ее в самый неподходящий момент и выставляя непозволительно слабой.

– Здравствуйте, – вернул ей приветствие собеседник и, помедлив, спросил: – Не желаете войти?

– Очень хочу, – призналась Ани, опуская голову еще ниже, словно этот незамысловатый прием был в силах скрыть вспыхнувшие алым щеки.

Мортен отстранился, пропуская ее внутрь и ни словом, ни жестом не выдавая, что заметил ее проблемы с самообладанием. А они были. Правда, решить их было столь же легко, но тогда и вовсе не следовало приходить по этому адресу, если готова была полностью отказаться от любых эмоций, щедро рассыпанных перед ней самим мирозданием.

Закрылась за ее спиной дверь. Ани замерла посреди уже знакомого узкого коридора, с одной стороны уходившего вверх по лестнице, а с другой закрытого двухстворчатой дверью. Какое направление выбрать – Ани не знала, а потому остановилась в нерешительности, ожидая вердикта щелкнувшего замком Морьена.

– Вы не голодны?

– Вовсе... – Ани хотела было отказаться, но, поняв, что тогда придется уходить тут же, осеклась и исправилась: – Если вас не затруднит, я бы позавтракала.

– В таком случае прошу за мной. – Морьен улыбнулся такой знакомой, располагающей улыбкой, что Ани не удержалась от ответной. – Идемте, – напомнил он, проходя мимо и практически задевая ее своим плечом.

Двухстворчатая резная дверь открылась без ожидаемого скрипа, пропуская их в гостиную, а после – и на кухню. Небольшую, недавно прибранную – пыль еще не успела осесть на поверхности узких шкафчиков и большого дубового стола, игравшего на кухне, казалось, ключевую роль.

– Присаживайтесь. – Подцепив носком, мужчина вытянул из-под столешницы высокий табурет без спинки и кивнул на него Ани. – Я редко принимал гостей в этом доме.

– Вам повезло, – протянула Ани и села, куда предложили. Положила на колени камзол, разгладила его и перехватила задумчивый взгляд собеседника. Отчего-то он не торопился забирать у нее свою вещь, хотя она пришла «вернуть» ее, а не завтракать.

– Полагаю, так оно и есть, – согласился собеседник и отвернулся к шкафчикам. – Что вы предпочитаете по утрам?

– Еду? – предположила Ани, теряясь в догадках. В ресторане достаточно было передать право выбора официанту или ткнуть в описанное на страницах меню блюдо. Здесь же от нее требовалось невозможное: сказать о том, о чем она понятия не имела. Впрочем, девушка облегченно выдохнула, вспомнив, что завтракать ей уже доводилось. В доме жреца, где главным ее блюдом было... – Варенье, – попросила Ани и гордо расправила плечи, будто справилась со сложнейшей задачей.

– Только варенье? – уточнил Мортен, оборачиваясь. Ани кивнула, замороженно глядя на две банки в его руках. Ложка возникла в ее пальцах сама собой, но девушка, в отличие от пристально следившего за ней мужчины, этого даже не заметила.

– Варенье с вареньем, – заметила она, не отрываясь следя за тем, как с щелчком открывается крышка и прямо перед ней оказывается баночка. И в тот же миг туда падает ложка, чтобы зачерпнуть тягучую сладкую массу и отправить ее в рот. Кажется, она даже глаза закрыла, наслаждаясь, и, если бы не снисходительный смешок, вырвавшийся у собеседника, Ани, пожалуй, могла бы и забыть, где находится.

– Простите, не хотел вам мешать. – Под ее обиженным взглядом Мортен примирительно поднял руки. – Сам я не большой любитель сладкого и не могу так искренне наслаждаться смесью сахара и ягод.

– Мне больше достанется. – Ани пожала плечами и зачерпнула еще, решив проявить милосердие. Болериан, помнится, тоже странно реагировал на ее внезапно открывшуюся любовь к варенью, но, зная, с кем имеет дело, остерегался так явно выражать свои чувства.

– Даже не претендую, – легко согласился уступить все запасы Мортен.

Он стоял напротив, по другую сторону стола, внимательно наблюдая за гостьей и пытаясь понять, зачем она пришла и так ли правдива его нечаянная догадка. Возможно ли такое, что Ее Темнейшество вот так запросто сидит на его кухне и ест самое дешевое клубничное варенье из лавки в конце улицы? Подобные мысли казались ему абсурдом, но ее заминка с ответом на вопрос о завтраке была слишком характерной. Ни один человек не стал бы размышлять над этим вопросом, а уж если и задумался, то перечислил бы названия любимых блюд, а не остановился на пространным – еда.

Обе баночки закончились слишком быстро. Ани для верности звякнула ложкой о дно и печально вздохнула. Пусть ей и нравилось варенье, но сейчас она ела его, практически не чувствуя вкуса. Просто это был повод оставаться наедине с Морьеном подольше и не искать иных причин.

– Желаете еще? – уточнил бывший слуга.

– А есть? – не слишком веря в удачу, переспросила девушка.

– Совсем немного. – Он поставил перед ней начатую банку и заметил, с каким облегчением гостя вцепилась в неожиданную находку. Впрочем, здесь варенье закончилось еще быстрее, оставляя после себя повисшую в воздухе неловкость и три пустые стеклянные банки. И если справиться с последними было легко, то победить первую...

– Ваш камзол. – Ани соскользнула с табурета и, убедившись, что не испачкала рук, протянула Морьену его вещь. – Спасибо, что поделились. И им, и вареньем, и... своим временем, – тихо добавила девушка, чувствуя, как ее ношу перехватывают чужие руки, и отступая на шаг. Сжала пальцы в кулаки и не глядя попросила: – Простите, что доставила вам столько проблем.

– Вы так часто извиняетесь, – заметил мужчина и сбросил сложенный камзол на стол, не слишком заботясь о его сохранности.

– Мне есть за что, – тихо призналась Ани. Она чувствовала себя виноватой, все возвращалась мыслями в первый день их знакомства и думала, что было бы, если бы она не потащила его за собой, не принудила пойти в Замок? Он ведь мог вернуться к жизни гораздо раньше, не потерял бы столько лет, успел бы влюбиться... На этом предположении, отзываясь на ее негодование, в глазах девушки вспыхнула тьма, и Ани пришлось еще ниже опустить взгляд, хотя, казалось бы, куда еще ниже: она и так разглядывала подол платья.

– Вы так жаждете моего прощения? – Ани почувствовала, как ее берут за руку и на контрасте с теплыми пальцами собеседника еще раз поняла, насколько они разные. А он словно бы задался целью свести на нет это различие, обеими ладонями пытаясь согреть ее холодную руку.

– Да, – признание далось легко. Она и не думала отрицать свою вину перед ним, потому и не отрицала жажду получить прощение. И не за варенье – за отнятые годы, которые не только заставила провести

подле себя, но и вынудила забыть. Пусть так и должно было быть лучше, но стало ли... И в этом была лишь ее вина.

– Тогда я прощаю вас, что бы вы ни совершили. – Ани моргнула, не веря своим ушам, и, подняв голову, перехватила взгляд собеседника. Несмотря на улыбку на губах, глаза Морьена были серьезными, сосредоточенными. Такими, будто и он говорил не о варенье. – Но при одном условии.

– Каком? – пересохшими губами спросила Ани.

– Сегодня вы не станете мне лгать, о чем бы я вас ни спросил.

Ани вздрогнула. Первое удивление сменилось отчаянием, после – надеждой, которая так же быстро померкла. Слишком серьезной была просьба для того, кто не знал, о чем просит. Слишком многое стояло на кону. Слишком...

– Согласна, – на одном дыхании, пока не передумала, пока не вспомнила о сотнях запретов и договоров, что связывали ее откровенность невесомыми, но крепкими путами, согласилась Ани и отступила, вызволяя свою руку из цепких пальцев собеседника. – Спрашивайте, – грустно предложила она, ожидая расстрельного вопроса тут же, но была не готова услышать:

– У меня есть всего один вопрос, но я задам его не сейчас.

– А когда?

– За три минуты до полуночи, – назначил срок собеседник и усмехнулся своим, недоступным Ани мыслям. – Или никогда.

– Значит, – Ани помедлила, размышляя, – до тех пор мне придется быть рядом, чтобы не пропустить ваш вопрос?

– Верно, – признался мужчина, улыбаясь. Довольно, открыто, тепло, будто ее предположение его порадовало.

– А где мы проведем этот день? – продолжила допытываться Ани, чувствуя странную дрожь в коленках, постепенно охватывавшую ее всю.

– Где пожелаете. Но мне кажется, этот город достаточно большой, чтобы мы могли провести весь день вне этих стен.

– Так и есть, – подтвердила Ани, не зная, плакать ей или смеяться. Ее желания сбывались одно за другим, и то, что могло привести к краху, пока дарило ей крылья. Она и не мечтала вновь провести с ним весь день. Не по ее приказу, противиться которому не могла ни одна

Тень, а по его желанию. По его собственному добровольному желанию, вторившему ее мечтам.

Но что-то не давало ей покоя. Ни когда они гуляли по набережной, ни когда кормили птиц честно купленными отрубями, ни когда расстелили на выгоревшей от солнца траве покрывало и принялись изучать содержимое корзинки «для прогулок», ни позже – когда солнце начало клониться к закату, а Ани проваливаться в тоску от предстоящей разлуки.

– Ночь уже совсем скоро... – протянула девушка, отсекая любые мысли о назначенной магистром встрече. В конце концов, она могла и не видеть послания, а его угроза... Ее Морьен сейчас был с ней, рядом, на расстоянии вытянутой руки, и никто и ничто не смогло бы причинить ему вред, не испросив у нее высочайшего позволения, которого она не собиралась давать. Ни сейчас, ни потом.

– Вы не любите ночь?

– Это ваш вопрос? – Ани печально вздохнула, не слишком веря в удачу. Посмотрела на собеседника, отмечая, как посерьезнело его лицо, и отвернулась.

Легкий ветер касался острых кончиков травы, и они покорно склонялись перед силами природы, даже не мысля о сопротивлении, с каким-то благоговейным шорохом подчиняясь чужой воле. Как люди. Как большинство из них...

– Нет, – Мортен говорил тихо, но оттого не менее весомо. – Просто наблюдение. Чем ниже клонится солнце, тем больше в вас печали.

– Тем ближе наше расставание, – пояснила Ани и вздохнула: – А мне не хочется прощаться. Твоя... ваша компания слишком притягательна, но срок назначен. – Она с тоской взглянула на напряженное лицо собеседника, грустно улыбнулась и добавила: – Я не знаю, о чем вы спросите и к чему приведет моя откровенность, которую я так неосмотрительно вам обещала, но едва ли после этого мы сможем вот так сидеть в поле и любоваться закатом.

– На все воля богов.

Ани вздрогнула, но повторила:

– На все их воля.

Она прикрыла глаза, чтобы проступившая тьма не вырвалась в мир: столько удовлетворения она испытала от признания своего

главенства над человеческой судьбой. И даже то маленькое обстоятельство, что речь шла не об одной лишь Ани, не способно было убавить удовольствия ее темной стороны. И, словно вторя ее чувствам, яркие багряные росчерки прочертили небо, окрашивая его в привычные Ани тона горизонта над Закатным Замком.

– Красиво, – оценил смену красок Мортен, краем глаза косясь на сидевшую рядом девушку. Она моргнула и едва заметно поморщилась, бросив один единственный взгляд на небо.

– Красиво, – согласилась она, избегая смотреть вверх, и тихо, еле слышно пробормотала: – Если видишь в первый раз.

Нахмурилась, сердито свела брови, и ночь начала стремительно захватывать небо. Слишком быстро для обычного осеннего дня, слишком решительно и неумолимо. Дерзко вспыхнули россыпи звезд, вызывая восхищенные вздохи у наблюдавших за резкой сменой времени суток зевак. Аркант, покидавший в этот самый миг пустой дом друга, удовлетворенно хмыкнул и отменил заказ столика. Магистр лучше других знал, в чьей власти было окрасить небо кровью, а после одним жестом скрыть ото всех.

– Вы не любите закатов, – скорее утвердительно, чем вопросительно заметил Мортен, поднимаясь с покрывала.

Ани покачала головой, подтверждая его вывод, а после приняла протянутую руку и, ухватившись, поднялась. Тьма скрывала их лица, в поле за городской чертой не было ни единого источника света, кроме луны. И девушке больше не нужно было следить за выражением своего лица, но она видела, как напряжены плечи ее собеседника, как он хмурится, касаясь ее пальцев, как высокий лоб прочерчивает решительная линия. Видела и сжимала пальцы свободной руки, чтобы не задать вопрос.

«Три минуты до полуночи, – повторяла Ани себе. – Срок этой иллюзии. Три минуты до полуночи».

Ей хотелось и вовсе отменить время, заставить его обратиться вспять, чтобы этот день повторялся вновь и вновь. И она даже могла такое устроить: пусть не в этом мире – в своем, но... чем тогда она будет отличаться от своих коллег?

– Вернемся в город? – предложил Мортен, вклиниваясь в водоворот охвативших ее сомнений.

– Хорошо, – меланхолично ответила девушка. Слабой улыбкой, которой она ответила на легкое пожатие ее пальцев, Мортен не видел.

В четыре руки они собирали тарелочки, складывали в корзинку салфетки. Не все – одна затерялась в траве. И пусть Ани видела, где та лежит, не стала ее поднимать. Действовать на ощупь оказалось интересно и волнительно, особенно когда их руки встречались и, замерев на мгновение, пальцы ласково касались кожи, словно бы извиняясь, но в то же время и даря обещание на новую встречу.

По дороге в город они молчали. Ани с тоской встречала каждый шаг, ведь он приближал их разлуку. Поэтому она не спешила. Не спешил и Мортен, аккуратно придерживая спутницу за талию, готовый подхватить, если она оступится. Но Ани будто и не замечала препятствий. Впрочем, и сам бывший маг с удивительной легкостью ориентировался в темноте. Не видя, а именно чувствуя, где что находится.

Появление мигающих огнями городских ворот стало пусть и ожидаемым, но неприятным открытием. Мортен прищурился, привыкая к яркому свету. Ани недовольно поморщилась, убирая тьму из взгляда и отмечая, что казаться человеком с каждой минутой становится все сложнее. Приходилось контролировать каждый шаг, чтобы случайно не выпасть на границу, где нет никаких волнений, все знакомо, привычно и подчинено ее желанию.

– Кто такие? – недовольный окрик встретил их у самой решетки.

Блеснула молчаливая, но такая многозначная золотая монета, предлагая стражнику выбрать: долг или прибавка к жалованью. Увы, желания стража возобладали над служением за оклад. Мужик оглянулся, не видит ли кто, и услужливо распахнул дверцу в решетке. В отличие от подъемного механизма, каждое утро будившего всех окрестных жителей, вход для контрабандных посетителей не скрипнул ни одной петлей.

– Пойдите прочь, – приказал подбровший, но все еще достаточно суровый стражник и махнул казенной алебардой, чуть не оцарапав дугу над головой.

Ни Ани, ни Мортен спорить не стали. Миновали арку, оставляя позади городские стены, свернули за угол и неторопливо – они никуда не спешили – направились к академии. Мимо людных в любое время дня и ночи Золотого квартала и Пляшущих Огней. Мимо тихих улочек

на окраине, где бурлила жизнь городского подполья, делившего неучтенные в декларации бочки вина и право собирать «налоги» с ночных заведений.

Мимо высаженных в чью-то годовщину платанов в городском парке, где днем было не протолкнуться, но ночью пустовали все скамейки.

– Вы решили меня проводить? – Чуть вздернула брови девушка, когда впереди показались знакомые очертания.

– Разумеется, – позволил себе улыбку мужчина. – Красивой девушке не стоит бродить в одиночестве по ночам.

– Даже если она маг? – уточнила Ани, хватаясь за возможность хоть немного сменить тему. Она даже остановилась, чтобы отсрочить их неминуемое прощание и вопрос. Последний волновал ее больше всего. Мысли роились, подбрасывая ей все новые и новые варианты. Она обещала ответить честно, о чем бы он ни спросил, и должна была сдержать обещание. Нет, не из-за кары – ей подобное не грозило, но из-за обещания.

– Даже если так, – подтвердил Мортен, останавливаясь, как и его спутница, и пытаясь перехватить ее взгляд. Тщетно. Ани упрямо смотрела в сторону. В те же редкие мгновения, когда в поле ее зрения оказывался собеседник, девушка недовольно поджимала губы.

– Я вам неприятен?

– Это ваш вопрос? – переспросила Ани, поднимая на него взгляд, полный надежды. «Неужели обошлось?» – мелькнуло произвольное, но вся радость потухла, стоило заметить, как Мортен отрицательно качнул головой. – Жаль.

– Но мне важно узнать и на него ответ, – признался мужчина и первым сел на чистую после теплого выходного скамейку. Ани опустилась рядом, не чувствуя ни ночного холода, ни тепла, исходящего от ее спутника.

– Сказать, что вы мне неприятны, было бы ложью, – тихо проговорила Ани. Так тихо, что ее голос практически утонул в шелесте осыпающейся листвы.

Увы, никто из них не испытал облегчения после этих слов. Лоб Мортена прочертила глубокая морщина, а Ани почувствовала, как с новой силой сжимает ее сердце тоска. Будто она была не карающим

божеством, а обычной смертной, обреченной на страдания одним лишь фактом рождения.

– И мне не жаль, что забрала у вас весь этот день, – поправ вежливость, заявила Ани и зло добавила, будто спорила с кем-то: – И поступила бы так же, даже будь у меня возможность изменить этот день!

– А разве ее у вас нет? – Нарочито спокойный вопрос отозвался в Ани мучительной болью. Она вскинула голову, повернувшись к собеседнику, и встретила его выжидающий, серьезный взгляд. В нем не было страха или предвкушения, скорее – сожаление и совсем немного недоверия, будто у него были веские основания не сомневаться в собственных словах.

– Таков ваш вопрос? – Из голоса Ани ушли все краски.

– Верно.

Ани прикрыла глаза, удерживая равновесие вонючей тьме. Яростную, жгучую, желющую во что бы то ни стало стереть с лица земли то, что заставляет ее госпожу – ее саму – корчиться от невозможной боли и тоски, забывая свои первоначальные свойства. Вспышкам ярости вторил колокольный звон, отмечая полночь. Звук стал для нее спасательным буйком, якорем реальности, и Ани смогла удержаться.

– Отчасти вы правы, – сухо ответила девушка на повисший в тишине вопрос. Даже отголосков эмоций не осталось в ее голосе. Он был холоден, как северный ветер Лиера, промчавшийся мимо горных пиков. Но лучше так, чем разрушенный город. Он ведь любил его...

– Лишь отчасти?

– Обернуть время вспять не способен никто. Ни смертный, ни бог, как бы мы этого ни желали. – Ани посмотрела на собеседника и не смогла удержаться от сожаления. Тяжело вздохнула, усмехнулась собственной реакции и добавила: – Допущенные ошибки можно лишь исправить, если они уже совершены.

– Мной? – Мортен ощутило напрягся.

– Мной, – Ани покачала головой и поднялась. Внутри все протестовало, требовало остаться на месте, попытаться объяснить, повлиять... Но тщетно. Бесполезно пытаться помочь тому, кто не просит помощи, как и тому, кто отказывается ее принимать. –

Благодарю за этот день. – Она присела в реверансе, избегая смотреть на собеседника. – Я запомню ваше великодушие.

– Скорее – мой эгоизм.

Ани вздрогнула от неожиданного признания. Качнула головой, словно желала освободиться от наваждения, пусть оно и не могло властвовать над ней, отступила на шаг... Сделать второй она не успела.

Мортен... Нет, ее Морьен решительно поднялся и, игнорируя полный удивления взгляд девушки, бережно ее обнял. Ани замерла, не зная, как себя вести. Мысли роились в голове, а в глазах собеседника она не могла найти ответа. Что он хочет сделать? Догадался ли?

– Оставайтесь, – словно сам себе не верил, выдохнул мужчина. – И простите мне мою дерзость.

Ани не успела спросить, в чем эта самая дерзость проявляется, а после ей стало не до слов. Как и ему.

Он целовал ее, не обращая внимания на исходивший от нее холод, сжимал в объятиях, будто имел на это полное право. Позволил себе забыть все, что ему говорили о ней. Остались только чувства и девушка, что, казалось, начала отогреваться в его объятиях. Или это он начал замерзать?

Промозглый ночной воздух наполнился запахом влаги. Шумел ветер, подгоняя неповоротливую тучу. Первые капли осеннего холодного дождя забарабанили по дорожкам. Еще немного – и стихия настигнет задержавшихся в парке гостей.

Впрочем, Ани не было дела до чужих желаний. Тьма наконец-то получила выход, растягиваясь над головами воплощения и ее бывшего слуги и закрывая их от воды.

– Снова дождь... – сорвалось с губ Мора. Он смотрел на свою спутницу не отрываясь и, пусть не мог видеть ее глаз, знал, что она не сводит с него взгляда.

– Снова... – эхом повторила Ани.

Капли падали на импровизированный зонтик, разбивались на десятки осколков, обдавая кожу водной дымкой.

– Я заслужил кару? – тихо уточнил Мор, не размыкая объятий, но Ани не собиралась никуда уходить, напротив – позволила себе чуточку больше, прислонившись щекой к твердой мужской груди и слушая биение сердца.

– Нет, – призналась она. – Ты и есть кара. Моя кара.

– И я все еще жив? – равнодушно, словно речь шла об открытии очередной одежной лавки, уточнил Мор.

– Именно поэтому и жив, – устало подтвердила Хозяйка Замка, не разрешая себе даже обнять собеседника в ответ. Слишком сильным было в ней желание обладать, и Ани боялась, что не удержится, не сможет снова отпустить, обняв его в ответ.

Он не стал бросаться угрозами или обещаниями, не стал отстраняться или сжимать объятия, желая переломать кости воплощению, только тихо осведомился:

– Кем я был для вас?

Ани грустно усмехнулась, отмечая, что Мор продолжает звать ее на «вы», будто и не целовал снова.

– Слугой? Другом? Проклятием?

Она не хотела ему лгать, но и признаться было слишком тяжело. Опасно для города, опасно для нее самой, опасно для ее Морьена, который находился чересчур близко, чтобы получившая отказ тьма не разрушила его в ответ на причиненную Ани боль.

– А кем для меня были вы?

Он прижал ее крепче к груди, зарылся носом во влажные от разлившихся в воздухе дождевых брызг волосы и напряженно ждал ответа. Ани молчала: она не знала ответа на этот вопрос, ни разу не рискнула его задать, спасая себя от неприятного откровения.

– Я не знаю.

Ани ожидала всякого – что Мор отступит сейчас, негодуяще подожмет губы или прикажет больше не появляться в его жизни, – но не была готова к виноватому:

– Жаль, что я не осмелился вам сказать.

– Тебе, – поправила Ани, попирая все заповеди и дозволяя смертному, определенно осведомленному о том, с кем он разговаривает, небывалую для человека дерзость, низводя себя до его уровня даже в речи.

– Я не смею...

– Я приказываю, – упрямо заявила Ани.

– Смирненно принимаю вашу волю. – Мужчина отстранился и, встав на одно колено, как присягавшие на верность храму жрецы, склонил голову.

– Поднимитесь, – поморщилась Ани, протягивая собеседнику ладонь, чтобы тот мог ухватиться. Мужчина отрицательно покачал головой.

– Не после оказанной чести, – заметил он. – И не тогда, когда моя госпожа обращается ко мне, будто к коронованной особе.

– У королей нет таких привилегий, – зачем-то сообщила Ани.

– Тогда чем я их заслужил?

Он смотрел на нее выжидающе, без тени улыбки, напряженно. И Ани сдалась, прикрыла веки и тихо призналась, понимая, что он не отпустит ее без однозначного ответа, а сама она не сможет уйти, пока он рядом и готов слушать.

– Беззаветной преданностью, самоубийственной честностью, болезненной необходимостью... – Ани говорила, а память с услужливостью палача подсовывала ей их общие сцены: знакомство, уничтожение розовых кустов, недовольство остальных слуг, когда новичок начал брать на себя слишком многое, их прогулку по Рейнсу...

– Если все так, – Мор поднялся и шагнул вперед, сокращая расстояние между ними, – за что я был изгнан?

Капли стекали по стеклу, закрывая от стоявшего по ту сторону от беснующейся стихии улицу. Одни лишь смазанные пятна – все, что было доступно праздному наблюдателю, покинувшему постель ранним утром второго выходного. Таковых было немного – даже лавочки отсыпались после тяжелого трудового вечера. Большинство же тех, кто тоскливо следил за потоками воды, решившими вымыть окна, очистить от голубинового помета скульптуры и поднять уровень реки, большинство из них еще не ложились. Мортен был в их числе.

Мужчина сидел в кресле, задумчиво всматриваясь в преломления рассветных бликов в водных потоках. Не стал он подниматься, и когда хлопнула входная дверь, знаменуя приход раннего и неожиданного гостя. Приближающиеся шаги лишь вызвали гримасу раздражения на лице хозяина дома.

– Ты все еще жив? – За притворным удивлением в голосе Арканта слышалось облегчение.

– Как видишь, – хмыкнул Мортен, переводя взгляд на гостя. – Ты потому пришел так рано, что опасался не застать меня на этом свете?

– От вас всего можно было ожидать, – поморщился магистр.

– От нас? – Мортен вздернул брови.

– От тебя и Ани, – подтвердил Аркант, проходя вдоль книжного шкафа. Губы мага двигались, словно он зачитывал названия с корешков. Наконец пальцы его остановились на одном из томов, и маг с усилием вынул тонкую книжицу. – Я одолжу?

– Бери, – не глядя, позволил Мортен.

– Так просто? – Аркант присел на край стола. Пустого, будто он занимал почетное место в кабинете лишь из-за традиций. – И ты не спросишь у меня, когда я намереваюсь ее вернуть?

– Когда-нибудь определенно вернешь, – пожал плечами маг. Бросил быстрый взгляд на обложку и хмыкнул. – Зачем тебе «Верования южных клердов»?

– Не мне, Трина просила.

– Она могла бы взять их сама.

– Вы расстались, – напомнил Аркант, отбивая незнакомый Мортену ритм на книжице. – Она не хочет лишний раз с тобой пересекаться. – Маг нахмурился и, оставив том на столе, подошел вплотную к другу. – У тебя жар, – приложив ладонь ко лбу собеседника, заметил магистр. – Гулял под дождем? Мор, ты больше не одаренный, рисковать собой для тебя...

– ...бесполезное дело, – грустно усмехнулся Мортен и пояснил: – Мне прямо сказали, что не ждут в Закатном Замке до скончания века.

– Вы поссорились? – Напряжения в голосе Арканта ощутимо прибавилось. Он перешел на иное зрение, изучая ауру друга, но не нашел ничего, что могло бы угрожать жизни. Разумеется, если не считать крайней степени истощения. – Мор, если мое мнение хоть что-то для тебя значит, не встречайся с ней больше. Твоя аура... Ани забирает у тебя слишком много.

– Не она забирает, – поправил его бывший маг и в ответ на недоуменный взгляд пояснил: – Я отдаю.

– Зачем? – Аркант неодобрительно повел плечами, порывисто поднялся, нахмурился, вспоминая, где держит восстанавливающее зелье, и запустил руку в собственные закрома, выдергивая, казалось, прямо из воздуха бутылку с мутной коричневой жидкостью. Щелкнул пальцами, перенося стакан прямо из кухни, недовольно поморщился,

когда на столе появились гладкие осколки, и немного исправил исходную точку.

– Хочешь оставить меня без посуды? – спокойно заметил Мортен, обреченно ожидая, когда друг угомонится и оставит его в покое. Ему было о чем подумать и в одиночестве, метания же Арканта отвлекали, не давали уйти в глубь себя, вновь и вновь переживая и осмысливая минувшую ночь.

– Пей, – приказал темный, протягивая пухлую кружку. – Залпом, иначе вырвет, – напомнил маг. Мортен вздохнул, но послушно осушил кружку. Жидкий огонь хлынул по горлу, обжигая все, до чего мог дотянуться. Сухой кашель сотряс кабинет.

– Ничего, скоро пройдет. Сам знаешь. – Мортен не ответил, продолжая кашлять. – Прости, но другого выхода не было. Чары на тебя с некоторых пор не действуют, а алхимия редко бывает приятной.

– Знаю, – раздраженно буркнул хозяин дома и вновь закашлялся.

– Помолчи пока, – дождавшись паузы в кашле, приказал Аркант. – И послушай. Я не просто так решил проведать тебя этим утром. Если твоя память еще хранит воспоминания об академии, ты должен помнить, что близкое соседство с сущностями влияет на мир, и в том числе на людей. Обычно мы получаем выгоду от подобного соседства: наш дар усиливается, ритуалы, связанные с покровителем, в его присутствии проходят без лишних усилий, неодаренные получают крохи силы, продлевая собственное существование. Но это верно для обычных людей, ты же, – Аркант поморщился, будто предстоявшее откровение вызывало в нем ощущения сродни зубной боли, – отдаешь ей остатки своей энергии. Рядом с ней ты умираешь, Мор. Быстро и неотвратно.

– И как ты об этом узнал? – Тон, каким Мортен задал свой вопрос, был сухим и холодным, но ни капли не удивленным.

– Ты знал. – Нервный смешок сорвался с губ магистра.

– Ответь. На мой. Вопрос, – резко потребовал хозяин дома, и Аркант признался:

– Она сказала.

Дом магистра находился на противоположной академии окраине. Аркант не любил случайных встреч, но еще более ненавидел неслучайные. Правда, в последнем случае нежданный гость имел все

шансы прочувствовать недовольство хозяина, в чей дом ввалились без приглашения.

Впрочем, Ани не собиралась спрашивать дозволения у слуги, что так часто переходил границы дозволенного. Хотя... вышла она не в самом доме, где в эту ночь пребывал магистр, а чуть поодаль: получилось – во внутреннем дворике. Небольшом, окруженном с трех сторон стенами дома, а с четвертой высокой кованной оградой, которая едва-едва проглядывалась через угрожающие заросли боярышника. В самом же дворике было на удивление уютно. Трава была равномерно подстрижена и не достигала и щиколотки, сквозь ее ковер кое-где проглядывали кустики земляники. Рядом с домом, привалившись к стене и под защитой балкона, стояло потрепанное деревянное кресло с плетеными сиденьем и спинкой. По правую руку – высокий столик. Довольно старый – время успело оставить на нем свои следы: разлившийся коньяк окрасил пятнами некогда светлую столешницу, ныне выжженную в нескольких местах чьей-то неловкой рукой. Ножка столика не избежала трещин, как и поверхность острых сколов. Неприятный, неудобный столик. Обычно от таких избавлялись, но во внутреннем дворике магистра он стоял уже несколько лет.

– Вы сентиментальны, магистр, – хмыкнула Ани, проведя пальцами по запылившейся столешнице и проглядывая самые острые ее воспоминания. Да, несмотря на свою неодушевленность, как было принято считать, каждый предмет, что был дорог своему владельцу, хранил частичку его памяти, тех моментов, свидетелем которых он был, и Ани не удержалась от любопытства.

– Я ждал вас раньше, – недовольно заметил маг, выходя из задней двери и останавливаясь у пустующего кресла. Поморщился, перехватив задумчивый взгляд Ани, и раздраженно заметил: – Не вам меня судить и жалеть.

– И не собиралась, – пожала плечами Ани, отходя на шаг от хранившего не самые приятные для магистра воспоминания предмета. Впрочем, по какой-то причине тот не стал избавляться от улик. Не верил, что когда-то придется ответить за совершенное в юности? Или просто знал это? Личный друг его высочества, выдающийся маг, не сядет на скамью подсудимых из-за мелочей. – Не знала просто, что ты так рано начал приносить дары на мой алтарь.

– Считайте, это было первым подношением, – раздраженно отозвался маг, скрестил на груди руки и выжидающе посмотрел на гостью: – Чем могу быть вам полезен этой ночью? Мне казалось, вы проведете ее не со мной.

– Ночь уже на исходе, – мрачно и, казалось бы, не слишком уместно заметила Ани. Взгляд ее изменился: из печального, чем-то глубоко озабоченного стал острым и злым. Впрочем, и эта метаморфоза быстро исчезла, оставляя после себя спокойное лицо каменной статуи, а не живое человеческое. Все черты лица девушки застыли, и только губы продолжали шевелиться. Хотя, по правде говоря, в этом не было необходимости. Аркант услышал бы ее желания, даже не будь они произнесены вслух.

– И вы пришли ко мне, – повторил замечание магистр, не меняя позы.

– Вас не жалко, – честно призналась Ани.

– Не сказать, что я польщен этим известием, – хмыкнул собеседник и добавил: – Так чем могу быть вам полезен? В противном случае едва ли я бы удостоился чести видеть вас на своем пороге.

– Это сад, – поморщилась девушка, не желая признавать правоту собеседника, прикрыла глаза, словно будущая откровенность стоила ей многого, и спросила: – Почему он умирает?

– Что? – Аркант даже руки опустил от удивления. – Кто?

– Мор, – печально пояснила Ани и плюхнулась в кресло. Отчего-то ей не хотелось видеть взгляд собеседника. Тот лишь усиливал охватывающие ее при мыслях о скорой кончине бывшего слуги чувства. Вина, тоска, гнев, порой ярость... Она не могла смириться, что так действует на Мора, а потому пришла за советом. Пусть и не готова была признать для самой себя, что ищет поддержки у простого смертного.

– Вы уверены? – Голос Арканта даже не дрогнул, звуча уверенно и спокойно, но не без исследовательского любопытства. Ани с трудом удержалась от мелкой пакости, такой несправедливой ей показалась реакция мужчины.

– Да. Чем больше времени мы проводим рядом, тем сильнее истончается его аура и, – Ани обняла себя за плечи, – теплее мне рядом с ним. Он замерзает, даже не замечая этого, отдает крохи

своей жизненной силы мне. Ты не отдаешь, а он отдает! – не без обиды заметила девушка, опуская руки и поворачиваясь к собеседнику.

Аркант удержался от комментария, раздумывая о чем-то. Хмыкнул и под тяжелым, обещающим по меньшей мере могильную плиту взглядом начал объяснять:

– Его дар больше не принадлежит ему, верно? – Ани молча кивнула и коснулась груди, заставляя Нема заворочаться и выпустить когти. – Он отдал его вам? – Снова кивок. – А вы забирали у него свои подарки? – Ани отрицательно качнула головой. – Кем он был?

– Тенью, – тоскливо отозвалась Хозяйка Замка. – Моим слугой.

– Что собой представляет дар Тени? – уточнил магистр, не отказывая себе в научном интересе в том числе.

Ани задумалась. Даже лоб наморщила, хоть и не заметила этого.

– Они получают часть моей силы. Лабиринт больше не сдерживает их, пропуская через все двери. Они могут проводить любую из душ, отдают собранную силу мне напрямую. – На последних словах Ани потемнела лицом. – Но он ведь человек. И дара у него не осталось. Он и так его мне отдал.

– Но не отдал жизнь. Будет ли верным мое предположение, что все Тени – души, попавшие в Лабиринт. – Ани нехотя кивнула, подтверждая очевидное. – Их жизнь и так уже ваша, и отдавать свое они более не могут – лишь забирать чужое. А Мор, как вы заметили, нашими с вами усилиями жив. И связан с вами обещанием. Тени ведь не просто так получают вашу благосклонность?

– Я не могу забрать у него этот дар, – обреченно призналась Ани. – Его сила к нему более не вернется, не после добровольного отказа. А перестань он быть слугой... Маги, лишённые силы, живут недолго, а я не хочу видеть его в Лабиринтах. – Она закрыла глаза, откинувшись на спинку кресла и, словно забыв о присутствии постороннего, начала размышлять вслух: – Он не заслуживает кары. Одним из Тех... он не станет. – Поджала недовольно губы. – Забрать его?.. Нет, не стану. Но худшей кары нет... Но пока я рядом...

Ани медленно выдохнула. Шумно, зло, обреченно...

– Мне придется уйти, – тихо сказала она магистру, открывая глаза и поднимаясь. – Пока я здесь, мы неминуемо встретимся. Не по его воле, так по моей.

– И вы бросите другую свою слугу? – Аркант неожиданно заступил ей дорогу.

– Ей ничего более не грозит. А Тени – присмотрят, – помедлив, проговорила Ани. Впрочем, не слишком уверенно.

– Вы никогда не спрашиваете у тех, за кого решаете, чего они хотят?

– Как и ты, – хмыкнула девушка. – Столько лет поддерживать его тело живым ценой чужих жизней.

– И я готов признать свою ошибку.

– Ошибку в чем? Считаешь, ему было лучше не возвращаться?

– Ему было лучше не умирать, – отрезал Аркант, – а мне – отпустить его, когда необходимость в помолвке канула в Лабиринт вместе с навязчивым ухажером двоюродной сестры.

– Люди часто допускают ошибки, – криво усмехнулась Ани.

– Видимо, как и боги, – практически подписал себе смертный приговор Аркант, спокойно выдержал разъяренный взгляд своей гостыи и бровью не повел, когда носом хлынула кровь, и лишь извлек из воздуха салфетку, закрепил за воротник, чтобы не запачкать рубашку, и продолжил выжидающе смотреть.

– О наших ошибках людям неизвестно. – Ани неохотно, но взяла себя в руки. Магистр призвал еще один платок и стер с губ собственную кровь.

– Но это не избавляет вас от них, – заметил темный.

– Вы ходите по грани, магистр. И я не скажу вам, когда вы сорветесь.

– Полагаю, не сегодня, – усмехнулся маг. – Раз уж я все еще жив. – Ани недовольно поморщилась и отвернулась. – Не рубите с плеча. Верно, я не ошибусь, если предположу, что решение вернуть Мора к жизни было таким же импульсивным, как и сейчас – сбежать. Дайте себе время подумать и взвесить все «за» и «против».

– Но пока я рядом – он умирает.

– Он уедет, – пообещал Аркант. – Куда-то в Лиер, вместе с его высочеством. Я дам вам обоим время все обдумать.

– Звучит не слишком почтительно.

– Зато верно. Один раз вы уже совершили ошибку, и только вам решать, повторите ли вы ее.

– И я должен тебе поверить? – Голос Мортена разорвал воспоминание Арканта. Магистр хмыкнул и покосился на недовольного друга.

– Да, – кивнул он. – Как и уехать из города.

– К матери я не поеду.

– Поедешь в Лиер, как и хотел. – Примирительно поднял руки гость. – Обдумаешь, готов ли ты попрощаться с жизнью и ее возможностями ради пары дней с Хозяйкой Замка. Или, думаешь, ты не очередное ее увлечение?

– Даже если и так...

– Ты изменился, – заметил магистр, опираясь ладонями на край стола и с грустью глядя на друга. – Раньше ты предпочитал все взвесить, прежде чем прыгать в бушующий поток, не зная даже, куда тебя вынесет течение.

– Просто мне больше нечего терять, – Мортен усмехнулся. – Не считаешь же ты этот дом чем-то, чем я должен дорожить? Я не хочу быть призраком прошлого, отблеском былой славы, не хочу видеть сочувствие и чувствовать жалость.

– Остайся в Лиере, – предложил Аркант. – Его высочеству понадобятся верные люди, а там тебя никто не знает. Чем не выход? Начнешь все с чистого листа.

Мортен отрицательно покачал головой.

– Я вернусь, – пообещал он. – Уеду, раз собирался и ты так на этом настаиваешь, но вернусь. И если моя судьба – уйти за ней в Лабиринт, я приму это.

– Если она тебе это позволит.

Мортен упрямо поджал губы.

Ответ 5. Безысходность

Академия готовилась к празднику. Неофициальному, скорее, напротив – тщательно законспирированному, но оттого не менее известному. Преподаватели закатывали глаза и обменивались понимающими взглядами друг с другом, зная, что придется отказаться от выходного, чтобы к утру им было куда ходить на работу. Адепты... Здесь все зависело от курса. Первокурсники с трепетом ожидали предстоящие выходные, гадая, чем обернется их посвящение, какое задание они получают от своих старших коллег и будут ли те милосердны в своих пожеланиях. Второкурсники радостно отвечали: «Нет», – и припоминали события собственного посвящения. С дрожью и трепетом предвкушая грядущее развлечение и рассчитывая, что этот год сотрет в памяти окружающих их собственные позорные минуты. Увы, снисходительные усмешки старших лишали их этой призрачной надежды. И только выпускники были спокойны: языкастых зрителей их собственного испытания в академии не осталось. За исключением, разумеется, преподавателей, но те предпочитали вспоминать особенно выдающиеся моменты той ночи лишь с коллегами, посмеиваясь и успокаивая нервы после очередной выходки стремящихся отсрочить взрослую жизнь адептов.

Доминика волновалась. Даже пребывавшая в тоскливой задумчивости Ани видела, как с каждым днем слуга становится все нервнее, не может унять дрожь в коленках или заставить пальцы остановиться в исполнении замысловатой мелодии.

– Тебе нечего бояться, – заметила Ани, когда они возвращались в общежитие после боевой магии. Их отпустили немного раньше, а потому они решили сбросить вещи в комнате, не желая идти с лишней поклажей в столовую.

– Я боюсь не за себя, – помедлив, призналась Доминика.

Они перешагнули порог общежития, кивнули приветливо коменданту и начали восхождение вверх, на третий этаж, где обитали.

– А за кого? – уточнила Ани. – За меня бояться глупо.

– За остальных, – покачала головой Доминика. – Вас ведь тоже захотят испытать. Это традиция. Да и я последнее время не отличаюсь

спокойствием. Вдруг не смогу сдержаться...

– Невелика потеря будет, – хмыкнула Ани. – Если на выпускном курсе они не могут справиться с выбросом сил первокурсницы, то за стенами академии им нечего делать. Или, думаешь, просочившиеся сквозь границу кошмары будут снисходительны к вчерашним выпускникам? Вовсе нет. Поэтому, – она понизила голос, – я, наоборот, требую, чтобы ты действовала необдуманно и показала им все, на что способна испуганная первокурсница, когда от нее хотят не пойми чего. Пусть учатся формулировать, а после отвечать за свои поступки.

– Все равно мне беспокоит...

– А как беспокоит им? – фыркнула Ани, щелкая дверной ручкой и нос к носу оказываясь с недовольной Шаурией. – Добрый день?..

– Не слишком, – отозвались с дивана, и Карин медленно поднялась. Кивнула Доминике, обозначила книксен для Ани и пригласила к столу: – Завтра мы покидаем академию. К сожалению, дома необходимо наше постоянное присутствие.

Ани понукливо кивнула. Ей пояснение не требовалось. В отсутствие его высочества Валиара именно на Карин ложились его обязанности.

– Надеюсь, ты скоро сможешь вернуться, – сочувственно протянула Доминика и издала удивленный вздох. Столик в гостиной был полон разнообразных блюд. Прищурившись, Ани удовлетворенно отметила, что на всех тарелках, на обратной стороне, имеется печать дворцовой кухни.

– Хотелось бы, – тоскливо протянула Карин, но тут же взяла себя в руки и улыбнулась: – Прошу к столу. Пусть хоть этот скромный обед скрасит наше расставание. Чтобы оно было недолгим! – Принцесса подхватила наполненный янтарной жидкостью бокал и отпила.

– От твоего брата зависит, – тихо сказала Ани и, подойдя ближе, подняла такой же бокал. Принюхалась и усмехнулась. Яблочный сок, кажется. Нарушать правила и приносить в общежитие более крепкие напитки не рискнула даже принцесса. – Удачи пожелать не могу, это не мой профиль, – хмыкнула Ани, – но отсутствие дурных новостей, так и быть, обещаю. – Она отпила из бокала и вернула его на столик. – Приятного аппетита? – вздернув бровь, уточнила Ани и, получив подтверждающий кивок от Доминики, опустилась в свободное кресло. – Прощальный обед так прощальный обед.

Доминике ничего не оставалось, кроме как присоединиться к трапезе. То же самое следовало сделать и Шаурии, но девушка отчего-то предпочла взять лишь кусок пирога и вернуться к двери, словно кого-то ожидала.

Впрочем, спустя три четверти часа в их дверь действительно постучали и разобравшаяся с едой телохранительница, кивнув своей подопечной, отправилась открывать.

– Карин, Ури, меня прислали, чтобы... – Кириан замялся, рассмотрев, кто с интересом прислушивается к его словам, выглядывая из-за спины открывшей дверь девушки. – Ани?..

– Вы знакомы? – Карин прищурилась, переводя взгляд с темного на его покровительницу.

– Разумеется, да, – фыркнула Ани и заметила: – Ваше высочество, полагаю в последние минуты перед вашим отъездом мы можем обойтись и без лицедейства. Все в этой комнате знают, кто есть кто, так зачем ломать комедию, пытаюсь выдавать себя за других. Кириан, присоединяйся. Императорский повар не посрамил себя, а ты выглядишь едва ли не хуже, чем после возвращения с задания.

– Какого задания? – заинтересовалась принцесса.

– Моего, – отмахнулась Ани и тонко улыбнулась, разглядев на лице принцессы недовольство, сдобренное... ревностью? Это что же, ее высочество решила покуситься на ее слугу? – Император вряд ли одобрит... – протянула Ани, заставив обоих – и принцессу, и Кириана – вздрогнуть.

– Есть случаи, когда его одобрение не требуется, – заявила Карин, гордо вздернув подбородок. Правда, в ее глазах продолжала плескаться тревога. – Или *вы* против?

– О, что вы. – Ани демонстративно подняла руки, показывая окружающим пустые ладони. – Только лишь ради того, чтобы у коллеги голова болела, я одобрю любую вашу связь. Могу даже потомка под свое покровительство забрать, – размышляла Ани, игнорируя закашлявшегося Кириана. – Темный император – это будет прекрасно.

– Мой брат...

– Благополучно вернется, – одернула Карин Хозяйка Замка. – Нескоро, правда. Как бы тебе ни хотелось иного. Для воплощения духу нужно много сил и главное – желание. И пока оба условия не будут

выполнены, Альн-Ари не вернется. Но твой брат настойчив, как и все темные. – Ани отсалютовала бокалом. – Как и я. А значит, следующий император будет или темным, или темным со способностями воздушного мага. В любом случае моя власть лишь укрепитя, – закончила Ее Темнейшество и укоризненно взглянула на Кириана. – Ешь уже, терять слуг из-за их нерасторопности я не люблю.

И темному все же пришлось опуститься на диван и взять в руки тарелку, как бы неуютно он себя ни чувствовал под взглядами двух своих повелительниц.

Ани отпустила их лишь спустя час, когда вдоволь насладились повисшим за столом напряжением. Оно отвлекало. Глядя на оказавшихся неготовыми к ее откровениям Карин и Кириана, Ани хоть ненадолго, но отвлеклась от собственных нерадостных перспектив. Ей придется уйти, как бы ни убеждала Доминика, как бы ни искушал Аркант... Этот мир обойдется и без ее прямого присутствия. Обходился же сотни лет до этого, обойдется и в этот раз. А после – она вновь навестит эти места, если, конечно, у нее возникнет такое желание.

Ани тряхнула головой, отгоняя неприятные мысли о том, что через пару сотен лет все те, кто ей сейчас интересен, окажутся в ее полной доступности и по ту сторону границы.

– Идите уже, – приказала она, поднимаясь и игнорируя облегченные выдохи присутствующих. О принцессе и ее служанке можно было забыть: больше они не часть ее мира. А Кириан... Едва ли светлое семейство сможет его испортить, да и маловероятно, судя по окаменевшему после ее слов о потомке лицу, чтобы темный страж решился связать себя любыми узами с ее высочеством, пусть даже та ему и симпатизирует.

Следующий день не задался у многих. На первой паре никому из темных, за исключением менее подверженной перепадам настроения Хозяйки Замка, не удалось призвать силу. Впавшая в уныние Ани попросту не желала ни видеть, ни слышать радостных от очередного достижения адептов. Зато их кислые лица хоть немного заставляли ее приободриться.

– Все свободны, – бросил магистр спустя четверть часа бесплодных попыток. – Можете готовиться к следующему занятию.

Волна облегченных вздохов пронеслась среди адептов, и те, благодаря богов за неведомую удачу, унеслись повторять имена, любимые воплощения и способности антропоморфных духов Сахрана. Особое внимание магистр Эстельдхейм приказал уделить северным представителям вида. И если поначалу адепты не поняли, с чего такая честь была оказана северу, то после официального объявления об отбытии его высочества и вступления в силу императорского указа «О Лиере и иных северных провинциях», даже выпускники принялись штудировать записи в библиотеке. В ход шло все, что удавалось найти: этнография, лекарственные и ядовитые растения севера, фауна, локальные верования исчезнувших народов... Менее расторопным первокурсникам остались лишь лекции и две на весь поток монографии в читальном зале.

Проигнорировав приглашающий жест магистра, Ани ушла вслед за коллегами и вместе с ними уселась в читальном зале прямо на полу, слушая шепот Марка, которому доверили читать вслух перехваченную у светлых книгу. Увы, выцепить ее на перерывах было практически невозможно: во-первых, библиотекарь питал к коллегам по дару определенные теплые чувства, во-вторых, светлых просто было больше, и за пять минут до конца пары кто-то из них обязательно отпрашивался и исчезал среди книжных стеллажей, утаскивая все, что не вынесли старшекурсники, в оговоренное со своими место, куда вскоре набивалась вся группа. Разумеется, лишних мест для темных коллег там не находилось и приходилось подслушивать, выискивая среди охов-ахов и иных звуков, порожденных узостью проходов, крупницы информации.

Впрочем, Ани не прислушивалась к откровениям Клауса Штерке, зато призрак автора утирал скупые мужские слезы в количестве не меньшем ста штук, что охотно струились по дряблым щекам старика. Такого ажиотажа вокруг своей работы ему еще не доводилось видеть.

Звон колокола прервал napольное заседание, заставив всех торопливо подняться, отряхнуть брюки – из-за третьей пары с призывами никто не рискнул надевать платье или мантию, не зная, не придется ли побегать, уклоняясь от проявления недовольства приглашенного гостя – и, помолившись богам-покровителям, отправиться под дверь аудитории, где должен будет проходить контроль самостоятельной работы адепта. В народе – КоСРА, часто

превращавшаяся в устной речи в костер, сжигающий все надежды на повышенную стипендию, или косу, выкашивающую адептов вместе с допусками к экзаменам.

Ани хмыкнула и жестом подозвала знакомых призраков. Они с коллегами всегда приходили посмотреть на сдачу КоСРы, подпитываясь щедро струившейся вовне энергией. И если светлых магов Ани было не жаль, за попытку чересчур наглых обитателей границы присосаться к темным, те были отброшены подальше – на глубокие слои, где их ожидал унылый Хар.

– Первая пятерка, заходим. – Появление в коридоре магистра вызвало волну отступлений. Дверь, которой еще минуту назад грозило упасть под тяжестью прильнувших адептов, облегченно скрипнула. – Нет желающих?

Брови магистра угрожающе взлетели вверх.

– Есть, – сглотнув, хором ответили старосты и их заместители. По негласному правилу, именно они должны были первыми принимать на себя удары судьбы.

– Заходим, – удовлетворенно повторил маг и первым шагнул в аудиторию.

Стихий было ропот тут же вернул утраченные позиции, стоило Марку, шедшему последним, прикрыть за собой дверь. Не подпавшие под «призыв» добровольцы с облегчением отползли подальше от дверей и, спиной съехав по стеночке, зашелестели конспектами.

Ани, не торопившаяся отвечать, отошла в другой конец коридора. Она и оттуда чувствовала разлившуюся в воздухе нервозность, что так нравилась призракам. Возможно, позже, когда темные научатся не только интуитивно чувствовать, но и прозревать хотя бы верхние слои границы, призракам не останется чем поживиться, но пока именно первокурсники подпитывали бывших преподавателей академии, возвращая долги за своих предшественников.

– Госпожа? – обратился к Ани Матеуш Жольц, отделившийся от основной группы пирующих душ, и поправил сползший на глаза колпак. Девушка кивнула, разрешая продолжить. – Нужны ли вам наши скромные услуги?

– Нет, – Ани качнула головой, обвела взглядом коридор и остановилась, натолкнувшись на Доминику. Девушка традиционно последовала за ней, предпочитая слышать меньше предположений о

контрольной и больше – повторять материал. Увы, порой тщательное повторение только вредило. – Магистр определенно не питает сомнений на мой счет, потому едва ли станет рисковать. Присмотри лучше за Доминикой.

Последняя, услышав свое имя, отвлеклась от перечисления домашних божков и повела подбородком вверх, давая понять, что прислушивается к словам покровительницы. Нахмурилась, словно почувствовала что-то еще, и шепотом уточнила:

– Кроме нас здесь еще кто-то есть? – Ани поощрительно кивнула. – Где? – Хозяйка Замка отрицательно качнула головой, давая понять, что подсказок не будет, но Доминика отчего-то только обрадовалась. Прикрыла веки, повела носом, будто могла так, по запаху, найти скрывающегося призрака, и решительно повернулась к нему лицом. – Он же здесь?

– Все верно. – Ани подошла ближе и, скрестив руки, локтями оперлась на плечи слуги. Подумала и тихо добавила: – А сейчас его видишь? – И немного помогла Доминике, добавляя новую грань к ее дару. Девушка вздрогнула, заметив в локте от себя Жольца, но не отшатнулась.

– Я теперь всегда буду их видеть? – охрипшим от волнения голосом уточнила Доминика.

– Да. Разве что разгонишь их. Хотя обычно призраки не любят появляться на глазах тех, кто их видит. – Матеуш усиленно закивал, подтверждая слова Хозяйки. – Очень редко те, кому даровано их видеть, приходят к ним с миром.

– А как же остальные темные?

– Остальные темные колдуют или используют артефакты, но лиши их силы, сними «костыли» – и дальше своего носа они не увидят. Ты теперь такими условностями не связана.

– Но... зачем?

– Хочу, чтобы ты успешно закончила академию. Матеуш, – Ани кивнула на призрака, – тебе поможет...

– Я и сама...

– ...если тебе эта помощь потребуется, – закончила Ани и, привстав на цыпочки, разглядела, как выходит бледная Эльза. И как, не сказав налетевшим на нее коллегам ни слова, молча проталкивается к лестнице.

– Что это с ней? – проговорила Доминика, не рассчитывая на ответ, но Ани зевнула и пояснила:

– Когда читаешь послание к богу, духу или любой иной сущности, прежде чем вслух заявлять о даре или жертве, нужно хорошо подумать, действительно ли ты готов принести что-то на алтарь божества. У нее зарокотом день молчания стоит. Интересно, сама додумалась или жрец вас щадит?

Доминика промолчала, но плечи ее напряглись, а взгляд вновь утратил осмысленность. Она снова повторяла про себя имена.

Ани подошла ближе к двери, у которой в скорбном молчании адепты выбрасывали пальцами фигуры, решая, кто пойдет следующим. После выхода Эльзы никто не хотел быть добровольцем, чем Ани и воспользовалась, проскользнув мимо спорщиков и прикрыв за собой дверь.

– Тяните билет. – Магистр даже глаз от ведомости не оторвал, что-то там заполняя.

– Любой? – не удержалась от вопроса девушка и смогла в полной мере насладиться зрелищем уставшего, обреченно на нее посмотревшего магистра.

– Вам – точно любой, – хмыкнул он и положил на стол еще один билет. Пустой, в этом Ани не сомневалась.

– Возьму этот, – фыркнула она, игнорируя мечту любого адепта, и вытянула испещренный рунами лист. – Четвертый, – огласила она и прошла на освободившееся место, где ее уже ждали пустые листы, перья и чернильница. Карандаши также имелись. И даже цветные.

Что удивительно, оставшиеся представители первой пятерки даже голов не оторвали, чтобы посмотреть, кто к ним присоединился, скрипя перьями и двигая языками в такт. Ани хмыкнула и попробовала за ними повторить. Но то ли этот процесс доставлял удовольствие и помогал лучше формулировать мысли только людям, то ли она что-то делала не так, но спустя три минуты бесплодных попыток разгадать секрет танца языка сдалась и уткнулась в билет.

Вопросов было немного – всего пять, и, чтобы справиться с первыми двумя, не нужно было быть даже адептом академии. Собственное имя Ани вписывала с мрачным удовлетворением, закручивая хвостики букв на манер древнего письма, имя же светлого коллеги нарочно указала с ошибкой, вместо Кардалиса написав

Каралис, как его за глаза называли те, кто мог себе это позволить. Не смертные, разумеется. Людям гневливый бог подобного святотатства не спустил был.

Третий вопрос предлагал вспомнить дары, возлагаемые на алтарь стихийных духов, и Ани с удовольствием перечисляла такие мелочи, как пыль, цветущая вода, искореженный ветром ловец снов и уголь. Не любила Хозяйка Замка духов – впрочем, как и те ее.

Четвертым пунктом шел гимн Каалисе, и, вписывая в пропуски совсем не те определения, что там должны были быть, Ани поймала себя на том, что корпит над листом точно так же, как и остальные, помогая себе кончиком языка. Хмыкнула удовлетворенно и продолжила писать коллеге гадости, чувствуя, как стремительно улучшается настроение.

Последнее, пятое задание, заставило Ани недоуменно свести брови и осуждающе воззриться на магистра. Призвать бога-покровителя хоть на мгновение – задача сама по себе нелегкая для того, кто не ведет от него свой род, но даже если адепт и справится с задачей... Бог, оторванный от своих дел ради какой-то контрольной, едва ли простит чересчур наглое воришку. Или дело в другом?

Интересно, как поступила Эльза, что на лицах остальных ни кровинки не осталось, словно у обреченных на смерть. Хмыкнув, Ани решительно поднялась, давая коллегам еще пару минут мучиться неизвестностью.

Исписанный лист лег перед магистром, и светлый не замедлил его взять. Ани тем временем уселась напротив и решила последовать примеру скучающего магистра Маленвера.

Увы, ногти не поведали ей вековых тайн, разве что указали: она слегка увлеклась. Чернильные пятна уродовали кожу, и Ани приняла меры.

Магистр хмыкнул, закончив с чтением, и, сложив лист вчетверо, сунул в карман мантии.

– Сохраню для потомков, – кивнул он, поясняя свои действия.

– И много у вас подобных раритетов? – полюбопытствовала Ани, переводя взгляд на старого мага. А ведь он действительно был стар, если не сказать древен, и сейчас, изучая его в упор, не отвлекаясь на посторонних, Ани поняла, кажется, даже больше, чем хотелось бы ее светлому коллеге.

– Достаточно собралось, – уклончиво ответил магистр и сменил тему, щелчком пальцев воздвигая между ними и прислушивавшимися адептами барьер: – Незачем им знать подробности. Пятое задание?

– Считайте, что я отказалась его выполнять, – фыркнула девушка.

– И почему же? Позвольте мне усомниться в том, что для вас это представляет сложности.

– Вовсе нет, – подтвердила Ани, поднимаясь. – Я всегда могу потребовать их присутствия, но для человека глупо привлекать внимание бога ради такой мелочи, как контрольная. Полагаю, вы и не ждете, что кто-то рискнет.

– Некоторые пробуют, – заметил жрец. – Приходится их останавливать.

– Но они об этом не знают? – Ани кивнула на кусавших губы адептов.

– Разумеется. Пусть пятое задание для всех и одно, разум у каждого из них свой. Они не видят, что сейчас здесь происходит, могут только догадываться.

– А Эльза стала призывать Далиса? – Ани не удержалась от вопроса.

– Нет, – хмыкнул бывший жрец, и если Ани права, он успел побывать за свою длинную жизнь не только служителем бога.

– Но все решили, что да, – оскалилась Ани. – И предок ее за это наградил немотой.

– Никто из нас не властен над чужими заблуждениями, но я бы просил вас не портить моей игры, – заметил магистр Эстельдхейм и, разрушив собственный барьер, громко сообщил: – Все задания засчитаны. Можете быть свободны.

Ани молча кивнула и последовала примеру Эльзы. Не говоря ни слова, протиснулась сквозь обступивших ее коллег и ушла на лестницу.

– Позови мне Доминику, – приказала Ани первому рискнувшему попасться ей на глаза призраку.

– Она в аудиторию зашла, – боязливо поведал дух. – А магистр не любит, когда мы ему на глаза попадаемся.

– А он вас видит?

– Чувствует. – Призрак поежился, словно испытывал дискомфорт. – А иногда от него такой жар идет, что думаешь: все –

конец пришел.

– Вот как, – Ани удовлетворенно кивнула своим мыслям. – Иди, пока ты мне больше не нужен.

– Да, Хозяйка.

Дух поклонился и поспешил исчезнуть, пока у госпожи не появилось к нему дополнительных вопросов. Или другие призраки не заметили, о ком он говорит с Хозяйкой. Та едва ли задержится здесь надолго, а переходить дорогу магистру Эстельдхейму... Не хотел бывший подмастерье навлекать на себя гнев прославленного мастера.

Ани же спустилась в холл и, сверившись с расписанием, убедилась, что искать коллегу в академии не нужно, а значит, можно было сэкономить на передвижениях.

Появление коллеги Светлейший почувствовал заранее, но отвлекаться от написания предстоящей лекции не стал. Лишь дописав предложение до точки, Альбин Кентор отложил перо и, откинувшись на спинку кресла, вкрадчиво уточнил:

– У тебя появились вопросы?

– Один, – хмыкнула Ани, терпеливо, хоть Далис этого не ожидал, изучавшая преподавательский кабинет, пока он завершал мысль.

Ничего сверхъестественного в комнате не нашлось. Как, впрочем, и отпечатка личности его нынешнего хозяина. На всех предметах – от колченого табурета, примостившегося до лучших времен в углу, до массивного письменного стола из черного дерева – чувствовалась аура совсем другого человека. Протянув руку и наугад выудив несколько книг из нависавшего над всем книжного шкафа, Ани предположила, что хозяином кабинета был некто Рунис Кинт. Эта же фамилия значилась и на запыленной табличке, сунутой на один из книжных рядов.

– Я слушаю, – отвлек ее от размышлений Далис.

– Кем тебе приходится Октавир Эстельдхейм, – вспомнив имя магистра, спросила Ани.

– Сыном, – не стал уходить от ответа Далис. – Это все, что ты хотела узнать?

– Теперь – нет, но сомневаюсь, что ты захочешь ответить.

– Верно, не стану.

Ани кивнула и хотела было уйти, даже развернуться успела и истончить реальность, но брошенный ей вслед вопрос заставил помедлить с уходом.

– Так просто?

– Да, так просто. Не все вопросы уместно задавать, и уж тем более требовать на них ответа. У каждого из нас своя боль.

Лиер встретил их тишиной. Все словно замерло в напряженном ожидании: ни пения птиц, ни гневного рыка потревоженного медведя, ни воя волков, ни легчайшего шелеста листьев. Лишь скрип груженных телег, изредка перебивавшийся звуком падения плохо закрепленной утвари да недовольным взбрыкиванием лошадей.

Люди молчали. Чем ближе караван подбирался к забытому краю, тем тише становились слова, тем аккуратнее вели себя неожиданные переселенцы. Указ императора заставил их оставить прежнюю жизнь, бросить все ради призрачной надежды обрести лучшее будущее. Они рискнули, согласились на авантюру, а теперь замирали всякий раз, как у подводы отвалится плохо закрепленное колесо. Искали знаки, вечерами гадали, но боялись толковать результат.

В стороне ото всех, не принимая участия в подобных посиделках, оставались двое. И пусть никто из них не представлялся остальным, за блондином уже к вечеру первого дня закрепилось прозвище Мрачный Лорд. За правильные черты лица, застывшую, словно окаменевшую, мимику, и взгляд человека, желавшего всему живому познать его собственную боль. Его сторонились, даже начальник каравана старался лишней раз не попадаться ему на глаза, но в силу должности приходилось. В отличие от остальных переселенцев, он знал, кто действительно главный в их походе и кто решает, насколько велика будет милость императора или его кара, если что-то пойдет не так.

Второй, неизменный спутник Мрачного Лорда, был так же бледен, словно совсем недавно, не иначе чудом, ушел с последней тропы. Седой – выходцы из крестьянского сословия прекрасно знали этот оттенок, – но молодой, будто маг, хоть им и не являлся, он не чурался беседовать с переселенцами, но большую часть времени находился при Лорде, о чем-то тихо с ним говоря. Задавшийся целью подслушать, мальчишка Рикт, сын кузнеца, отказался делиться услышанным, но стал обходить десятой дорогой обоих аристократов.

– Такая тишина, – сорвалось горько с губ Валиара, когда они проехали мимо поросшего мхом камня, некогда знаменующего о пересечении границы провинций.

– Где нет людей – некому и шуметь, – отозвался его спутник, ехавший на полкорпуса позади. Он напряженно вслушивался, но не мог уловить ни единого постороннего звука. Даже звона подков уже не было слышно: стоило им оказаться вблизи границы провинций, как выложенная камнем дорога кончилась, переходя в обычную земляную, за давностью лет не использованную и поросшую ковылем.

– Сложно с вами спорить. – На губах принца промелькнула улыбка. Впрочем, она исчезла так быстро, что даже ветер не успел бы ее заметить. – Зачем вы присоединились ко мне, Мортен? Мой путь не одобряет семья, друзья считают ненормальным, эти люди, – он бросил быстрый взгляд назад, на пустынную еще тропу, – обходят стороной. Но вы решили составить мне компанию, пусть и ненадолго, как мне поведал наш общий друг. Что вы ищете на этой земле?

– Себя? – усмехнулся его собеседник. – А вы, если мне позволено любопытствовать, что ищете вы?

– Себя. – Грустная улыбка коснулась губ принца. – Того, каким никогда не стану без нее.

– Разве в Лиере остались живые? – Удивление Мортена вышло неподдельным.

– Нет. – Валиар заглянул в глаза спутнику, словно раздумывал, стоит ли делиться с ним этой тайной. Вздохнул устало и признался: – Она не человек. И, если Темнейшая не солгала, у меня есть шансы ее вернуть.

– Вы справитесь. – Улыбка тронула губы Мортена.

– Вы так считаете? Или просто не хотите меня огорчать? – не без горечи поинтересовался его высочество.

– Первый вариант, – заметил Мортен и оглянулся. Они не успели отъехать от каравана слишком далеко, и он начал их настигать. Валиар кивнул, принимая его ответ. С трудом заставил себя улыбнуться и, прищурившись, спросил:

– Чем я могу быть вам полезен?

– Ваше высочество, – Мортен почтительно склонил голову, – вы и так оказали мне огромную честь, позволив присоединиться к каравану.

– Оставьте это. – Валиар чуть сжал ногами круп лошади, и та медленно пошла вперед, увеличивая дистанцию между принцем и переселенцами. Мортен последовал его примеру. – Мы слишком далеко от дворца, чтобы следовать всем условностям. Говорите прямо, и, возможно, я смогу вам помочь.

– Мне нечем отплатить вам за помощь, – предупредил Мортен, щурясь от яркого солнца, которое меж тем уже не могло согреть этот край.

– Мне не нужна ваша благодарность, разве что вы принесете дары моей... – Валиар замялся. – Для Альн-Ари.

– Талиари Альн-Ари? – переспросил Мортен.

– Вы знаете о ней? – Валиар напрягся, больше необходимого сжав поводья. – Откуда?

– Так вышло случайно, – Мортен пожал плечами. – Я искал ответы. Больше тридцати лет назад я оказался на грани жизни и смерти, ушел слишком далеко по тропинкам Лабиринта, но вот я снова здесь. Как нашкодивший кот, которого выбросили на улицу за непослушание, лишив воспоминаний.

– А если их не было вовсе? – предположил принц задумчиво. – Лабиринт до сих пор не изучен полностью. Это просто невозможно для живого, так с чего вы взяли, что должны о чем-то помнить?

– Может, и не должен, но отчаянно хочу этого, – признался Мортен. – И сами боги, – его губы тронула едкая усмешка, – настаивают. Как им отказать?

– Кому из них? – нахмурился Валиар.

– И вы мне верите?

– Отчего я должен сомневаться в ваших словах?

– Разве не абсурдно звучит: Светлейший лично навестил меня, назвал другом, утверждал, что мы знакомы и высоко оценил мои навыки слуги, настаивая, чтобы я продолжил этот путь.

– Служения свету?

– Увы, темный маг служить свету не может. Я был Ее слугой, если принять на веру слова Карающего Света – впрочем, зачем ему лгать смертному? – но был вышвырнут обратно в этот мир. Ради чего? Зачем?

– Вы не задавали Ей этот вопрос? – нахмурился принц. Впрочем, он и сам никогда не был слишком откровенен. Даже тогда, когда

стоило поступить вопреки привычкам.

– Разве бы я посмел? – Грустная улыбка тронула губы Мортена. – Слуге не положено задавать вопросов, а темный маг – именно слуга.

– Простого слугу она бы не вернула, – заметил Валиар. – Ани-Арли не любит отдавать свои игрушки, и если подобное произошло... Вы совершили нечто, за что получили награду. Ваше возвращение – не кара. Это шанс прожить новую жизнь.

– Вы говорите так, будто вам что-то известно.

– Что-то – определенно. Мой друг должен был умереть. Но вместо этого они женятся. Мой друг и бывшая Тень Ее Темнейшества.

– Вы знакомы с Тенью?

– Совсем немного, – признался принц. – Далиар пока не готов делиться ее вниманием. Но они оба не считают свою жизнь карой. Это был подарок. Редкий, невозможный, я не слышал ранее таких историй. Ни из книг, ни от Нее самой. Поэтому, если вы позволите, я бы дал вам совет: попробуйте прожить эту жизнь, сделать то, чего всегда хотели, найти в ней смысл. Если вы действительно были Ее слугой, ваше возвращение в наш мир не кара, а награда. И, когда придет время вернуться, вас встретят по ту сторону без гнева или укора.

– Благодарю, – спокойно откликнулся Мортен, учтиво кивнув. Дождался, пока Валиар немного вырвется вперед, и грустно заметил: – Но здесь у меня не осталось желаний.

Ани сидела на кровати и не моргая следила за метаниями Доминики. Торопливыми шагами девушка мерила комнату, то закусывая губу, то просительно глядя на покровительницу, то вцепившись пальцами в распущенные и успевшие спутаться волосы. Наконец она рухнула на свою кровать и сокрушенно выдохнула, вперив взгляд в потолок:

– Я не знаю, что выбрать.

Ани хмыкнула и демонстративно опустила голову, разглядывая собственную, не изменившуюся за эти два дня форму. Даже ради таинственного «посвящения» девушка не собиралась отказываться от привычного облика. За те недели, что она провела в академии, платье успело стать нарядом лишь на крайний случай, и испытание старших таким обстоятельством не являлось.

– Ничего не выбирай, – хмыкнула Ани. Доминика фыркнула и поднялась. Уселась напротив, подобрала под себя ноги, и хотела было что-то сказать, но ее опередили: – Сомневаюсь, что испытанием будет танец со старшекурсником, а в ином случае платье тебе только повредит.

– Испытание может быть любым, – хмуро отозвалась Доминика. – И пару лет назад одной адептке платье помогло пройти его с блеском. Она вытянула попасть на императорский бал и до самого утра находится среди гостей.

– А платье здесь при чем? – удивилась Ани.

– Но без платья невозможно выдать себя за придворную даму и попасть во дворец.

– Еще как возможно. – Усмешка вышла кривой. – Но в озвученном условии нет ни слова про придворную даму, а среди гостей может находиться и юркий официант, и чей-то слуга, и служанка, вызванная спешно убрать последствия несвежего ужина. Вариантов не так уж и мало, если удалось договориться со стражей. А если девушка из благородного рода, то она могла прийти и по приглашению, переодевшись на месте. Самое главное в этом задании – преодолеть защиту академии, а карабкаться через забор или лезть в собачий лаз в платье... Да, конечно, без платья здесь не обойтись.

– Защиту академии так легко не миновать.

– Без помощи со стороны – да, но ради возможности лицезреть панталоны леди и припоминать ей это всю оставшуюся жизнь, кто-то из старших, тех, что закончили уже основной курс и остались младшими преподавателями, может и оказать услугу. Небескорыстно, конечно.

Доминика открыла было рот, чтобы возразить, но дурочкой она никогда не была. А потому, взвесив все «за» и «против», не стала говорить о том, что именно платье может побудить старшего на рыцарский порыв после подписания грабительского договора.

– Пойду в форме, – смирилась девушка, обняв подушку. – А вы совсем не переживаете?

– О чем? – удивилась Ани. – Что бы ни придумали эти дети, мне не составит труда это исполнить. Разумеется, если я посчитаю это нужным.

– Но так ведь неинтересно.

– Разве? – Ани вздернула бровь.

– Конечно. Именно испытания наполняют нашу жизнь смыслом, а их преодоление – радостью. Но если не прикладывать усилий, разве можно познать ликование?

Ани прищурилась.

– Это так необходимо?

– Преодоление трудностей, пусть и не без конфузов, – часть жизни адепта. То, что делает ее полной и незабываемой, – с воодушевлением, которого, впрочем, в ней было не так уж и много, заметила Доминика.

– Хорошо, – Ани устало выдохнула. – Попробую обойтись малыми силами.

Подруга одобрительно кивнула и... продолжила нервничать.

Видимо, это тоже было частью настоящей адептской жизни, но Ани предстоящее представление заботило меньше, чем тоскливое ожидание возвращения Морьена. Именно этот срок она дала себе для принятия окончательного решения.

Впрочем, раздавшийся незадолго до полуночи стук в дверь вселил и в нее легкий трепет. Доминика и вовсе вздрогнула всем телом. Руки у нее уже тряслись, подтверждая, что неизвестность и ожидание пугают больше, чем ров с крокодилами или пересечение границы эльфийских лесов. Хотя последнее и вовсе считалось билетом в один конец.

– Мы пойдем? – шепотом спросила она, замирая перед дверью, которую не стали открывать, давая выбор: выйдешь – примешь участие в посвящении, нет – спи спокойно, но не жди уважения от других адептов. Стук в соседнюю дверь лишь подтвердил эту догадку.

– Как хочешь. – Ани пожала плечами. – Это твое решение и твоя ответственность.

Доминика сжала зубы, глубоко вдохнула и решительно толкнула дверь в коридор. Ани покинула гостиную следом, огляделась, оценив многолюдность коридора, и потянулась, будто только что спала, а ее неожиданно разбудили. Впрочем, разминала мышцы не только она: половина высыпающих в коридор девушек разгоняла кровь физическими упражнениями, ожидая, пока адепт в черных плаще и маске дойдет до последней комнаты, а после вернется, чтобы возглавить образовавшуюся колонну.

– Ты знаешь, кто это? – шепотки доносились до Ани. И, пожалуй, она бы могла сказать, кому принадлежит эта аура, но решила попробовать поиграть по правилам. А простой первокурснице не пристало дергать призраков по каждому чиху, а то и вовсе требовать отчета у всеведущих Теней.

Доминика тронула ее за плечо, отвлекая от раздумий. Ани зевнула, столь заразительная волна прокатилась по рядам адептов, и прислушалась. Надеяться на обычное зрение не приходилось: кто-то снизил яркость осветительных артефактов до минимума, и собравшиеся с трудом могли рассмотреть даже собственные силуэты.

– Да начнется ваше испытание!

Полное пафоса и предвкушения восклицание заставило Ани усмехнуться. Даже в Лабиринте до такого не опускались, предпочитая деловой разговор с разбором прегрешений. Но только если кандидат добирался до Замка. Остальных просто игнорировали. За редким исключением, конечно, но подобные случаи едва ли влияли на систему в целом. Но на нервничавших в ожидании испытаний адептов реплика проводника определенно произвела впечатление. Пары стали сплоченнее, в коридоре резко обозначился проход, а шепотки утихли.

Ани поднялась на цыпочки, чтобы оценить длину их колонны, и хмыкнула. Были действительно все.

– Идите за мной и не отставайте, – хмуро бросил им проводник и прошел сквозь открытые двери, кем-то предусмотрительно заклиненные, чтобы участники предстоящего мероприятия не тратили время на открывание-закрывание и, не дайте боги, не решили отказаться от сомнительной перспективы опозориться на глазах у всех.

Когда они спускались по лестнице, кто-то споткнулся и чуть не выбыл из испытаний досрочно, но проводник и не думал останавливаться, надеясь быстрее избавиться от своей роли и присоединиться к зрителям, коих собралось немало. Некоторые даже не поленились захватить с собой стулья и теперь гордо восседали на них в первых рядах, в тени парковых деревьев. Впрочем, их и так было сложно опознать: яркий свет, полыхавший в центре выложенной камнем площадки, слепил, а потому выступившие на глазах слезы мешали рассмотреть даже тех, кто стоял совсем близко, в локте от тебя, не говоря уже о зрителях. Растянутый по периметру площади полог молчания надежно скрывал их голоса.

– Одну минутку, дамы. Ваши коллеги оказались не столь расторопны, – со смешком заметил незнакомец, забравшийся на помост в центре площади. Проводник поклонился ему и поспешил затеряться среди зрителей. Его роль была исполнена. – Из года в год одно и то же, – посетовал измененным голосом новый ведущий. – Столько криков о превосходстве, обещаний доказать всему миру, кто должен им править... Ну наконец-то, – резко оборвал – хотя скорее оборвала – сетования незнакомка и поправила капюшон. Под неодобрительные жесты зрителей на площадку вбежала заспанная и не совсем одетая колонна. – Почему так долго?

– Спали, – коротко ответил второй проводник, покосился на парочку едва стоявших на ногах парней и добавил: – И пили.

– Их проблемы, – хмыкнула ведущая и хлопнула в ладоши. Порядкам присутствующих прошла волна целительских чар, вызвав, с одной стороны, облегченные вздохи у девушек и с другой – не слишком радостные у адептов, решивших успокоиться без похода к целителям. Увы, скоростное избавление от токсинов никогда не было приятным делом. – После испытаний вернетесь и уберете за собой, – приказала ведущая и, выждав пару минут, пока в строй не вернуться самые «спокойные», подвела итог: – Из года в год все хуже и хуже. И они называют себя магами? – Адепты, рискнувшие было согласно кивнуть, тут же ощутили локтевую поддержку от соседей. – Безответственные, непунктуальные, не в состоянии даже одеться, не перепутав право и лево...

– Ты предвзята, моя дорогая. – На помост вышел еще один закутанный в плащ участник представления. Ани, занявшая место в первом ряду, даже похлопала. Наверняка репетировали. – Мы и сами некогда были такими. – Он широким жестом обвел собравшихся.

– *Такими* – точно нет, – язвительно хмыкнула девушка. И каждый почувствовал на себе ее взгляд. Ани уважительно качнула головой: целительница-менталистка – хорошее сочетание. Блестящее будущее определено уже маячило перед ней.

Часть первого ряда отшатнулась, и Ани расслышала пренебрежительный смешок и сказанное вполголоса:

– Да уж, и с этим придется работать, – посетовал, видимо, кто-то из младших преподавателей, столько искренней боли было в его

голосе. И уже громче: – Да, они не идеальны, но заслуживают шанса доказать нам обратное. Пусть спустя годы, но чьи-то имена украсят...

– ...погребальные плиты, – хмыкнула Хозяйка Замка. Поскольку она стояла прямо перед помостом, а остальные испуганно отступили на шаг, вразумить ее дружеским локтем никто не смог. А Ани... Ани улыбалась, узнав исходник этой постановки. «О сотворении человека, его суде и прощении», не единожды правленное, сотни раз переписанное сочинение для храмовых школ, оригинал которого, по слухам, был начертан лично рукой Светлейшего на обелиске в одном из его первых храмов.

– ...их деяния прославят академию...

– ...лучше бы не прославляли, – хмыкнула ведущая, и ее коллега чуть не сбился, позволив себе согласный смешок.

– ...а праведная жизнь станет примером, – закончил ведущий, отвернулся и, Ани готова была поспорить на монетку, беззвучно заржал, делая вид, что сотрясается в приступе кашля.

– Так докажите же, что не просто так вы пришли в нашу славную академию, – патетично продолжила целительница. – Не просто так едите свой хлеб и не знаете невзгод. Докажите, что достойны своего места, и да начнется ваше испытание!

На последних словах полог молчания рухнул, и на первокурсников обрушился гул голосов – насмешливых, подбадривающих, звонких и скрипучих, как старая телега. Вкупе со вспышками, озарившими небо над головами собравшихся, грохотом от взрывов огненных шаров, никто не обратил внимания на то, как торопливо сползают с помоста ведущие и сбегают с площади, на камнях которой проступают линии стационарного портала.

Ани взглянула вниз, ехидно фыркнула, определяя точку выхода портала, и шагнула вслед за всеми. Увы, в данном случае без использования своих личных сил было не обойтись: перенести Хозяйку Замка куда-то против ее воли не мог ни один портал, а вкупе с тем, сколько в нем оказалось одновременно людей, даже добровольное присутствие Ани во время перехода могло привести к непредсказуемым последствиям. А так она лишь немного опоздала, уйдя на границу в академии и присоединившись к своим коллегам, оказавшимся в двух часах ходьбы от столицы.

История про бал и платье заиграла новыми красками.

– Ани? – Встревоженный голос Доминики ворвался в ее мысли.

– Здесь, – поморщившись, она подняла руку и помахала слуге. Кто-то из светлых пренебрежительно фыркнул, но девушка не стала заострять внимание на подобной мелочи. Потом как-нибудь узнает, кто это был. Когда придет его время.

– Идите к нам, – позвал Марк, проскальзывая мимо суетящихся светлых. Не все одинаково легко реагировали на перемещение, а потому часть адептов, которым досталось не так много силы, пыталась сдержаться, но природа брала свое. – Аккуратнее, тут кто-то не успел добежать в кусты, не вляпайтесь.

Доминика благодарно кивнула в ответ на совет, а Ани молча проигнорировала. Ее больше заинтересовал вспыхнувший древними рунами фонтан, у которого они все оказались. Вокруг него была выложена такая же плитка, как и у помоста с ведущими. И Ани готова была поспорить, что, поднимись кто-то в небо, увидел бы, что рисунок площади у фонтана полностью дублирует таковой в академии. Следовательно, если отправным моментом для срабатывания чар перемещения было окончание речи ведущих, благословлявших на подвиги, то обратный процесс предполагал исполнение задания. Вот только кто должен его выдавать?

– Все, – отрапортовал Марк, кивая на собравшихся в отдалении от площадки темных. На самой границе, так, чтобы и до центра было недалеко бежать, но никто из группы не стоял на плитке.

– И где задание? – недовольно поджал губы один из темных. На занятиях он обычно вел себя тихо, а потому Ани даже его имени не запомнила.

– Там. – Ани указала на фонтан, в водной глади которого отражалась луна.

– Ты думаешь? – нахмурился Куран.

– Предлагаю макнуть в него кого-нибудь из светлых и узнать наверняка, – хмыкнул кто-то из-за спины Марка.

– Сам и будешь делать, – поморщился тот и уточнил у Ани: – Что нужно сделать, чтобы появилось задание?

– Да откуда она... Ау, за что? – согнувшись от резкого тычка в живот, спросил воинственно настроенный темный.

– Ани? – Просительная интонация в голосе Марка заставила девушку скривиться.

– Портал старый, – заметила она, опускаясь на одно колено и касаясь плитки. Люди, определенно, не чувствовали, как пульсирует под ней магия, но Ани человеком не была. – Очень старый. Еще тех времен, когда и академии не было в помине. – Ани обвела невидящим взглядом площадь. Перед ней возникала совсем другая картинка, нежели встревоженные и галдящие адепты. – Здесь проходила инициация. Подростки доказывали старейшинам племени, что достаточно хороши, чтобы стать полноправными его членами. – Ани ступила на площадь. – Тогда здесь не было ни плитки, ни фонтана. – Она протиснулась мимо группки стихийных магов. Темные последовали за ней, прислушиваясь к каждому слову. – Испытуемый подходил к пруду, – Ани провела кончиками пальцев по чаше фонтана, – набирал в ладони воды, – она показала как, сложив руки лодочкой, – и умывался, – девушка развела ладони, и капли рухнули вниз.

– И это все? – уточнил Марк.

– Не совсем, – Ани криво усмехнулась. – Сейчас тут лишь отголоски той силы, что раньше плескалась в здешних водах. – Она опустила ладонь в воду, но ничего, кроме легкого покалывания кончиков пальцев, не ощутила. – Крохи от бывшего могущества, но даже сейчас сюда отправляются лишь одаренные.

– Почему? – Доминика оказалась совсем близко, хотела было последовать примеру госпожи, но Ани перехватила ее запястье, удерживая.

– Раньше мир был более жесток. Те, кто омывал лицо водой из этого источника, ступали на дороги Верхнего Лабиринта.

– Но разве путь туда не закрыт для всех, кроме менталистов?

– Сейчас – да, – кивнула Ани. – Источник больше не подпитывают, как раньше. Никто же не слышал о безвозвратно ушедших блуждать по Лабиринту после испытания? – Темные, да и те из первокурсников, что оказались рядом и прислушивались к ее словам, торопливо покачали головами. – Значит, больше он не опасен и ваши задания будут связаны с реальным миром. А какими они будут... Есть желающие рискнуть?

– Нужно умыться? – тихо уточнил Марк.

– Верно.

Парень сделал шаг вперед, наклонился над чашей и, закрыв глаза и глубоко вдохнув, набрал в ладони воды. Выдохнул, как перед прыжком, и плеснул в лицо. Покачнулся, чуть не рухнув прямо в фонтан, но Ани вовремя придержала его за воротник, не давая темному упасть и захлебнуться. Подкармливать источник жертвами в ее планы не входило. Особенно темными.

Марк хрипло выдохнул, приходя в себя. Оперся рукой на чашу, другой жестом показал, что в порядке. А после – не говоря ни слова – медленно побрел куда-то.

– Он получил свое задание, – тихо прокомментировала молчаливый уход старосты Ани. – Следующий?

– А почему не ты? – кто-то из светлых рискнул обратиться.

– Я сильнее вас всех, – призналась девушка. – А этот источник – паразит. Сейчас он слаб – и пьет вашу силу, но с каждым заданием, с каждым обратившимся к нему одаренным, будет становиться сильнее и... требовать большую плату за свою услугу. А когда заберет чью-то жизнь – выполнять свои задания вы будете в Верхнем Лабиринте. – Ани улыбнулась. – Еще есть желающие обвинить меня в трусости и злом умысле?

Ее голос утонул в плеске воды. Темные приняли решение мгновенно, и Ани пришлось приложить усилия, чтобы не дать им упасть лицами в воду. Из всей их малочисленной группы одна лишь Доминика осталась стоять у фонтана.

Ненадолго, впрочем. Получив пример, и остальные первокурсники принялись умываться и торопливо убежать в ночь. Договоренности были забыты: каждый стремился побыстрее справиться с собственной задачей.

– Чего ты ждешь? – Ани обняла Доминику сзади, опустила подбородок ей на плечо.

– Вы ведь не обо всем им рассказали?

– Я и не должна, – фыркнула Хозяйка Замка.

– Но мне вы скажете?

– Если желаешь.

Она отошла подальше от фонтана, села на краешек площади, зарываясь пальцами в горячий песок.

– Здесь так странно, – тихо заметила Доминика, усаживаясь рядом с покровительницей и повторяя ее жест. Обернулась, бросив взгляд на

фонтан, и нахмурилась, заметив то, чему сначала не придавала значения. – С той стороны все живое: деревья, трава, а с этой – одна лишь пустыня? Да еще с теплым песком ночью...

Она развела пальцы настолько, насколько это позволяла человеческая анатомия, и песчаный водопад рухнул вниз. Снова и снова, пока девушка не сжала пальцы, услышав голос собеседницы.

– Пока ты жива, эта тайна останется для тебя без ответа, – предупредила Ани.

– Благодарю, – Доминика кивнула, вновь зарываясь пальцами в песок.

– И не попытаешься вызнать больше? – Ани обернулась к слуге, в притворном удивлении вздернув брови. Умение девушки брать себя в руки ей нравилось.

– Есть тайны, которые не следует знать.

– Верно, не следует, – кивнула Ани, поднимаясь и стряхивая попавший на одежду песок. – Идем, почти все уже ушли. Пора и тебе получить свое задание.

– А что будет после, когда я его выполню? – Доминика также встала на ноги, обернулась к фонтану, проследила за очередным удаляющимся в неизвестность сокурсником.

– Вернешься сюда, – Ани пожала плечами. – Или сразу в академию – праздновать. Источник оставляет на каждом из обратившихся к нему людей свою метку.

– Но на что она реагирует? – задумчиво уточнила Доминика. – Если испытания у всех разные.

– А что общего? – лукаво улыбнулась Ани.

– Облегчение, радость, гордость... – принялась перечислять девушка, а Хозяйка Замка улыбалась. Тепло, открыто, довольно. – То есть этот артефакт, – Доминика покосилась на фонтан, – отслеживает наши реакции, а не физическое исполнение задания?

– Для живых в Лабиринтах нет ничего материального, только ваше восприятие реальности, – подтвердила Ани. – И пусть он больше не может переносить сознание, остальное – не изменилось.

– Значит, достаточно убедить себя, что задание исполнено? И я вернусь в академию?

– Именно так.

Доминика с облегчением выдохнула, но в следующий миг ее лицо утратило всякую радость.

– А если кто-то не сможет выполнить задание источника?

– Он не дает невыполнимых заданий, – покачала головой Ани. – Впрочем, не получив силы от ваших светлых эмоций, он удовлетворится и другими, боль, стыд, раскаяние – подойдет что угодно. А когда он напьется ими сполна, вернет в исходную точку. Все вернутся в академию, но не каждый захочет хвастаться тем, что испытал.

– Но ведь это не смешно и не забавно? А слухи ходят, что...

– Слухи ходят об успешных испытаниях и о том, что творят после возвращения в академию. А праздная ли успех или пытаюсь заглушить горе, совершается тот или иной поступок – кто об этом скажет? Да и в академии вас ждет еще парочка сюрпризов, если кто-то из вас окажется слишком хорош. Иди, больше желающих не осталось.

Ани кивнула на фонтан. Доминика глубоко вдохнула, успокаиваясь, и торопливо зашагала к чаше. Пусть она и знала больше остальных, но полностью избавиться от тревоги не могла.

Удаляющиеся шаги дали понять, что Ани осталась у фонтана одна.

– Пришло мое время? – тихо проговорила девушка, и голос ее прозвучал удивительно тихо. Каждое слово словно истаявало в ночном воздухе, и окончаний не дано было слышать никому чужому. – Будешь ли ты мне мстить, Адриан?

Вода в чаше брызнула вверх, будто кто-то бросил в нее камень. Ани усмехнулась и, опершись о края чаши, опустила лицо в воду.

Сон не шел, несмотря на все ухищрения Мортена. Ни подсчет овец, ни сонное зелье не могли заставить его сомкнуть глаза и не открывать их до рассвета. Впрочем, справедливости ради, даже после нескольких часов сна он чувствовал себя отдохнувшим, будто и не было ночных метаний в бесплодных попытках провалиться в забвение.

В эту ночь он и не стал пытаться. Постель осталась неразобранной, бутылек с зельем был отставлен на край грубо сколоченного – но иного пока ждать и не приходилось – стола. В шатре, который он делил с его высочеством, было достаточно тепло, а потому меховая куртка пока чаще висела на спинке стула, чем

занимала свое место на его плечах. Впрочем, отношения с холодом у бывшего мага складывались неплохие: они игнорировали друг друга, словно были неотъемлемой частью этого мира.

Мортен нахмурился и перелистнул страницу. Свет дрогнул, отзываясь на колебание подвешенного к потолку шатра артефакта, а бывший слуга ощутил странный прилив сил. Закрыв глаза на мгновение, отдавая себя наполнявшему его потоку, и печально улыбнулся.

– Вы здесь, моя госпожа? – Голос даже не дрогнул, не соскользнул на льстивые нотки, не дал петуха.

– Ты знаешь ответ, – тихий отзвук чужих слов коснулся его ушей. Мужчина поднялся, откладывая книгу, где скупые линии пытались передать незнакомое лицо его покровительницы. Обернулся, но никого не увидел.

– Вы не покажетесь?

Ани хмыкнула, проявляясь прямо за его спиной, на столе, рядом с раскрытой книгой. Неодобрительно качнула головой, разглядев одно из своих изображений, и хлопнула страницами.

– Не лучший рисунок, – протянула она, не глядя на бывшего слугу. – А Адриан – мстительный ублюдок.

Злая улыбка коснулась ее губ, но быстро померкла, стоило заметить, как торопливо сокращает расстояние между ними Мортен.

– Не подходит. – Она вытянула вперед руку, обозначая невидимую границу. – Нельзя ближе.

– Ради моей безопасности? – вдернул брови мужчина, тем не менее останавливаясь в шаге от неожиданной, но долгожданной гостыи.

– Ради моей уверенности, что ничего не случится, – скривилась Ани. – Подожди немного, скоро я уйду и более тебя не потревожу, – тоскливо призналась девушка, старательно игнорируя собеседника. Она смотрела куда угодно, лишь бы не на него. И это давалось с трудом, с таким трудом, что метка источника, чудом закрепившаяся на ней, пылала все сильнее, насыщаясь силой и страданием. – Ты не ожидал этого, верно? – проговорила Ани. Не для Мортена, замершего и внимавшего каждому ее слову, но для обреченного чувствовать чужие эмоции, как свои. Виновного. Увы, призванный причинять боль – причиняет ее всем без исключения.

– О ком вы говорите? – Мортен вмешался в обращенный к пустоте монолог.

– Люди о них уже не помнят, – протянула Ани, обнимая острые коленки. В этот момент она казалась Мору удивительно хрупкой, нуждающейся в защите от злого мира, но в следующий миг лицо воплощения изменилось. Злая, мстительная улыбка исказила черты печальной девы, и тут впору было отшатнуться от страшного видения, но мужчина не дрогнул. – Только боги порой навещают обреченных, рискнувших бросить вызов миропорядку и погубивших того, кто в них верил. Увы, – лицо Ани вновь приобрело прежнее, отмеченное страданием выражение, – это все, что позволено знать живым. И все, что я могу тебе поведать.

Метка вспыхнула, получив положенную плату, и сгорела в чистой силе, что составляла основу воплощения, так и не вернув девушку к исходной точке.

– Зачем вы пришли, Ани? – тихо, если не сказать обреченно, спросил Мортен. И Ани первый раз за всю их недолгую беседу подняла на него взгляд.

– Я слишком хотела тебя увидеть. А Адриан жаждал моих страданий. Мы оба получили желаемое. И оба остались недовольны.

– Чем?

– Мне недостаточно только смотреть, – тихо призналась Ани, не моргая и не отводя взгляда от лица того, кого, казалось, не сможет забыть никогда. – А он был бы рад увидеть, как я страдаю, но способен делить одни лишь чувства. И то совсем недолго.

– Я был бы рад разделить с вами все, что возможно. Пусть и на краткий миг, – признался Мортен. Он чувствовал себя странно. Будто не был единовластным хозяином своего тела, словно в нем был кто-то еще. Как еще он мог объяснить свои последние слова? Впрочем, даже осознав, что и кому он говорит, мужчина понимал, что не откажется от этих слов.

– Краткий миг – человеческая жизнь, – будто убеждая саму себя, отозвалась Хозяйка Замка. – Я буду ждать, сколько потребуется. А ты – живи. Это все, чем я могу отплатить за верность.

– Вернуться сюда – это было моим решением? – Крутившийся на языке вопрос вырвался произвольно и словно выбил весь воздух из шатра. Повисшее молчание не нарушалось даже дыханием.

– Моим, – призналась сидевшая на столе девушка. – Это было только моим решением. Так должно было быть лучше для всех.

– Но не стало.

– Не стало.

– И вы снова хотите уйти, решив за нас обоих?

– Такова наша природа, – безумный смешок сорвался с губ Ани-Арли. – Такими вы нас создали. – Ее голова склонилась набок, а глаза залила тьма. – Такими хотели видеть. – Она начала смеяться. – Таким поклонялись...

Она откинула голову назад, и злой смех наполнил шатер. А вместе с ним пришла и тьма. Внезапный хлопок совпал с исчезновением света, рапортуя о смерти осветительного артефакта. Но резкий звук не в силах был оборвать становящийся все более громким смех.

Ани смеялась, безудержно, зло, жутко в своей неестественности. И тьма становилась гуще, острее, заполняя собой все пространство, обжигая легкие, царапая кожу. Не имевшие никакой защиты вещи рассыпались в труху, заколдованные трескались, приходя в негодность, и прахом слетали на пол.

– Вон отсюда, – приказал знакомый голос, но Мортен не успел понять, кто рискнул вмешаться. Впрочем, тайной это оставалось пару секунд. И, лежа на земле в нескольких шагах от рассыпающегося шатра, мужчина видел ослепляюще яркую вспышку света. А после – все стихло. Только кровь на губах и усеянная прахом земля на месте их шатра свидетельствовали о ночном визите.

– Ты была слишком беспечна, – заметил Кардалис, когда воплощение его коллеги открыло глаза и село. Невидящим взглядом обвело незнакомую комнату и вскинуло бровь. – Азарлен. Я редко кого-то сюда приглашаю.

– Мне стоит чувствовать себя польщенной?

– Обстоятельства вынудили, – отмахнулся Светлейший. Он сидел, закинув ногу на ногу, в кресле напротив кушетки и внимательно следил за тем, как меняется выражение лица коллеги. Как она, прикрыв глаза, вспоминает события, предшествовавшие его появлению, морщится недовольно и наконец бросает:

– Все совершают ошибки. Моя, по крайней мере, не должна была закончиться разрушением всего сущего.

– Ой ли, – ехидства в голосе собеседника хватило бы на троих. Впрочем, он за них и отдувался, не пожелав ставить в известность остальных Великих. – Адриан единственный, кто остался на нашей территории, и недооценивать его, даже скованного карой, было самонадеянно даже для тебя.

– Его метка не может уничтожить никого из нас! – порывисто заметила Ани.

– Но может повлиять. А большего и не требуется. Мы все безумны, как бы ни пытались с этим справиться, и даже легкого толчка может хватить, чтобы разрушить то мнимое равновесие, в котором находится этот мир.

– Ты не дашь этому случиться, – хмыкнула Ани.

– Никто из нас не даст, – согласился Далис, поднимаясь. – Ты стабильна, можешь уходить.

– Он?.. – Ани не решилась задать вопрос до конца.

– В порядке. Но не буду врать, что у меня не было желания избавить нас всех от этой проблемы.

– И подтолкнуть меня к безумию?

– Несколько стертых с лица земли городов – не слишком высокая цена за сохранение стабильности, – пожал плечами Светлейший. – Хочешь сохранить ему жизнь – не навещай более. Не можешь – забери раз и навсегда. Давать ему свободу было ошибкой.

Ани поджала губы и, не прощаясь, ушла. Сил спорить у нее не было, как и уверенности, что сможет переубедить коллегу.

И себя.

Небо над академией окрасилось багрянцем, когда последний из учеников вернулся в ее стены. Молчаливый, с трудом удерживающийся от площадной брани, он растолкал плечами ожидавших его друзей и рванул в свою комнату, не собираясь делиться подробностями минувшей ночи. Он был не одинок в своем желании сохранить тайну. Многие из тех, кто вернулся раньше его, также не пожелали делиться с ожидавшей публикой подробностями своих испытаний. Не стала исключением и Доминика. Впрочем, по лукавой улыбке, которая нет-нет да и появлялась на ее губах, нельзя было сказать, что произошедшее принесло ей какие-то страдания. Напротив, девушка выглядела довольной, а уж внутри – и вовсе ликовала,

получив то, на что и не рассчитывала даже. А потому легко дала увлечь себя в водоворот праздника и, в нарушение правил, даже отхлебнула из обернутой в бумагу бутылки.

– Сегодня – можно, – заявил ей незнакомый старшекурсник, наливая бокал и отбегая к следующей вернувшейся адептке. А Доминика пила, и огонь разливался по ее и без того горячей крови. Она могла бы закончить испытание досрочно: госпожа рассказала как, но, увидев, чего хочет от нее источник, не смогла противиться. Увидев ее на пороге, не смог противиться и он, покинувший Иертан, чтобы оказать коллеге услугу.

Доминика покраснела от вспыхнувших в памяти образов и торопливо проверила ментальный щит. Конечно, любой из старшекурсников мог запросто его сломать, но само разрушение защиты оповестило бы ее о том, что некоторые мысли стоит оставить в стороне, а воспоминания – в прошлом, если, конечно, она не хочет делать их достоянием общественности.

– Потанцуй с нами, – вовлекая ее в пестрый хоровод, в котором каких только не было иллюзий, крикнул кто-то. А в следующий миг Доминику подхватил людской поток.

Пару раз ей даже показалось, что она видит магистра Маленвера, наблюдавшего за происходящим с безопасного – в первую очередь для веселья адептов – расстояния. Сам маг не выглядел довольным, но вмешиваться не торопился, подтверждая теорию, что в ночь испытаний адептам всех курсов позволено гораздо больше, чем когда-либо.

– Ее нет среди них, – хмуро заметил Аркант, появляясь за спиной сосредоточенно следившего за происходящим друга. Они стояли на втором этаже двухэтажного домика садовника, который после передачи резиденции в собственность академии остался пустовать. Впрочем, из-за расположения – в парке, подальше от окон основного корпуса, поближе к месту ритуала, – раз в год это место пользовалось популярностью среди преподавателей. Его даже скрыли от посторонних глаз, вплетя в защитный контур маскировочные чары высшего порядка. Такие, чтобы и будущие выпускники не почувствовали.

– Сомневаюсь, что найдется что-то, что может причинить ей вред, – не отвлекаясь от плясок внизу, заметил менталист, скользя по

краям чужих сознаний и запоминая, кто и где успел отличиться этой ночью. – Навести Анвентара. Твои подопечные слегка набедокурили.

– А твои – нет?

– Навестим вместе, – не стал спорить светлый. – Когда уже эту традицию смоют воды забвения...

– Думаю, никогда, – хмыкнул его друг. – Да и стоит ли. Если бы не проклятый источник, мы не стали бы так близки, – заметил темный.

Маленвер укоризненно покачал головой.

– Не самые лучшие мои воспоминания.

– Так сотри их.

– И дать тебе шанс быть в чем-то осведомленнее меня? – Брови светлого сошлись на переносице. – Ну уж нет.

– Тогда не жалуйся, – усмехнулся темный и похлопал коллегу по плечу. – Еще полчаса, и загоним их по комнатам. И до конца года вопрос с отработками будет закрыт.

– Жду не дождусь, – не без предвкушения заметил светлый.

Еще одной тайной ночи посвящения, тщательно оберегаемой выпускниками от своих младших коллег, были отработки, из года в год получаемые организаторами за устроенный бедлам.

И этот год исключением не стал.

Мечтательное выражение на лице Доминики не исчезло и к полудню, когда в их блок, предварительно постучавшись и испросив позволения, зашла Аэртани, груженная двумя тюками, состоявшими из постельного белья и одежды. За ее спиной стояла курносая рыжая девушка и опасно смотрела на удивленную темную.

– Нас к вам переселили, – сказала за двоих беглая принцесса. – Комендант сказал, что одна комната освободилась. И вот...

Она развела руками. Дескать, нас отравили – мы и пришли.

– Заходите, – вздохнула Доминика. – Ани пока нет.

– Ушла раньше на обед? – уточнила Аэртани, протискиваясь мимо. Она уже была у них в гостях и расположение комнат знала, потому сразу направилась в недолго пустовавшую комнату принцессы. Видимо, комендант и его начальство решили, что принцессе, даже если она тайно поступила в академию, стоит жить в соответствующих покоях. Пусть те и отличались лишь количеством защитных контуров, в бытовых вопросах повторяя остальные комнаты.

– Уже вернулась. – Знакомый голос, послышавшийся из коридора, заставил Доминику с облегчением выдохнуть, а рыжую девочку вздрогнуть и едва ли не отпрыгнуть в сторону, освобождая проход для темной, как почти все считали, адепки. – Не бойся, мы светлых не едим, – заметила Ани и тихо добавила, когда рыжая торопливо последовала за принцессой: – Есть много других способов избавиться от них с пользой для дела.

– Ани?..

– Все в порядке, – поморщившись, отмахнулась от расспросов Хозяйка Замка. – Идем к нам, послушаю, чего от тебя захотело это чудовище.

– Чудовище?

– Источник, – скупое пояснила девушка и проскользнула мимо.

К тому моменту, как Доминика собралась с духом, а щеки ее стали уверенно контрастировать с бледной кожей, Ани уже скинула на пол ботинки и с ногами забралась на застеленную кровать.

– Я... – Доминика глубоко вдохнула, набираясь храбрости, шумно выдохнула и протараторила: – Я была с Болерианом.

– Вот как? – Несмотря на вопросительные интонации в голосе собеседницы, удивленной она не выглядела. – Что ж, этого следовало ожидать.

– И вы не спросите, что мы делали? – Доминика даже несколько обиделась от подобного пренебрежения. Она думала, что ее засыпят вопросами, на которые ей будет неудобно отвечать, но Ани лишь пожала плечами.

– Вы взрослые люди, и чем бы вы ни занимались – от чтения древних манускриптов до жертвоприношения, – лишь ваше дело. И надзирающих органов империи. Если у них нет к вам вопросов, то кто я такая, чтобы требовать отчет?

И они обе сделали вид, будто поверили в последнюю реплику.

– А где были вы? – испытывая смешанные чувства – от облегчения до досады, – спросила Доминика, опускаясь на край своей кровати.

– Тебе не составит труда догадаться, – криво улыбнулась ее собеседница. – Вот только моя ночь не была столь приятна, как твоя. В отличие от людей, нас Адриан ненавидит.

– Он заставил вас страдать? – избегая вопросов о личности неизвестного ей Адриана, уточнила Доминика, догадавшись, что имя связано с источником.

– Не совсем. В прежние времена мне не составило бы труда исполнить его маленький каприз, но не сейчас. Он был так учтив, что предложил мне целых два варианта. Один – желанный для себя, но невозможный: свободы никто из них не заслужил. Второй – легчайший в исполнении, но недопустимый.

– Почему?

– Потому что, если бы я хотела забрать его раньше срока, то забрала бы и без проведенной вместе ночи. Даже мое присутствие заставляет его ауру истончаться, не говоря уже о чем-то большем.

– Вы ходили к Мору, – поняла Доминика.

– Ходила, – призналась Ани, горько усмехнулась и убрала выбившиеся из хвоста пряди за уши. – В последний раз.

– Вы попрощались? – От волнения голос девушки превратился в шепот.

– Не успели. – Ани улыбнулась. – Но так даже лучше. Ты больше не нуждаешься во мне. Болериан не бросит, раз уж решился связать с тобой свою жизнь. – Она поднялась и бросила быстрый взгляд на закрытую дверь, из-за которой доносились отголоски девичьих голосов. – Подруги... Присмотришься к ним.

– Вы уходите? – Доминика с трудом проглотила совсем другие, рвущиеся наружу слова. Отвернулась, чтобы в глазах не блеснули слезы.

– Ухожу. – Ани кивнула. – Ваш мир не заслуживает моего гнева. Не сейчас. Не тогда, когда в нем есть вы.

Она грустно улыбнулась.

– Не ищи со мной встречи. – Ани сунула руку в карман. – Подарок на свадьбу. – В ее пальцах блеснуло золото. Монетка взлетела вверх и упала чьим-то стершимся профилем наверх прямо на ладонь удивленной слуги. – Подаришь Болериану или другому своему избраннику. Тебе она без надобности. Твою ауру знают все слуги Замка. Не прощаюсь.

Ани улыбнулась. Тепло, открыто, будто Доминика действительно была ей дорога. И исчезла, больше не говоря ни слова. А оставшаяся в одиночестве девушка дала волю своим чувствам.

Хорошо, что дверь в их комнату была закрыта. Окружающим не следовало знать, как выглядит зарезанный темный маг. Недостойно всех тех ужасов, что о них рассказывали по ночам.

Она успокоилась лишь под вечер. Пропустила ужин, благо новоявленные соседки вынесли для нее кусок мясного пирога, поблагодарила их, но отправилась есть в спальню. В одиночестве, ранее ей недоступном и теперь нежеланном. Пусть Ани и раньше уходила, оставляя ее одну, Доминика не чувствовала себя обделенной или брошенной. Она знала, что рано или поздно ее покровительница вернется. Усмехнется снисходительно, ответит на глупый вопрос или задаст свой, после которого девушка долго будет думать о привычных вещах с непривычных ракурсов. Увы, этот вечер был другой. Тяжелый, давящий, обреченный. И ей придется с этим смириться. Привыкнуть к одиночеству или найти замену той, что никогда не исчезнет из ее памяти.

Громкий настойчивый стук в дверь раздался за пару минут до отбоя. Доминика слышала его, но не посчитала нужным подойти. Теперь у них было кому открывать непрошеным гостям, вот только общество Аэртани не устроило позднего гостя.

– Ани, пришли к тебе, – позвала Аэртани и, судя по звукам, ушла в другую комнату, оставляя гостиную целиком и полностью позднему гостью и ожидаемой им соседке.

Доминика еще раз промокнула уже сухие щеки и поднялась. Кажется, именно ей предстояло стать гонцом с дурными вестями.

Мортен стоял, напряженно вглядываясь в академический парк. Он вернулся в Иертан меньше четверти часа назад и сразу же поспешил сюда. Другого места, где он мог бы найти Ани, мужчина не знал. И пусть Аркант был крайне недоволен, почувствовав его появление, Мортен проигнорировал чужое раздражение, задав один-единственный вопрос:

– Где я могу ее найти?

– Идем, – бросил магистр, удерживаясь от ненужных вопросов. Для того чтобы оценить его ехидство, друг был слишком напряжен, встревожен и, казалось, не спал больше суток. Но все равно не успел.

– Она больше не придет, – тихо сказала Доминика, избегая смотреть гостью в глаза. – Вы можете жить спокойно.

Он ничего ей не ответил. Закрыв лицо ладонями, глубоко вдохнул, выдохнул, словно пытался вернуть себе контроль над взбунтовавшимся телом, и, благодарно кивнув девушке, медленно вышел. Больше ему некуда было торопиться.

– Передай Трине, что я хотел бы с ней поговорить, – попросил Мортен, прощаясь с другом на пороге академии.

– Сейчас?

– Чем скорее, тем лучше.

...А также, наши уважаемые читатели, мы рады сообщить, что до свадьбы двух поистине выдающихся людей – бывшего магистра Мортена Эншалта, совершившего невозможное – вернувшегося с троп Лабиринта после более тридцати лет пребывания во власти Темнейшей, и леди Катрины Раоден, не изменявшей памяти жениха и дождавшейся его возвращения, – осталось меньше двух суток. В соответствии с традициями рода Эншалт, венчание пройдет в часовне фамильного замка. На торжество приглашены лишь самые близкие, но оттого не менее видные деятели нашей процветающей страны.

Нам удалось добыть их список...

Ани сжала пальцы, и новостной листок, принесенный ей Лорвином, вспыхнул темным огнем.

– Так и должно быть... Все правильно... Так и должно быть... – шептала она, а слуги в ужасе смотрели на чернеющее небо. Над Закатным Замком впервые воцарилась ночь.

Ответ 6. Решимость

– Ты такая красивая, – выдохнула леди Амелия, заплетая волосы Трины и украдкой стирая слезу.

– Спасибо. – Трина с благодарностью сжала ладонь своей добровольной помощницы. – Для меня это честь... И я благодарна за то, что...

– Полноте, – отмахнулась матушка жениха. – Вы так долго к этому шли. Разве может хоть кто-то выступить против вашего брака?

Трина промолчала, только глаза отвела, прекрасно зная, кто первый выступал против этого брака, но неожиданно согласился, потребовав лишь, чтобы церемония была проведена в ближайшее время. Увы, ни счастливым, ни полным надежды на прекрасное будущее Мортен не выглядел. Напротив – был уставшим и каким-то потухшим, словно лишившимся причин жить.

– Ты получишь то, что хотела, – сказал он тогда, прикрывая глаза и словно стирая с лица налипшую паутину. – А дальше делай, что считаешь нужным.

– А ты? – Трина подошла к нему, опустила на подлокотник кресла и коснулась еще влажных волос. – Ты даже не стал приводить себя в порядок... – недоуменно протянула она, оглядела его с кончиков сапог до макушки и покачала головой осуждающе. – Мор...

– Не называй меня так, – оборвал мужчину, поморщился от силы собственного голоса и, открыв глаза, извинился: – Прости.

– Ничего. – Она медленно, готовая тут же отдернуть руку, запустила пальцы в его волосы, погладила, игнорируя пыль и песок. Да уж, решение было принято без долгих раздумий. – Ты уверен, что хочешь этого? Я справлюсь и без фиктивного брака, не стоит...

– Стоит, – процедил Мортен и тряхнул головой, уводя макушку из-под ее ласки. – Мы поженимся в ближайшее время. А после – разойдемся. Совет более не будет чинить тебе препятствий, добьешься, чего хотела. Хоть в Азарлен поедешь, если тебе это интересно, а я... отправлюсь путешествовать.

– Вернешься на Север? – предположила Трина. – К его высочеству?

– Вернусь, но не к нему. Если меня примут...

– Уверена, так оно и будет. Едва ли найдется кто-то, кто сможет отказаться от твоих услуг, – искренне заметила Трина.

– Уже нашелся, – тихо проговорил Мортен, но развивать тему и делиться с ней подробностями не стал. Ни тогда, ни сейчас, за час до их свадьбы, когда, попирая все традиции, жених и невеста вместе смотрели с галереи, как собираются внизу гости.

– Ты еще можешь передумать, – с трудом нашла в себе силы предложить Трина.

– Это уничтожит твою репутацию. – Мортен покачал головой.

Он не выглядел счастливым женихом. Скорее – напряженным, готовым к любой неожиданности. Более того – он словно ждал ее, призывая на их головы кару небес. И заранее извинялся, окружая свою невесту небывалой заботой.

– Почему мне кажется, что после нашей свадьбы я более тебя не увижу? – спросила Трина, сжимая пальцы будущего мужа. По лицу Мортена пробежала тень, но он быстро взял себя в руки, улыбнулся ласково, приобнял ее.

– Все невесты волнуются перед свадьбой. В волнении может привидеться что угодно, – заметил Мортен и с облегчением кивнул приближающейся матери и брату. – Кажется, остался только наш выход.

– Пора, – подтвердила его предположение леди Амелия и, кивнув младшему сыну, увела будущую невестку вниз, ко входу часовни, у которого ее уже ждал кузен.

– Он мне совсем не нравится, – обеспокоенно проговорила Трина, когда леди Амелия оставила их с Аркантом наедине, последней войдя в часовню с центрального входа.

– Об этом следовало думать раньше, дорогая, – заметил магистр, но глаза у него были серьезные и тоже полные беспокойства. – Я не знаю точно, что он задумал, но догадки мне не нравятся.

– Что ты знаешь? – Трина вцепилась в рукав двоюродного брата, просительно заглядывая в его глаза. – С чего вдруг такие перемены? И почему он сам не свой?

– Прости, – он отцепил ее пальцы от себя, – но я не могу раскрыть тебе эту тайну.

– Аркант!

– Не проси о невозможном. Радуйся тому, что для тебя все складывается так, как ты и хотела.

– Но я хочу знать цену!

– Она назначена не тобой и будет уплачена в срок, не сомневайся.

– Той? – Трина понизила голос, напряженно вглядываясь в брата. Он любил ее, она в этом не сомневалась, но принять некоторые жертвы не могла, а с него бы случилось забыть о гордости ради кузины, что была для него подобно младшей сестре.

– Им самим. Успокойся. Решение принял сам Мор. Я не просил его. Не в этот раз. А потому мы ничем ему не обязаны. Запомни это. И прими.

– Да уж, ничем, – Трина качнула головой, указывая на часовню. – Хорошенькое ничего.

– Ты можешь уйти, – напомнил магистр. – Прямо сейчас. И если ты продолжишь – я сам уведу тебя отсюда и разорву эту помолвку.

– Нет... Не надо, – побелев, попросила девушка, отступая от кузена на шаг.

– Тогда прекращай. И улыбнись уже, там ждут счастливую невесту, вот ее и надо показать. Иначе такую историю любви портите. Сквозь годы и смерть...

– Как бы Хозяйка Замка не обиделась и не посетила нас в этот день, – передернула плечами Трина, а Аркант хмыкнул.

– Нет, ее здесь нет, – проговорил он и сделал первый шаг к двухстворчатым дверям, вынуждая кузину взять себя в руки, а ее подол взмыть над каменным полом. Невысоко – только чтобы никто не мог на него наступить случайно.

Когда со скрипом створки распахнулись во всю ширь, Трина сжала пальцы кузена. Время сомнений прошло, она глубоко вдохнула и, натянув на губы широкую улыбку, вошла вслед за Аркантом, отставая от него на полшага, как и предписывала традиция.

Она не слышала шепотков, не слышала восхищенных вздохов – хотя ее платье действительно было достойно восхищения, королевский портной оказал роду Эншалт услугу, не слышала, как опускается тишина на часовню, и лишь звуки ее шагов нарушали торжественность момента.

Трина старалась не смотреть по сторонам, но взгляд то и дело цеплялся за стоявших у самого порога гостей. Кого-то она видела

впервые – эльфийские полукровки были редкими гостями в империи, кого-то знала на протяжении долгих лет – коллеги не отказались от ее приглашения, а с кем-то мечтала познакомиться и робела даже от призрачной возможности одного – на церемонии, хоть для того и не было оснований, пожелала присутствовать ее высочество и теперь, стоя в первом ряду, не отводила осуждающего взгляда от Мортена, словно знала больше остальных.

...Слов жреца Трина не запомнила. Просто в какой-то момент рука кузена сменилась рукой Мортена, а после – их кровь смешалась, как того требовали старые традиции исконных темных родов. Никаких пустых слов – кровь связывала новобрачных сильнее любых зарок. И, чувствуя, как отбивается пульс в ушах, Трина осознавала, что они наделали. Такой брак был сродни тем, что благословляли боги: нерушимый до тех пор, пока жив кто-то из супругов. Да, после такого ритуала никто не усомнится в искренности их чувств, но... Они не смогут развестись.

– Зачем? – выдохнула Трина.

– Так нужно, – уверенно ответил Мортен. – Подожди немного, и мы сможем уйти.

Он не обманул. Их действительно отпустили спустя четверть часа после напутственных слов принцессы, представлявшей на их церемонии светскую власть. После – гости хлынули из часовни в бальный зал, где уже дежурили слуги, чей штат в эти дни сильно расширился.

– Мы можем уходить. – Мортен тронул Трину за плечо, возвращая в реальность. И она последовала за ним, к неприметной двери за статуей Темнейшей. И ей даже показалось на мгновение, что скульптура провожала ее недовольным взглядом. Впрочем, стоило ей моргнуть – и наваждение исчезло. А стоявший рядом и сжимавший ее ладонь Мортен – нет.

– Что будет дальше? – спросила она у... мужа.

– Что угодно. – Он пожал плечами, смотря куда-то за ее спину. – Ты вольна поступать как вздумается. Кровь пролита, наш брак подтвержден.

– И это все, что ты можешь мне сказать сейчас? – Трина нервно рассмеялась.

– Это так, – подтвердил мужчина. – Твое желание исполнено, более между нами нет долгов.

И он ушел, оставляя ее одну.

– Так тебе и надо, Триш, – сама себе сказала девушка и, содрав с головы венки, бросила его на землю. Подумала немного и пнула, изливая обиду на ни в чем не повинную вещь. А после – подняла и отряхнула. – Такой же жалкий, – вздохнула Трина и нацепила его на голову, уходя в замок.

Над Закатным Заком не сияла ни одна звезда. Мрак затянул небесный потолок над Лабиринтом, и все его обитатели затаились, понимая, что подобный знак не сулит ничего хорошего. Мертвая тишина стояла и в самом Замке, чьи постояльцы предпочитали проводить все свое время подальше от госпожи. Все – кроме Лорвина, вновь принявшего на себя обязанности старшего из Теней.

И именно он ныне поднимался по ступенькам ставшей до ужаса узкой лестницы: Ани-Арли не хотела никого видеть, и Замок отзывался на ее желания. Пожалуй, если бы эхо поймало шаги Лорвина, он бы просто не дошел, но, как и все Тени, полуэльф передвигался бесшумно, а потому спустя четверть часа, а может, и пару минут, достиг своей цели.

Темнота, абсолютная, беспросветная для любого из смертных, не была помехой для слуги Замка. Лорвин видел свою госпожу. Как она стоит у утопленного в пол окна, как не отрываясь смотрит вниз, на розы, как сжимает бокал с самым дорогим вином, ежегодно возлагаемый на ее алтарь. Тонкие пальцы сжали хрупкую ножку слишком сильно. Мгновение – и осколки упали на пол, окрасив пальцы державшей бокал девушки вином. Крови не было, Хозяйка Замка изволила оставить любимый облик. Ныне она больше походила на свои изображения в храмах – высокая брюнетка с белой, мраморной кожей и абсолютно застывшим лицом. Неподвижная статуя, не испытывающая боли. И под стать ей, такой же недвижимый, сидел на столе котенок. Его немигающий взгляд был нацелен прямо на нарушившего их с госпожой уединение слугу.

– Ты вернулся. – Не вопрос – утверждение, всколыхнувшее тягучую тишину.

– Да, моя госпожа, – не поднимаясь с колен, откликнулся Лорвин, с трудом преодолевая сопротивление. Каждое слово давалось ему ценой невероятных усилий, словно Ани-Арли была против того, чтобы кто-то говорил.

– Свершилось?

– Да, моя госпожа, – практически не разжимая губ, готовый, казалось, ко всему, подтвердил полуэльф.

Ее смех был подобен раскаленным иглам, впивавшимся в само сознание. Она смеялась, а Лорвин давил в себе стон, напоминая про сотни поколений славных предков, чьего осуждения нельзя было допустить. И он терпел. Он – но не блуждавшие по Лабиринту души, в один момент познавшие всепоглощающую боль. Скольких из них позже придется отдать обитателям Лабиринта, чтобы не мозолили глаза Хозяйке, Лорвин боялся даже представить.

– Мя-яу! – недовольно подал голос Нем, когда терпеть стало совсем невыносимо.

И смех стих, и вместе с ним рассеялась и боль, оставляя после себя одну лишь опустошенность.

– Прости. – Тонкие пальцы коснулись шелковистой шерстки, зарылись в мех, и утробное мурчание набатом отозвалось в голове слуги. Лорвин не позволил себе даже кривой усмешки: как он мог допустить, пусть даже в мыслях, что госпожа извинится перед слугой?

Лорвин поднялся с колен, покачнулся и наверняка упал бы, не в силах устоять, но госпожа удержала, брезгливо прикоснувшись к его рубашке, тут же осыпавшейся хлопьями пепла на пол.

– Смени облик, – приказала Темнейшая, отворачиваясь, но сил, которыми она поделилась за их непродолжительный контакт, оказалось достаточно, и чтобы устоять, и чтобы выполнить ее приказ. Расшитая орнаментом традиционная эльфийская туника скрыла грудь полуэльфа.

– Он должен прожить долгую жизнь, – тихо приказала Ани-Арли, подхватывая котенка на руки и выглаживая и без того лоснящуюся шкурку. – Ты лично проследишь за этим. И защитишь его.

Лорвин склонил голову, принимая волю госпожи.

– И куда ты так торопишься? – Голос друга заставил Мортена остановиться. Он обернулся и, дождавшись, пока Аркант покажется

из-за колонны, продолжил путь.

– Лучше удели время кухне. Она не слишком довольна результатом.

– Она справится, – хмыкнул темный. – А если нет – пострадает твой дом, не мой.

– Ты так добр, – поморщился новобрачный.

– Рад, что ты заметил, – не без ехидства усмехнулся Аркант. Впрочем, уже спустя миг его лицо вновь стало серьезным и собранным. Словно маска слетела. – А я заметил иное.

– Оставь свои наблюдения при себе, – открестился от перспектив выслушивать нравоучения друга Мортен. Он и сам понимал, что ведет себя странно, но времени и сил продолжать бесперспективный спектакль у него не осталось.

– Не могу, – Аркант развел руками, – иначе весь мой труд пойдет насмарку. Ты этого хочешь?

– Я этого не просил, – холодно отозвался Мортен. – А потому – ничего тебе не должен. Ни тебе, ни остальным.

– И с молодой женой не попраешься? А с матерью? – проверял варианты темный, пытаясь нащупать тот единственный, что заставит друга остановиться и задуматься. Увы, ниточек, удерживающих его в этом мире, практически не осталось, да и те, что были, оказались слишком хрупки.

– Незачем, – кратко ответил Мортен, быстрыми шагами спускаясь в подземелье.

– И ничего с собой не возьмешь? – продолжал донимать темный, не отставая.

– Что бы я ни взял, оно останется здесь.

– Ты безумен, друг мой, – заметил темный с кривой усмешкой.

– Как каждый из нас, – не стал спорить бывший слуга Закатного Замка. – Но, если ты намерен и дальше идти за мной, окажи услугу, проводи до порога. Не хотелось бы пугать слуг.

– И ты думаешь, я соглашусь?

– В такой просьбе не отказывают.

Их взгляды встретились. Сколько длился молчаливый спор, ни один из них не смог бы сказать, но Аркант сдался. Покачал головой, выражая свое неодобрение, и кивнул.

– Хорошо. Но знай, я не одобряю.

– Я знаю. И ценю, – с облегчением выдохнул Мортен, и они пошли медленнее.

Впрочем, даже так, неторопливо бредя по коридорам родового поместья, они все равно достигли цели. Скрипнула давно не смазываемая дверь, в лицо пахнуло сыростью и тленом, и Мортен остановился на мгновение, словно колеблясь. Выругался, сжав кулаки, и вошел.

Аркант последовал за ним, щелкая пальцами и создавая осветительный шар над их головами. В отличие от друга, он не успел отвыкнуть ни от склепов, ни от их наполнения, ни от желавших познать темную сторону идиотов.

– Здесь давно не убирались, – заметил темный, оценив паутину. Ее создатели торопливо разбегались, перебирая мохнатыми лапками. Но даже сквозь их творения легко было разглядеть мраморную скамью, три гроба и на полу, у одного из них, игрушечного зайца, из тех, что дарили детям.

– Я долго отсутствовал, – пожал плечами Мортен, рукавом стирая пыль с одного из гробов. – А больше сюда никто не ходит.

– Вот как? – Аркант вздернул брови и подошел ближе, заглядывая другу через плечо. – Мне казалось, древние рода, наоборот, стремятся всем и каждому продемонстрировать свою связь с королями прошлого.

– Не для всех связь с создателем Лабиринта – доблесть, – поморщился Мортен, проводя пальцами по могильной плите. – Не имея возможности отомстить мертвым, приходят к живым. Отчего-то считалось, что к нам смерть милосерднее.

– После твоего возвращения даже мне сложно думать иначе, – не удержался от ехидства Аркант, что не помешало ему сочувственно положить руку на плечо другу. – Всем темным семьям пришлось нелегко, но мы справились. А про вас все забыли.

– И, кажется, я знаю почему, – хмыкнул Мортен. – Пусть он об этом и не рассказывал.

– Он? – Аркант насторожился.

– Он. – Взгляд бывшего слуги стал задумчивым. – С тех пор как я вернулся, он ни разу не навестил меня.

– А раньше вы виделись? – уточнил Аркант, прищурившись.

– Порой – да. Я нашел это место шестилетним мальчишкой, привел отца, хотел узнать больше об усыпальнице, о похороненных

здесь людях, но, кроме порки и криков, не получил ничего. Стоит ли говорить, что следующей ночью я вновь вернулся на это место. И мой дар проснулся. Я хотел ответов, и они мне их дали. Вероятно, в ту ночь я узнал о своих предках больше, чем мог бы мне поведать отец. Узнал – и пообещал вернуться.

– И ты стал приходить сюда по ночам? – предположил темный, установив причину появления в склепе игрушки.

– Одному было страшно, – Мортен проследил за взглядом друга и, наклонившись, поднял зайца. – С Диком – спокойнее. Да и Аскольд питал к нему теплые чувства, вот я и оставил его здесь, прощаясь, перед отъездом в Иертан. – Мортен посадил зайца на могильную плиту. – Он приходил еще пару раз, последний – перед нашим экспериментом. Приходил попрощаться, будто знал, что ничем хорошим наша самонадеянность не кончится.

– Полагаю, знал, – подтвердил Аркант, закусив губу. Своей вины он никогда не отрицал, как и не оправдывался. – Как и то, что не удастся убедить двух идиотов не лезть туда, куда не следует, даже если очень хочется.

– Я не могу отделаться от мысли, что его окончательный уход связан со мной.

– Возможно, это и так, – согласился темный и напомнил: – Но едва ли кто-то бы смог заставить создателя Лабиринта поступить противно собственным желанием. И если он ушел, выкупая твою жизнь или по иной причине, это был его выбор. И тебе придется это принять. И еще раз подумать, стоит ли избавляться от подарка, зная, как дорого он обошелся.

– Я. Уже. Все. Решил.

– Но попытаться стоило, – хмыкнул темный и, вернув прежнюю серьезность, добавил: – Я буду ждать твоего возвращения.

Мортен усмехнулся и покачал головой.

– Не в этот раз.

Аркант покачал головой, молча обнял друга и одним ударом выбил его дух на границу.

Здесь не было света, но он и не был нужен. Не было звуков – все тонуло в тишине. Не было, казалось, и времени. Словно все застыло в

молочном тумане. Мортен обернулся, но не увидел ни друга, ни родовой усыпальницы.

– Не ожидал увидеть тебя здесь столь рано. – Холодный голос пришел с порывом ветра, разметавшего клочья тумана и разорвавшего тишину.

Прямо перед Мортеном появилась фигура незнакомца. Вероятно, при жизни полуэльф был красив, но граница внесла свои коррективы, стерев все краски с его лица. Он казался выцветшей картинкой, пролежавшей долгие годы на палящем солнце и утратившей всякую индивидуальность. Сейчас перед Мортеном стояла статуя, лишь по чьему-то божественному недосмотру оказавшаяся способной к речи.

– Мы знакомы? – Мортен отступил на шаг, увеличивая дистанцию между собой и новоприбывшим. Впрочем, расстояние между ними не изменилось, будто само пространство здесь жило по иным законам.

– Когда-то были, – хмыкнул его собеседник, впери в мужчину тяжелый осуждающий взгляд. – Я готов проводить тебя обратно, если ты оказался здесь случайно. Подумай, нужно ли тебе продолжать этот путь. В конце – здесь нет ничего, за что следовало бы бороться.

– Позвольте мне самому это решать, – Мортен говорил спокойно, не позволяя себе усомниться ни на мгновение. И это выдавало его неуверенность. Поспешность ответов, их чрезмерная решительность, громкость...

И его собеседник это понял. По губам Тени скользнула улыбка.

– Друзья должны помогать друг другу. Идем, я выведу тебя отсюда.

Незнакомец протянул ему ладонь, скрытую перчаткой.

– Мы не друзья, – прищурившись, покачал головой Мортен. – И никогда ими не были.

– Как жаль это слышать, – заметил светловолосый. – Мне казалось иное. – Он сделал будто бы один шаг, но оказался за спиной Мортена. – Тебя здесь не ждут. Убирайся, пока есть такая возможность.

– Я останусь.

– Дурак. – Смех незнакомца заполнил собой все пространство. Мортен непроизвольно дернулся, пытаясь прикрыть уши, но даже такая защита не принесла никакого результата. Смех был везде, пробирающий до глубины души, заставляющий все внутри

задрожать. – Никто из тех, кто самовольно явился к Вратам, так и не добрался до Замка. Это вечная мука, вечная скорбь и наказание для недостойных.

– И все же я рискну, – перекрикивая смех, сжав пальцы в кулаки, сказал Мортен, и звуки стихли, повинувшись одному лишь жесту незнакомца.

– Тогда твоя дорога начнется не здесь, – ехидно, как показалось Мортену, заявил слуга Хозяйки Замка. – Посмотрим, так ли ты хорош.

Фигура полуэльфа дрогнула и начала растекаться туманом, с каждым вздохом занимая все больше пространства вокруг. Мортен стоял недвижим, ожидая продолжения и готовясь увидеть что угодно, но, когда туман исчез, окружающий мир вокруг мало изменился. Мужчина все еще был один, разве что носки его сапог утопали в песке. Холодном или горячем – он не чувствовал.

Мортен обернулся, но только пески окружали его. Ни тропы, ни утоптанной дороги, ни иной подсказки, куда ему следовало идти.

– Все еще хочешь оставаться здесь? – Уже знакомый голос полуэльфа вклинился в его мысли. Сам слуга появился в некотором отдалении, словно ныне не желал оказываться рядом с рискнувшим пойти против миропорядка смертным.

– Всегда мечтал, – буркнул Мортен, отворачиваясь, но все равно кося взглядом на и не думавшего исчезать служителя Замка. Тот же молчал, демонстративно сложил за спиной руки, чего-то ожидая. И бывший маг поймал себя на мысли, что хочет уйти, скрыться от тяжелого взгляда полуэльфа и... усмехнувшись, направился прямо к нему.

– И чем это направление лучше других? – Тень вздернул бровь.

– Тем, что оно единственное, куда не хочется идти. Если не дать бой своему страху, можно вечно бродить обходными путями и так ни к чему и не прийти.

Губы полуэльфа дрогнули.

– Принято. – Он коротко поклонился, а земля под ногами задрожала, сотрясая и извергая на поверхность высокие, казалось, подпирающие само небо, Врата.

– «Начало и конец пути», – прочел Мортен и усмехнулся. Правда, надолго его улыбки не хватило. Сквозь разверзнувшиеся Врата ему навстречу вышли трое. Четвертый же вылетел следом, торопливо маша

крылышками и норовя уцепиться острыми когтями за край хламиды одного из встречающих.

– Соглядатай, ну Соглядатай, ну выпусти меня. А я... – Болтливый Иерг почесал единственный рог, прикусил раздвоенный язык и, так ничего и не придумав, взвыл: – Я тебе этого никогда не забуду!

– Никто и не позволит. – От голоса второго содрогнулись, казалось, небеса. Низший демон поморщился и торопливо прикрыл уши ладонями, демонстрируя два сломанных когтя.

– Громогласный, ну зачем же так орать? – плаксиво поинтересовался Иерг, отцепляясь от Соглядатай и присаживаясь на плечо тому, кому лучше было бы молчать. На третьего их спутника болтливый низший предпочитал даже не коситься, но Мортен не мог себе позволить игнорировать вероятного противника. Впрочем, не узнать это создание, в три раза выше обычного человека, с вытянутыми тонкими конечностями, сквозь мышцы которых проглядывали желтые кости... Ему даже оборачиваться не пришлось, являя единственному зрителю свой повернутый назад лик. Мортен знал имя этого чудовища, а зная имя, в Лабиринтах можно было сотворить многое, но главное – чего можно было миновать.

– Соглядатай. Громогласный. Тот, чей лик повернут назад многими образами, – отчеканил Мортен, и все три чудовища, стражи Первых Врат, замолчали, взглянув на него. Один лишь Болтливый Иерг, пользуясь замешательством привратников и тем, что они пока не сообразили обвинить его в ускользнувшей из-под носа пище, усиленно заработал крылышками, слетая к Мортену.

– Сделка? – хитро подмигнул бывшему слуге низший, пытаясь пристроиться на плече мужчины, но тщетно. Стоило ему перестать махать крыльями, как живот перевешивал, и болтун начинал клониться к земле.

– Входи, достойный, – не дал Иергу начать уговоры привратник. Тот, на кого меньше всего хотелось смотреть. Он отступил в сторону, освобождая проход. Так же поступили и двое других, прожигая кружившего вокруг Мортена Иерга злыми взглядами. Низший ойкнул и предпочел упасть несговорчивому путнику на голову, вцепившись в волосы острыми коготками и часть из них срезая, отчего не смог удержаться и шлепнулся на песок.

– Ай, горячо-то как! – возопил он, торопливо взбегаая на ступеньки и дуя на обожженный хвост. Увы, его стараний никто не оценил. Трое молча следили за Мортеном, а мужчина медленно, ожидая нападения с любой из сторон, поднимался по ступеням, а после, глубоко вздохнув, шагнул сквозь пылающие алым Врата. Куда его выбросит воля Лабиринта, он не знал, но отчаянно верил, что сможет справиться с любым испытанием. Успевший броситься вперед и обнять ногу путника, Иерг показал трем чудовищам язык и исчез.

– В следующий раз я съем его, – громогласно пообещал самый громкий из троицы, и они по очереди переступили порог Врат, возвращаясь.

Иерг, услышав обещание Громогласного, наверняка бы икнул и пошел бы пилить свой второй рог, желая замаскироваться под своего дальнего родственника – Пузатого Иерга, но он не слышал зарока. Зато слышал, как шипят потревоженные змеи третьей горы, к подножию которой их выбросило.

– Уходим отсюда, быстрее! – Низший споро вскарабкался по штанине, обнял Мортена за талию и... повис вверх тормашками, изловленный рукой мага. – Бежим, а то он проснется! – не обращая внимания на позу, в которой оказался, увещевал низший.

– А что мешает мне оставить тебя здесь на съедение... кого ты боишься? – Мортен вопросительно вздернул брови.

– Ты только угрожаешь, а сам добрый! – неожиданно заявил Болтливый Иерг и подмигнул. – Не в первый раз идем, так что можешь не пытаться. Тогда тоже обещал бросить и монстрам скормить, а там почти до самого Замка довел. – Низший коснулся сломанного рога, но даже воспоминание о его потере не смогло стереть благодетельную ухмылку с его морды. – Так что это... вперед и потише, пока нас не почуял змей и не съел. Здесь тебе не нижний мир, где после смерти еще шанс есть. Здесь одна ошибка – и с концами, ни жизни, ни перерождения. Так что шевели, чем тебя Великие наградили, и уноси уже нас отсюда!

Мортен хмыкнул, встряхнул своего неожиданного спутника, напоминая об уважении, и все же последовал его совету, аккуратно переступая через просыпавшихся змеек.

– На гору обязательно идти? – уточнил он.

– Нет!!! – Если неизвестный змей еще спал, то от крика Иерга наверняка пробудился. – Ни за что. Никогда туда не ходи. Нам дальше, туда.

Когтистая лапка указала в противоположную сторону от горы, у подножия которой они стояли.

– Но тропа ведет в гору, – заметил маг, отходя к самому краю выложенной гладким камнем дороги.

– Тропа куда угодно вести может, но, если не хочешь стать пищей для змея, идем уже отсюда. Ты в этот раз даже без дара, куда тебе против Стража Третьей Вершины. Он знаешь какой?

Иерг расправил плечи и попытался напрячь отсутствующие мускулы.

– Знаю, – хмыкнул потерявший свой дар темный. Теперь, после произнесения низшим имени монстра, Мортен действительно знал. Метатель ножей, как его именовали, обитал на вершине третьей горы, в длину достигая не менее тридцати локтей. Для него не было разницы, чем питаться: душами стремящихся к Замку путников или здешними обитателями, а потому третью вершину обходили стороной все. И Мортен бы обошел, вот только выросшая прямо перед ним стена настойчиво требовала вернуться и сразиться с вечным монстром.

– Кажется, нам придется с ним встретиться, – спокойно заметил Мортен, осторожно опуская Иерга на тропу. Здесь, в отличие от Первых Врат, не было песка – скорее топь, но дорожка странным образом не проваливалась.

– Ничего подобного! – потряс кулачком Иерг. – Тогда не пошли, и сейчас не пойдем. Ты что, забыл? – Низший нахмурился, внимательно оглядел своего спутника и хлопнул себя по выдающемуся животу. – Да быть не может. Я на самом... – Он зажал себе рот, но не удержался и все же выпалил: – Да мне никто не поверит. На Тени Ее Темнейшества прокатиться. – Иерг запрыгал, кружась вокруг своей оси. – Самый отважный! Иерг! Самый восхитительно прекрасный! Иерг!..

– Самый питательный для Метателя ножей. Иерг, – закончил песенку низшего Мортен и увидел, как побелела бугристая кожа спутника.

– Я тебе еще пригожусь, – взмолился он, заглядывая в глаза мужчине и просительно складывая лапки. Он даже на колени плюхнулся. – Пригожусь еще, не надо меня змею.

– Ладно, – отмахнулся Мортен, взглядываясь в гору. – Какой здесь иной путь?

– А разве он нам нужен? – удивился низший, торопливо поднимаясь. Даже хвостом тряхнул, словно тот успел запачкаться, хоть и не касался дорожки.

– А разве нет?

– Теперь – нет, я ж не знал, что ты так поднялся! – Иерг завистливо присвистнул. – Теням все здешние монстры подчиняются. Не веришь? Идем тогда. – Низший вцепился с штанину Мортена. – Всегда мечтал прокатиться на Метателе ножей.

– Как бы не пришлось от него бегать.

– Не придется! – заверил его Иерг и попенял: – Мог бы сразу тем трем чудищам сказать, кто ты! Интересно, как бы их перекосило? – Голос низшего звучал все громче, словно он больше не стремился прятаться – напротив, хотел привлечь как можно больше внимания. – Идем уже, мой счастливый билет. Я проведу тебя по самому интересному маршруту, а ты меня покатаешь. Идет?

– Нет. – Мортен отрицательно качнул головой. – Катать не стану, сам дойдешь.

Впрочем, его решение было поспешным. Короткие лапки Иерга не были предназначены для дальних переходов, а крылья устали еще до того, как они достигли вершины. Но упрекать в жестокосердности Мортена низший не рисковал, только опасливо косился, жалуясь на тяжкую жизнь и собственное несовершенство.

На пятой или шестой тираде Мортен не выдержал и подхватил-таки воспрянувшего духом Иерга на руки. Тот с готовностью ухватился за возможность отдохнуть и уже спустя миг развалился на руке бывшей Тени, прижатый к груди мужчины.

– Ну пойдем быстрее, пойдем, – уговаривал Иерг, но Мортен не торопился штурмовать вершину, поднимаясь в одном ему ведомом ритме. Он то останавливался, чтобы взглянуть вниз, ожидая, пока змеиное воинство расползется в стороны, то стремительно миновал свободные от змей участки, то шел медленно, едва-едва отрывая ноги от тропы.

Огромная туша змея появилась перед ним внезапно. Гладкая чешуя, в которой наверняка бы отразилось небо, если бы оно не было затянуто ночным мраком.

– Так темно, – протянул мужчина, отмечая очевидное, но то, чего не должно было быть в этом мире.

– Угу, – закивал Иерг. – Как Хозяйка вернулась, так наш мир и погрузился в беспросветную тьму. Я, конечно, не смею оспаривать волю Темнейшей, но алое небо было приятнее. Охотиться легче. А то эти темные так хорошо сливаются со мглой, что не знаешь, кого кусаешь. А потом зубы ломаются! – посетовал Иерг, открывая пасть и ковыряя один из зубов. – Вот, смотри, выпал. – Он что-то дернул во рту и показал Мортену поверженный клык. – Совсем новый был, только отрос, – пожаловался низший, работая челюстями и ожидая, когда покажется новый кусачий инструмент. – Надоело уже, сил моих нет, небо-небушко, вернись как было!

Он воздел лапки вверх, будто заклинал это самое небо, но то проигнорировало его молитвы. Зато не проигнорировал их появление змей. Гладкое тело пошло волнами, тихим шелестом потревоженных останков выдавая бодрствование Метателя ножей.

Иерг съехал по руке Мортена вниз и спрятался за его ногами, что, впрочем, не мешало ему выглядывать из-за своего спутника и строить гримасы монстру. Правда, стоило низшему почувствовать прикосновение холодных чешуек к собственному телу, как Иерг взвизгнул и вновь вскарабкался на Мортена.

Лишь заключив нежданных гостей в кольцо собственного тела, Метатель ножей возвысился над ними, раздувая капюшон, и высунул раздвоенный язык. Мортен не шелохнулся, напряженно глядя на монстра и ожидая чего угодно. Верить Болтливому Иергу на слово он бы не стал, но слишком похожие речи говорили ему остальные, и, если он действительно Ее слуга, монстры не должны быть ему опасны.

Раздвоенный язык коснулся щеки мужчины, но Мортен не дрогнул, спокойно выдерживая «знакомство». Чего нельзя было сказать об Иерге. Стоило змею коснуться упитанного пуза низшего, тот взвизгнул и едва не сверзился вниз, в заботливо созданное для его ловли кольцо.

– Не-е-ет, меня нельзя жрать. Я с ним! – Иерг замахал лапками, отчего тут же полетел вниз. Мортен успел подхватить его за миг до встречи с хвостом змея. – Ну скажи ему!

– И он меня поймет?

«Луч-ч-ш-ше, ч-чем ты думаеш-шь, – раздалось насмешливое, вкрадываясь в мысли Мортена. – Ч-что велела госпож-ж-жа? Озвуч-чь ее волю».

– Помоги нам быстрее добраться в Замок.

«Слуш-ш-шаюсь».

Змей не стал ерничать. Лишь отрыгнул чью-то не до конца переваренную конечность, продемонстрировав набор острых, с локоть длиной, зубов, и опустился на землю, давая путникам забраться на себя. Увы, радость почувствовавшего себя покорителем змей Иерга длилась недолго: от непривычного транспорта его стало мутить. Да и Мортену не слишком удобно было балансировать на спине Метателя ножей.

«Дальш-ше мне нет пути», – признался монстр, достигая невидимой преграды и со всем почтением скидывая наездников, и гибкое тело, извиваясь, двинулось обратно.

– Ух, никогда этого не забуду! – заявил Иерг, обмахиваясь крылышками. – Рассказать кому – не поверят.

– Тогда просто промолчи, – заметил Мортен, устав от болтовни спутника. Тот, словно почувствовав это, просиял.

– Нет, как иначе я буду пищу добывать? Ни когтей, – он спрятал за спину лапки, – ни зубов, – поджал губы, чтобы клыки видны не были, – ни даже полноценных рогов у меня нет, – пожаловался низший. – А кушать хочется. И расти нужно. И рог восстановить. Ну пострадай еще немного, что тебе стоит?

– Его энергия тебе не подойдет, – вмешался в их разговор давешний полуэльф, появляясь в нескольких шагах от них. – В вашей паре именно он забирает твою силу. Брось его, пока еще есть силы махать крыльями.

– А вот и не брошу! – Иерг погрозил кулачком полуэльфу, вновь прячась за ногами Мортена. – Он из ваших – самый нормальный. Не такой отмороженный, как ты, Лорвин, и не садист, как Карбин. Вот сейчас вернется – и как заживем...

– Он не вернется. – Лорвин опустился на одно колено и заглянул низшему в глаза. Точнее, попытался, так как глазки Иерга бегали, не желая сталкиваться взглядами с самой неприятной Тенью Замка.

– Вернется! – упрямо заявил низший. – И ты нам не помешаешь!

– У меня нет такой цели, – хмыкнул полуэльф. – Да и вы уже забрели туда, куда нет хода даже Теням. – Он рассмеялся. – Вечность в компании болтуна, ты заслужил это, Мор.

– Раз заслужил – приму с честью, – коротко отозвался мужчина и развернулся на каблуках. – Иерг?

Низший торопливо вскарабкался по протянутой руке.

– Путь в Замок закрыт для тебя. – Ветер донес брошенные ему в спину слова.

– Он же врет? – спустя некоторое время, когда они отошли достаточно далеко по выложенной брусчаткой дорожке, уточнил Иерг. – Ты был любимчиком Ее Темнейшества. Лорвин просто завидует, – убеждал то ли Мортена, то ли самого себя низший.

Мортен молчал, и Иергу пришлось затихнуть, прислушиваясь, как и его спутник, к тишине. Мрачная, давящая, в какой-то момент низшему даже показалось, что она начала шептать, и он попытался ответить, но холодные пальцы мужчины зажали ему рот, не давая произнести ни звука. Бывший слуга стоял, закрыв глаза. Его веки дрожали, будто он видел что-то, от чего хотел очнуться, но не мог. И замерший было Иерг укусил мешавшие ему пальцы.

– Эй, в себя приди. – Когти Иерга пробили брючину. Мортен вздрогнул и открыл глаза. Недоуменно огляделся, поморщился, почувствовав, как жгутся места укусов, и попытался было вновь закрыть глаза, но Иерг бдел, и новый укус сорвал болезненный стон с губ мужчины. – Идем отсюда. – Низший облизнулся и торопливо сглотнул чужую кровь, пока не заставили выплюнуть. Усталость, начавшая было одолевать его, отступила. Кровь была не худшей пищей для обитателей Лабиринта, и отказываться от снизошедшей на него благодати Иерг не собирался.

– Идем, – согласился Мортен и, подхватив Иерга на руки, шагнул в прямо противоположном от ожидаемого направлении.

– НЕТ! Не туда! – Крик Иерга утонул в объявшем их тумане.

Понимая, что не в силах более влиять на своего спутника, низший крепче прижался к Мортену и втянул голову в плечи. Так было неудобно, но это вселяло ложную надежду, что их дорога не завершится отсечением головы чересчур разговорчивому местному обитателю.

Туман развеялся внезапно, словно его смыло потоком горной реки по весне. Мортен хрипло вдохнул, отчего сидевший на его руках Иерг серьезно задумался. Тени, как и все прочие обитатели этого мира, не дышали. Точнее, не испытывали в этом необходимости. Имитировать то они могли что угодно, строение организма, вдохновленное чужими кошмарами, позволяло, но вот желания и необходимости не было.

– Ты еще живой! – выдохнул укоризненное Иерг и почесал коготками затылок. – Как же так?..

Мортен не стал отвечать. Все его внимание принадлежало пещере, в которой они оказались, сойдя с дорожки по воле требовательных голосов, звеневших в голове бывшего слуги. Здесь не было ничего особенного. Неподвластные тлению колченогий стул, топчан в углу и низкий столик, на котором покоилась незаконченная статуэтка. Инструменты плотника нашлись там же, в идеальном порядке, словно перед уходом мастер решил завершить все дела, которые мог.

Иерг соскользнул с рук Мортена и деловито прошелся по пещере. Тьма, скрывавшая чужие секреты, для обитателей Лабиринта была сродни родной матери, а потому им не требовался свет, чтобы видеть все, что было им позволено замечать. А здесь никто не стал ничего прятать, уповая на былую дурную славу этого места и передаваемые из уст в уста страшные истории.

– И это все? – Иерг взобрался на низкий столик и повел плечами, разминая крылышки. Покачнулся, но живот помог удержать равновесие, работая противовесом крыльям. Лязгнули задетые стамески, и Мортен поморщился, ссаживая неповоротливого спутника на пол и поднимая со стола недорезанную статуэтку размером не больше ярморочных кукол, какие любят таскать с собой дети. С локоть, не выше.

– Ой. – Иерг приложил ладонь к губам, чтобы с них не сорвалось ничего оскорбительного. Уж он-то, будучи не просто посетителем Лабиринта, а его прямо-таки коренным жителем, облик Темнейшей даже в деревянной болванке узнал. По одному лишь силуэту платья, по разлету бровей статуэтки, остальные черты лица на которой отсутствовали. – Если Она узнает... Если Ей донесут... – распереживался низший, нервно дергая кончиком хвоста. – Ой, что будет... И кто только посмел?..

Мортен грустно улыбнулся, узнав вырезанный снизу, на плоском основании статуэтки, знак. То, что Ее Темнейшество разозлится, рассмотрев себя в деревяшке, не подлежало сомнению, но едва ли она станет мстить тому, кто дерзнул. Хотя бы потому, что мстить уже просто некому. Его величество Аскольд закончил свое служение, так и не встретив собственного потомка на тропинках Лабиринта.

– Идем, – прервал причитания хватавшегося за голову Иерга Мортен.

– Как? А уничтожить здесь все? Если кто-то узнает... Если ей донесут...

– Я лично и расскажу, – оборвал его Мортен, заставив низшего вздрогнуть, замереть недвижимо, а после с облегчением стукнуть себя по лбу. Дескать, как он мог забыть, с кем направился погулять по Лабиринту. Впрочем, это не помешало ему просительно сложить ладошки и взмолиться:

– Только обо мне не говори. Сам ходил, сам нашел. А бедняга Иерг ничего не видел и не слышал. – И низший заглянул в глаза своему спутнику.

– Хорошо, – согласился Мортен, просто чтобы не начинать бесполезный спор. Бережно опустил статуэтку на столик, разложил в прежнем порядке инструменты и обернулся к выходу. Деревянная дверь даже не скрипнула, когда он толкнул ее вперед, а вот реальность вновь сменилась.

– За что?.. – простонал Иерг, вскарабкиваясь по Мортену и цепляясь за его рубашку, взглянул вниз, на распростершийся перед ними город, и плаксиво заметил: – Это последний день моей жизни. Город. Только сюда нам и не хватало заявиться. За что Лабиринт тебе мстит?

Мортен промолчал, нахмурившись, оглядел раскинувшееся перед ними поле цветных огней, оценил доносившиеся до них отголоски музыки и веселых возгласов и недоуменно уточнил:

– Что это за место?

– Это Город, – нервно дернул хвостом Иерг. – Сюда не найти дороги обычному смертному, запрещено являться и низшим. Одни лишь Тени и пожиратели чувств навещают это место. Неужели ты не знаешь? – Он осекся. – Хотя вы же выполняете лишь то, что вам поручит госпожа, – объяснил сам себе чужое неведение Иерг.

– Его можно обойти? – помедлив, словно взвешивая все «за» и «против», спросил Мортен.

– Если бы. Только вернуться обратно. – Иерг обернулся, но дверь, через которую они прошли на холм, исчезла. Одни лишь горы были за их спинами. Ни обойти, ни повернуть назад. Низший подбежал к твердыне, постучал аккуратно по камню и вернулся, дуя на пострадавшую конечность. – Заперли. Как есть заперли. Лорвин, чтоб его все монстры облизали, гада такого!..

– Я запомню, – пообещал спокойный голос полуэльфа. Сам он неторопливо поднимался к ним по уходившей к подножию горы тропе. – Далеко забрались, – заметил полуэльф, останавливаясь в трех шагах от Мортена, и мстительно добавил: – Здесь и останетесь. Войти в Город легко, выбраться... не всем под силу. Рискнешь? Или проводить на выход?

– Вот так просто?

– Отчего же? – В голосе полуэльфа послышалось ехидство. – Вернувшись сейчас, ты больше никогда не войдешь по своей воле на земли госпожи. Ни одни из Врат не откроются, и только это место, – он кивнул на распростершийся внизу Город, вокруг которого, вторя его словам, вспыхнула огненная преграда, – примет тебя после смерти. Навечно.

Довольная улыбка тронула губы полуэльфа, но тут же исчезла, когда, будто оскорбленный этим нечаянным проявлением превосходства, Лорвин поморщился.

– Такова Ее воля? – спокойно спросил Мортен, не сводя взгляда с полуэльфа. По лицу Тени прошла волна. Эмоции сменялись так быстро, что любопытный зритель мог заметить и досаду, и раздражение, и лютую зависть. Все промелькнуло в мгновение ока. Лорвин открыл было рот, чтобы ответить, но схватился за горло, не в силах соврать. Только глаза его полыхнули гневом.

– Нет, – наконец хрипло сказал он и, разозлившись, исчез.

– Значит, вечность в Городе, – смирившись с неизбежным, заключил Иерг. – Но хоть будет что вспомнить, – уныло продолжил низший. – Этак его перекосило... Знатно он тебя недолюбливает!

Иерг хлопнул Мортена по колену – выше не смог дотянуться – и полез вверх, карабкаясь по уже изрядно дырявой брючине.

Спуск прошел неожиданно хорошо. Мортен ни разу не споткнулся, а сверху не прилетел метко запущенный камень. Впрочем, Лорвин наверняка не отказал бы себе в удовольствии, но, видимо, камни не могли избавить его от бывшего коллеги, блуждающего по Лабиринту.

При их приближении огненная стена взметнулась, казалось, до самого неба и опала, открывая проход к мосту, перекинутому через глубокую – никто еще не смог разглядеть дна – расщелину. И только нога путника коснулась земли по ту сторону провала, огонь вновь взметнулся вверх, отрезая Город от остального Лабиринта.

Иерг соскользнул вниз и, спрятавшись за ногами спутника, замер в ожидании, готовый в любой момент рвануть обратно. Правда, недалеко. Уже в локте за ним, опалая кожу монстрика, горело пламя.

Мортен медленно приблизился к воротам, постучал, но ничего, кроме собственных глухих ударов, не услышал. Музыка, крики, что были так хорошо слышны прежде, смолкли, будто их никогда и не было. Словно весь внешний вид Города был иллюзией, призванной заманить мимоходящих путников в этот странный уголок.

Ледяной воздух наполнил легкие, и Мортен закашлялся, прикрывая ладонью рот. Сколько длился приступ – он не знал, но, когда странное поветрие его отпустило, на пальцах он увидел кровь.

– Дай лизнуть? – просительно сложив лапки, взмолился Иерг. – Тебе уже все равно, а мне лишняя сила. – Мужчина поморщился. – Дай, ну дай. Не дашь мне – придется вытирать. А знаешь, как мы тут все любим человеческую кровь? Увяжется еще с нами кто-то. И хорошо, если только увяжется.

– Метатель ножей нас отпустил, – напомнил Мортен.

– Метатель – змей разумный, с Тенями не понаслышке знакомый. А какой-нибудь новорожденный кошмар может и не признать. И что тогда? – Иерг подпрыгнул, пытаясь уцепиться за руку. – А так – раз, и все. Ну дай, пока с концами не умер. Мы слишком далеко зашли, чтобы это никак не отразилось на твоём самочувствии.

– А как оно должно отразиться? – хмыкнул бывший слуга Темнейшей, опуская руку, и Иерг радостно бросился вперед.

– Каждый шаг по отмеренной Лабиринтом дороге лишает смертного чего-то важного. Надежды там, иллюзий на свой счет, – отрываясь от слизывания запекшейся крови, сообщил низший. – Чем

дальше заходишь, тем сильнее страдает тело. Ты ж еще жив, – заметил Иерг. – По крови чувствую. В тебе еще есть сила иного мира. Потому угрюмый и предлагал отвести назад. Пока еще путь для тебя не окончательно закрыт. Хотя обычно, – он вздернул вверх коготь, – так не поступают. Раз уж явился незванный – все, путь домой заказан. Нам тоже надо чем-то питаться. – Иерг облизнул оскаленные клыки и отстранился довольный. – Вку-у-усно.

Мортен промолчал, глядя на вылизанную ладонь. Отер ее о штанину, чем вызвал оскорбленный стон у Иерга, и толкнул казавшиеся тяжелыми створки ворот. Они поддались легко, распахнувшись во всю ширь и являя новоприбывшему пустую улицу. И пусть отсутствие света более не играло никакой роли для Мортена, он не мог отделаться от мысли, что тьма сгустилась над этим местом. Впрочем, хлынувший в его сторону туман был лучшим подтверждением, что в Городе происходит нечто странное.

– Ай, меня забыл. – Иерг бросился к мужчине и поднял лапы, давая понять, что ходить ножками для него неприемлемо. Мортен уже привычно подхватил монстрика и посадил себе на руку, прижимая к груди. – Что же здесь случилось... – пробормотал низший, крутя шеей, будто она вовсе ни к чему не крепилась. – Может, назад пойдём?

– Едва ли огонь нас пропустит, – заметил Мортен, напряженно вглядываясь в туман, которого с каждым шагом становилось все больше. Если у самых ворот он был ему лишь по колено, то уже спустя пару шагов достиг пояса.

– Но там хотя бы будет понятно, отчего мы почили в расцвете лет, – весело заметил Иерг. – А здесь... Это же не Верхний Лабиринт, здесь туману не место. А чувство – будто туда загулял и хочет присосаться какой-то паразит, но никак не может решить, куда лучше впитаться.

Монстр передернул плечами и укрыл себя кожистыми крыльями. Не слишком хорошая защита – но за неимением другой...

– Попробуй не дышать, – посоветовал Иерг, сам себе зажимая рот. Впрочем, он и так не дышал, но вот отказать себе в беседе не мог, поэтому смирился и, закатив глаза, посетовал: – Погиб Иерг, заложник слова, пал жертвой низменных страстей...

Чужой смех, сдобренный одинокими аплодисментами, заставил обоих гостей Города подобраться. Иерг вытянул вперед лапы,

выпуская когти во всю длину. Мортен, напротив, недвижимо замер, прислушиваясь и пытаясь определить источник звука. Увы, туман здесь не гасил звуки, а напротив – словно бы порождал их.

– Хозяйка... – В голосе Иерга послышалась паника. – Темнейшая Ани...

Договорить он не успел. Сгустившийся туман рванул вверх, отрезая их от остального мира. Осталась лишь глухая тишина. И, если бы не впившиеся в Мортена когти, которые явно свидетельствовали, что низший не один, Иерг бы сошел с ума от страха и бесплодных попыток вырваться из западни.

«Ты мне не нужен», – пронеслась в его сознании чужая мысль, будто кто-то брезгливо смахнул ее в сторону паразитирующего монстрика.

В другой ситуации Иерг бы возразил и попытался доказать, что уж он-то абсолютно точно нужен всем. Но это в другой ситуации. Ныне же он замер, благодаря Хозяйку за подобное пренебрежение к своей персоне.

«Не смей ее звать, – приказал голос в его голове. – Пусть ты и слаб, но неожиданности мне не нужны».

И ставший плотным, как никогда, туман словно склеил губы монстрику, а после через носовые дырочки потек внутрь. Последним, что успел понять Иерг, было: «И все-таки этот день настал». После чего низший разжал лапки, втянул когти и полетел вниз.

И пусть он не успел долететь до дороги, подхваченный у самых камней Мортеном, Иерг не знал об этом, бессознательной тушкой повиснув в руках мужчины.

– Приветствую, мой юный друг. – Голос незнакомца звучал хрипло, с ноткой насмешки того, кто чувствует себя хозяином положения. Сам говоривший меж тем даже не делал попытки показаться, полностью скрытый туманной завесой.

– Да осветят ваши дни милосердные боги, – хмыкнул Мортен, прикрыв глаза и полностью опираясь на ощущения. Интуиция подсказывала, что хозяин тумана, если его можно так назвать, стоял у него за спиной, придирчиво оглядывая захлопнувшиеся за спиной гостя ворота.

– Разве что факелами погребальных костров, – скривился его неожиданный собеседник, нахмурился и жестом разогнал туман,

освобождая улицы от серой дымки. – Удивительно, но он для вас не помеха, мой юный друг.

Мортен промолчал, решив не акцентировать внимание собеседника на том, что внешность мага – вовсе не показатель прожитых им лет. Впрочем, в Лабиринте годы и вовсе не играли никакой роли. Пятилетний мальчишка мог провести здесь долгие сотни лет, напрочь утрачивая детскую наивность. Разумеется, если никто из местных обитателей не польстится на чистую, или не очень, душу.

Его собеседник не выглядел карапузом, не был он и юношей. Скорее – зрелый мужчина лет сорока, с едва наметившейся сединой, что добавляло ему шарма. Хищный нос шумно вдохнул воздух, словно пытался уловить одни ему ведомые запахи. Светлые, выцветшие, как у Тени, глаза, недовольно прищурились.

– Кто вы, мой юный друг? И как оказались в этом месте? – поинтересовался незнакомец, потирая запястье и убирая под манжету рубашки тонкий ободок кожаного браслета с незнакомыми рунами. Впрочем, незнакомыми они казались лишь на первый взгляд. Где-то в памяти еще хранились видения подобных букв, но Мортен не мог вспомнить, где именно он их встречал.

– Дорога привела меня сюда, – уклончиво ответил Мортен, не обольщаясь добродушными интонациями незнакомца. Иерг, так и не пришедший в себя, оттягивал руку, но опускать монстрика на брусчатку мужчина не спешил.

– Длинная, полагаю, дорога? – Он даже не скрывал насмешки, степенно обходя Мортена по широкому кругу, отдавая тем самым дань уважения.

– Не короткая, – подтвердил бывший слуга Ее Темнейшества. Собеседник хмыкнул и, проведя по волосам от лба и до затылка, пригладил их. Вот уж что точно было коротким – так это его волосы. Короткими и чистыми. И если последнее обстоятельство выдавало высокое положение собеседника при жизни, то вкупе с длиной... – Откуда вы родом? – позволил себе любопытство Мортен.

Теперь, когда они стояли друг напротив друга, маг мог разглядеть непривычный крой брюк незнакомца, оценить на глаз жесткость ткани и равномерность окраски. И связку древних артефактов, не утративших своей силы даже здесь, в Лабиринте.

– Едва ли место моего рождения скажет вам о многом, если вы не узнаете этого лица, – заметил его собеседник, оглаживая лоб, скулы, проводя по подбородку.

– Возможно, я плохо учил историю, – пожал плечами Мортен.

– Все может быть, – легко согласился оппонент. – Или вы просто учили не ту историю.

– Вы могли бы представиться. Так нам обоим было бы проще определиться, – заметил бывший слуга, не питая, впрочем, надежд на внезапное прозрение. Его собеседник был чужд привычному ему миру, и Мортен прекрасно это понимал. Как и то, что действительно забрел туда, куда не следовало. Впрочем, иного пути у него уже все равно не было.

– Огюст Эвилдор.

– Мортен Эншальт.

Имена повисли в воздухе. Узнавания не произошло. И если Огюст удовлетворенно усмехнулся, ожидая подобного исхода, Мортен напротив – поморщился.

– Город кажется пустынным, – сменил тему Мортен, выигрывая себе время, как ему казалось.

– С недавних пор он таковым и является, – легко пошел на поводу у собеседника Огюст, складывая руки за спиной и поворачиваясь лицом к концу улицы. – Идемте, мой юный друг. Я проведу для вас экскурсию. Этот мусор, – он кивнул на беспамятного Иерга, – можете бросить здесь. Я позже им займусь, – пообещал Эвилдор, но Мортен упрямо не выпускал низшего, несмотря на то что свободные руки могли ему понадобиться в любой момент. – Что ж, как знаете, – поняв, что его собеседник не собирается следовать совету, пожал плечами новоявленный проводник. И, не дожидаясь ответа, неторопливо побрел в сторону от ворот.

Он не оборачивался, но Мортен готов был поспорить на свою душу, что Огюст вслушивается в его шаги, ждет, когда гость сдастся и последует за ним. И бывший слуга Темнейшей не стал его разочаровывать. Впрочем, Мортену просто нужно было время подумать, а потому провоцировать своего нового знакомого на нападение не стоило так рано. Потом, когда ситуация немного прояснится... Хотя бы в том, есть ли иные выходы из Города и не осталось ли здесь хоть кого-то, кто мог бы прояснить ситуацию.

– Вы напряжены, мой юный друг.

– Предпочитаю путешествовать по иному миру.

– Как и мы все, – усмехнулся Огюст, поравнявшись с Мортенем. –

Но боги крайне – мстительные создания. Один раз ошибешься – и все, больше тебя слушать не станут.

– Станут, – пожал плечами бывший слуга Темнейшей, – если подношение сочтут достойным.

– Вот как? – По губам Огюста зазмеилась нехорошая усмешка. – И что же ваши боги считают достойным подношением?

Мортен не пропустил мимо ушей уточнение собеседника, но не стал заострять на этом внимание. Пока не время.

– Зависит от бога, – уклончиво ответил он. – Светлейший любит золото и поклонение, Яростный – азарт поединка и победы, посвященные ему, Двудликие, – Мортен хмыкнул, припомнив, чем славятся храмы Каалисы, называемые чопорными горожанами не иначе как бордели, – не откажутся от страсти.

– А здешняя Хозяйка?

Мортен поморщился: в голосе Огюста не было ни капли уважения.

– Ходят слухи, что для того, чтобы победить смерть, нужно быть полезным для живых, – путано ответил Мортен.

– А вы, мой друг, оказались бесполезны для своего мира?

– Скорее – слишком стремился сюда, – не стал врать Мортен. По телу Иерга прошла дрожь, но монстр не очнулся, продолжая тушкой лежать на руках своего спутника.

– Мне казалось, ваша Хозяйка против преждевременного бегства в ее мир.

– Против, – согласился Мортен. – Но там меня больше ничто не держало.

– Даже брак? – Огюст кивнул на брачный браслет, охватывавший запястье собеседника. – Вы недавно женились.

– Сделка, не более того.

– Как благородно, – протянул Огюст, его глаза сверкнули серебром. А может, Мортену просто показалось. – Позвольте вас угостить?

Он кивнул на скрипучую вывеску, что раскачивалась на противоположной стороне улицы. «Последняя капля», – гласила

надпись, и никто не уточнял, станет ли посещение этого места последней каплей в терпении гостя или вместе с последней каплей здешней выпивки разорвется связь посетителя с миром живых. Увы, оба варианта были равновероятны и, скорее всего, вовсе не исключали друг друга, будучи просто стадиями принятия неизбежного.

– Сожалею, но не смогу достойно вам отплатить, – признался Мортен.

– Сможете, – не согласился с ним Огюст. И в голосе собеседника слышалась неподдельная уверенность, будто тот не просто нашел применение своему новому знакомому, но и практически закончил с претворением своего плана в жизнь. – А здесь – я угощаю.

– Что ж, идемте. – Мортен кивнул собеседнику и под выжидающим взглядом того прошел в кабак.

Света, как и везде в городе, не было, но ни для кого из местных, как и для него самого, темнота не создавала препятствий. Мортен легко рассмотрел и барную стойку с четырьмя пустующими стульями, на которой даже были заметны потеки вина, не вытертые вовремя исчезнувшим хозяином. За столиками, расставленными по периметру зала, не было ни одного посетителя, хотя их вещи лежали так, будто владельцы отошли на пару минут. Брошенные карты, горка монет, незнакомый Мортену артефакт изогнутой формы с трубкой с одной из сторон. И ни одной подсказки, что же случилось в этом укрытом от местных монстров Городе.

– Что вам налить? – Огюст обошел стойку и теперь изучал выставленные бутылки.

– «Слезы богини», – попросил Мортен, вспоминая самое дорогое из известных ему вин. Дорогое, ибо за возможность так называть свое вино жертвовать приходилось во все храмы, отдавая практически все. Те же немногочисленные бутылки, что оставались, стоили целого состояния, и именно их приносили на алтарь, желая показать истовую заинтересованность в исполнении просьбы.

– Сомневаюсь, что здесь оно есть, – задумчиво откликнулся Огюст, проводя пальцем по этикеткам. – Местная богиня определенно отказалась плакать ради нас. Выберите что-то иное.

– Я уже сделал свой выбор, – не согласился с предложением Мортен, оборачиваясь и успевая заметить, как вспыхнули гневом глаза собеседника. Что ж, его догадка оказалась верной. Огюсту нужно было

оказать ему услугу, и, если это произойдет, Мортен станет ему должен. А долги в Лабиринте имели большую ценность.

– И все же я настаиваю, – с нажимом в голосе сказал собеседник и поморщился от собственных интонаций. Прикрыл глаза, словно беря себя в руки, и уже совсем иначе, с благодушной, располагающей улыбкой и извиняющимися интонациями, Огюст заметил: – Мне хотелось бы сделать для вас что-нибудь. Уважьте уж мое желание.

– Это так важно для вас? – переспросил Мортен, перебирая в памяти варианты и размышляя, чем может закончиться их открытый конфликт. По тому, как предпочитал вести себя Огюст, Мортен заключил, что остальные горожане соглашались на услугу, в противном случае ему бы ее так настойчиво не предлагали. Но значит ли это, что его спутник сомневается в собственных возможностях в открытом поединке?

– Моя прихоть, – отмахнулся Огюст, но глаз с собеседника не сводил, выжидая.

– В таком случае, пожалуй, я бы хотел, чтобы вы помогли мне с одной безделицей.

– Я весь во внимании, – охотно подался вперед мужчина.

– Проводите меня в Закатный Замок Ее Темнейшества. Таково мое единственное желание.

Громкие аплодисменты разорвали повисшую после оглашения просьбы тишину. Огюст не сдерживался, смеялся в голос, давая понять, что он думает о «безделице».

– Неплохо, мой юный друг. Повстречайся мы в иных обстоятельствах, я бы предложил вам работу.

– Повстречайся мы в иных обстоятельствах, полагаю, вы были бы уже мертвы, – спокойно заметил Мортен, говоря, впрочем, сущую правду.

– Это угроза?

– Констатация факта. А теперь я вас покину. Мне нужно продолжить свой путь.

Мортен повернулся к выходу, спиной чувствуя направленный в нее острый взгляд и ожидая нападения. Огюст не разочаровал:

– Мне жаль, мальчик, но позволить тебе уйти я не могу. Не ровен час, ты действительно сможешь выбраться из этого города.

Хлынувший из тела Огюста туман вмиг заполнил собой весь кабак. Исчезли звуки, запахи, образы. Один лишь сгустившийся туман – и больше ничего. Мортен вдохнул и закашлялся. Туман царапался, проникая в легкие, опалял все внутри...

– Да ты еще жив, мой юный друг, – с удивлением отметил окруживший его туман голосом Огюста. – Какой неожиданный подарок мне преподнесли. После такого даже в богов поверишь.

Мортен хотел было ответить, но сил практически не осталось. Самоуверенный глупец, решивший, что свобода выбора что-то значит для его собеседника, получал свое наказание.

Холодные пальцы прикоснулись к его вискам, помассировали, словно приноравливаясь, а после их обоих поглотило темное пламя перехода.

Ответ 7. Цена желаний

– Я не справлюсь сам.

Лорвин вынырнул прямо перед госпожой и опустился на одно колено. Он избегал смотреть на Ани-Арли с того самого момента, как сообщил ей о состоявшейся церемонии. Несмотря на довольно мурчащего котенка, словно так и не сошедшего с рук хозяйки, полуэльф прекрасно знал, что видимая беспечность госпожи обманчива. Особенно сейчас, когда он явился доложить о провале.

– Продолжай.

Тонкие пальцы Хозяйки Замка провели меж острых ушек котенка, отчего тот блаженно прищурился, словно оторвавшийся от мага дар волновали лишь ласкающие его руки.

– Он вошел в Город, – хрипло, прекрасно осознавая, что это могут быть его последние слова, признался Лорвин.

– Город... – медленно повторила Ани-Арли, и по ее лицу от и без того бездонных глаз словно разошлись трещины. Более это лицо нельзя было назвать ни красивым, ни привлекательным.

– Мя-я-яу! – взвыл дурным голосом котенок, когда в него впились пальцы хозяйки.

Ани вздрогнула, ссадила Нема на стол, и вся ее фигура подернулась мраком, на который стремительно распадалось воплощение.

– Что с ним? – прошептала темнота.

– Он еще жив, но... Там был заперт ваш пленник. Вы запретили нам входить в Город. Но не запретили *ему*.

Лорвин пошатнулся, едва не сбитый с ног хлынувшей в сторону запретного места силой, в которой полностью, без остатка, растворилась его госпожа. Или напротив – вернула свой истинный, первозданный облик.

Снег падал с затянутого серыми тучами неба. Крупные хлопья кружились, подхваченные ветром, то взлетая, то срываясь вниз, а то и вовсе опускаясь на лицо лежавшего на земле человека. Ложились на щеки, застывали причудливо на ресницах и... не таяли.

Мортен вздрогнул, приходя в себя, и торопливо поднялся, сбрасывая успевший припорошить его снег. И замер в нерешительности, замороженно глядя на оставшиеся на пальцах снежинки. А новые вестницы зимы все опускались ему на ладони.

– Очнулся? – знакомый голос прозвучал устало.

Мортен обернулся, скидывая на землю снег, и отступил на шаг, словно расстояние могло помешать его собеседнику вновь напасть.

Огюст сидел невдалеке, так же задумчиво рассматривая снег и простиравшуюся во все стороны белизну.

– Не беспокойся. Здесь у меня уже нет причин тебя убивать, – заверил Огюст, поднимаясь. – Я получил, что хотел. Пусть и весьма неожиданным образом.

– Что это за место? – Мортен пытался припомнить все, что знал о Лабиринте, но так далеко его познания не простирались. Или же это место просто умело меняться. – Сад иллюзий?

– Верно. Верхняя часть Лабиринта. То место, куда меня бы ни за что не пустили, но... пустили. – Огюст усмехнулся. – И я бы рискнул занять твое место, мальчик, но, боюсь, она не оценит.

Он бросил быстрый взгляд куда-то поверх головы Мортена, но, даже обернувшись, тот не смог разглядеть знакомый силуэт. Один лишь снег, круживший над их головами.

– Идем, я провожу тебя к выходу. Уважу Хозяйку, раз уж она пошла на такие уступки. – Огюст подошел ближе, попытался было хлопнуть Мортена по плечу, но тот отшатнулся. – Как невежливо, юноша. Но, впрочем, не мне судить о вашем воспитании. Если ее все устраивает...

– Я останусь, – покачал головой Мортен, не сводя пристального взгляда с довольного собой собеседника.

– Не боишься застрять тут навечно? – вздернул брови Огюст. – Не самое приятное местечко. Стоит мне уйти – и иллюзии изменятся. Подумай еще раз, хочешь ли ты встретиться со своими страхами или утонуть в неосуществимых мечтах.

– Если этого требует возвращение в Лабиринт – я рискну.

– Какая преданность и глупость. – Огюст удостоил счастливчика тремя короткими хлопками, отдавая дань уважения его удивительной уверенности в себе. – Что ж, я поставлю за тебя свечу, Мортен Эншалт. За глупца, который идет против течения. И спрошу в

последний раз: проводить тебя к выходу? Без менталиста ты не найдешь пути обратно.

– Я остаюсь, – подтвердил свое решение Мортен. – Путь назад мне не нужен.

Взвыл недовольный ветер, бросив ему в лицо целый сноп колючих снежинок. Усмехнулся и развел руками собеседник, словно извинялся перед кем-то, а после Огюст ушел, более не оборачиваясь, твердой походкой человека, знающего, куда и зачем он идет. И в момент, когда фигура мужчины превратилась в темную кляксу на белоснежном полотне, мир снова изменился.

Мортен стоял посреди смутно знакомого холла. Сквозь широкие окна, утопленные в пол, проникал мягкий, бархатный свет закатного солнца. Он играл бликами на гладких, широких перилах уходящей вверх мраморной лестницы.

Мортен прикрыл глаза, спасая их от обжигающе ярких солнечных зайчиков. Обернулся, разглядев высокую, совсем не в человеческий рост дверь, уходящую высоко в потолок, словно паривший над всем. Едва ли широко раздвинутые стены могли удержать его на себе, но ни колонн, ни иных подпорок мужчина не видел. Зато слышал шаги. Торопливые, легкие шаги спешащего человека, практически не касающегося пятками пола. И звук все приближался.

Первым он разглядел ее платье цвета топленого молока, какие любила носить его матушка в юности. Леди Амелии удивительно шел этот оттенок, и девушке, сбегавшей вниз по лестнице, отчего-то тоже. Вишневый пояс подчеркивал ее талию, алый шелк удерживал волосы в повиновении, не давая хвосту улечься локонами.

И первое, что Мортен сделал, когда девушка бросилась к нему, стянул ленту с ее волос и крепко обнял. Она фыркнула, довольная таким ярким проявлением заботы, и, встав на цыпочки, поцеловала его в щеку. Быстро и аккуратно, будто у них были зрители.

– Ты вернулся! – В голосе Ани было столько неподдельной радости, что Мор не сдержал улыбки. И пусть сердце его разрывалось от боли, он не мог заставить себя отступить назад, разорвать объятия, оттолкнуть льнущую к нему девушку.

Кончиком большого пальца он провел по ее виску, скуле, шее. Нежная кожа, какую он помнил, была теплой, как у человека.

– Я ждала тебя так долго, – с укором протянула девушка, проворачиваясь в его объятиях и давая возможность притянуть себя ближе, обнять за талию и положить голову ей на плечо, вдыхая практически незаметный аромат цветов граната. Как в его памяти о леди Амелии.

Последняя мысль заставила Мортена поморщиться, и с трудом, но он все же смог разжать сжимавшие Ани руки.

– Что-то не так? – Девушка обернулась и обеспокоенно заглянула в помрачневшие глаза мужчины. – Мор, что я сделала не так?

– Все так, – тихо отозвался он, отстраняясь. – Так, как я бы хотел, чтобы было.

– Значит, ты счастлив? – расплылась в довольной улыбке собеседница и сделала шаг к мужчине, но тот отступил, сохраняя расстояние между ними. – Почему ты не хочешь меня обнять? Я ждала тебя...

На глазах у девушки выступили слезы, и Мортен едва не шагнул вперед, желая утешить. Пожалуй, он не смог бы сдержаться, если бы не довольный блеск, появившийся во взгляде собеседницы, едва он подался вперед.

– Мне жаль, но я должен вас оставить, – не скрывая тоски, признался Мортен и направился к выходу из ненастоящего Замка. Увы, он не мог заставить себя не оборачиваться.

– Почему, Мор? – Девушка бросилась за ним, но больше не делала попыток прикоснуться. – Разве я недостаточно хороша? Разве ты не хочешь, чтобы я была такой?

Девушка развела руки в стороны, словно демонстрируя, насколько она хороша. Красивая, милая, покладистая, заботливая и верная, так долго ожидавшая его возвращения... Пухлые губки, каких никогда не было ни у одного известного ему воплощения его госпожи, призывно раскрылись, но Мортен лишь покачал головой, отвергая безмолвное предложение.

– Не хочу. – Он остановился и бросил последний взгляд на начавший разрушаться иллюзорный Замок. Первыми исчезли блики света. И, будто в ответ на его волевое решение, небо стало стремительно темнеть. – Она другая. Не покладистая пансионерка, не заботливая мать, не хранительница очага, не непритязательная любовница. И я могу сколько угодно сожалеть о своих несбывшихся

мечтах, но я уже выбрал. Ее, а не свои представления об идеале. Исчезни, меня не прельщает воплощенная мечта, она слишком безжизненна.

– Дурак, в смерти нет жизни! – закричала... зашумел ветер, бивший его в лицо, пока он уходил из Замка.

– Есть, – прошептал Мортен, спускаясь по ступенькам растрескавшегося крыльца и глядя, как прямо перед ним вырастает простая деревянная калитка, какие ведут в уютные задние дворики, полные цветов и плодовых деревьев. – Есть, если жизнь без нее подобна смерти.

Никто не вышел его встретить. Впрочем, он и сам никого не ждал, стоя перед заветной дверью и не находя в себе сил сделать последний шаг. С сожалением вспомнил об исчезнувшем Йерге, жаждавшем добраться до ворот Закатного Замка и вползти на его территорию.

Хлопья пепла – все, что осталось от рассыпавшихся прахом иллюзий, – кружили вокруг замершего в одном шаге от исполнения желания мужчины. Его дыхание сбилось, стало рваным, будто не хватало воздуха, и, понимая, что каждая секунда промедления лишает его уверенности, как бы он ни убеждал себя в обратном, Мортен буквально ввалился на территорию Замка.

Здесь царствовал хаос, будто вырвавшаяся на свободу стихия задалась целью уничтожить любой порядок на подвластной ей территории. Изорванные в клочья цветы устилали некогда ухоженные дорожки. Лепестки, листья, шипы – месиво растительной массы разметалось по примятой, временами вырванной с корнем траве. Дальше было хуже. Высохшие деревья, в один миг потерявшие питавший их источник, прикрывались еще зеленой листвой. Пустой, без единой капли влаги пруд вызвал у Мортена приступ жалости, будто когда-то их что-то связывало. Он шел по усыпанной песком дорожке, чувствуя, как скрипит под ногами то, что осталось от камня.

Вот только стоило ему толкнуть дверь, разделявшую пространство Замка и мертвого сада, как его одиночество было нарушено.

Первым, чьего пристального взгляда он удостоился, был уже знакомый полуэльф. Лорвин стоял ближе всех к двери, прямо заступая ему дорогу. И от Мортена не укрылся ни кровотокащий, не заживающий порез на щеке Тени, ни осуждение, которое излучал

полуэльф. И тем удивительнее было то обстоятельство, что Лорвин отступил в сторону, освобождая ему путь.

Удивление. Недоверие. Облегчение. Надежда. Жалость. Презрение...

Казалось, в Замке собрались все Тени, чтобы проводить его. Куда? К новой-старой жизни или в последний путь – никто не мог знать наверняка. И он не знал, поднимаясь по уходящей ввысь лестнице, конца которой он не мог видеть. Ступеньки бежали под его ногами, но не могли привести его наверх, и Мортен остановился. Покачал головой и развернулся, устремляя свой взгляд на столпившихся у подножия лестницы Теней, и пошел спиной вперед.

Лорвин внизу покачал головой и отвернулся, уходя по своим делам. Его примеру последовали и остальные, но раньше, чем последний из слуг скрылся из виду, Мортен достиг последней ступеньки и решительно пошел вперед. В комнату без дверей, где в центре виднелась одинокая женская фигурка.

Она стояла спиной к нему. Непоколебимая, неподвижная, словно неживая. Ничто не дрогнуло в ее фигуре, ни когда он сделал шаг к ней, ни когда окликнул, растерявшись:

– Ани?..

Девушка промолчала, как замороженная глядя на черную мглу, захватившую небо над этим миром.

– Мне жаль, что заставил вас ждать, – начал было он, но девушка подняла руку, давая понять, что его оправдания неуместны. И Мортен смолк, остановив себя на полуслове. Не стала говорить и его собеседница.

– Мя-яу! – Сердитому возгласу вторил смачный шмяк, с которым котенок приземлился на пол и со всех своих разъезжающихся от нетерпения лап помчался к задумчивому магу. Запрыгнул ему на ботинок, а после, цепляясь острыми коготками, полез вверх, словно с пола не мог выразить свое презрение и разочарование новоприбывшим.

– Прости, мне немного не до тебя, – тихо извинился Мортен, пытаясь снять с себя котенка, но зарывшиеся в шерстку пальцы не находили холки, словно котенок оказался и вовсе не котенком, так – очередным клубком тьмы, что наполняли этот мир. Вот только прежде, чем окончательно вернуться в истинную форму и слиться со своим

хозяином, Нем толкнулся из всей своей некошачьей силы, заставляя глупого владельца обернуться. И, пусть ему не удалось развернуть Мортена, краем глаза тот все же успел ухватить силуэт, скрытый тенями. Тенями в погруженном во мрак Замке.

– Вероятно, у вас есть право здесь находиться и притворяться ею, – заметил Мортен, подходя ближе к игравшей роль девушке и заглядывая в ее лицо. Да, внешне они были практически идентичны, вот только в глазах незнакомки вместо сожаления и тоски, что он находил у Ани, были надежда и предвкушение. Впрочем, они тут же потухли, едва их взгляды встретились. Словно к девушке пришло мрачное осознание: награды не будет.

– Вернемся вместе... – Она предприняла последнюю попытку достучаться до вновь обретшего решимость Мортена, но он не дал даже себя коснуться.

– Уходи, но я останусь и дождусь *мою госпожу*.

– Иди, – вторил его словам шепот тьмы. И, поникнув, Миера ушла, присоединяясь к остальным Теням, ожидавшим исхода этой встречи.

– Моя госпожа... – Он обернулся к средоточию Теней. Каким-то чудом, не иначе, разбирая среди них знакомое лицо. – Ани...

Одно это слово, а может, его улыбка, обращенная к ней... Тьма сгустилась, обретая знакомые черты, искаженные маской отчаяния.

– Уходи, – прошептала девушка, отступая на шаг и пряча лицо в ладонях. – Все равно, что скажут остальные. Уходи! – Ее шепот был сродни крику. – Я тебя отпускаю! – Слова утонули во всхлипе, а сотрясающаяся фигурка в его объятиях. – Несмотря ни на что...

– Я больше не уйду, – придерживая ее за плечи, заглядывая в полные отчаяния глаза, пообещал Мортен. – Не уйду, несмотря ни на что.

Быстрый поцелуй в лоб, каким награждают детей, заставил Ани замереть от удивления.

– Это мое решение. Только мое. И вам придется с ним смириться, моя госпожа. – Мортен позволил себе улыбку, чувствуя ее замешательство. – Я остаюсь. Благодаря или вопреки вашей воле, но здесь, подле вас, мое место.

– А твоя свадьба?... – неуверенно напомнила Ани, боясь поверить в искренность чужих слов.

– Прощальный подарок. – Грустная улыбка тронула губы Мортена. – Большого я не смог бы сделать для их семьи. – И почти без перехода: – Ты меня простишь?

От этого «ты» Ани вздрогнула, как от признания.

– А ты меня?..

Она избегала смотреть на него, молясь, чтобы он соврал, или промолчал, или... Но жить в постоянном раскаянии наверняка хуже, чем с головной болью.

– Почти простил, – признался Мортен. Ани нахмурилась и не без осуждения посмотрела на собеседника. Ведь раньше он уже говорил ей о прощении, и вот... – Я готов простить тебе все за одну лишь малость.

Он склонился так низко, что задевал губами кончик ее уха.

– Все что угодно... – выдохнула девушка, растворяясь в серых глазах напротив.

Поцелуй получился на редкость мягким, очень осторожным, словно в первый раз. И так же закономерно перерос во второй, третий...

А небо менялось. Заблестели искорки звезд, расчерчивая темное полотно яркими бликами. Они срывались с места, проносились над головами притихших после прошедшего шторма обитателей Лабиринта, дарили надежду на исполнение заветного желания и под удивленными взглядами вновь взлетали вверх и взрывались тысячами осколков.

– Кажется, вот-вот в Замке наступит утро, – пробормотал себе под нос Лорвин, глядя на светопредставление в небе.

– Еще скажи, что не рад, – икнув, заметил... Иерг, разминая плечи и вздыхая над сломанным крылом. – Не мог меня аккуратнее нести?

– Не мог. – Голос полуэльфа заledenел.

– А выпустить к смертным? Я там быстро восстановлюсь. – Иерг соорудил просительную гримасу, но Лорвин не поддался.

– Попросишь у Морьена. Его самоуправство *она* готова терпеть.

Иерг завистливо причмокнул и... промолчал, загадав желание. Пусть и не заветное, но его исполнения низший очень бы желал. Покосился на полуэльфа и, спрыгнув со стола, на который его посадил Тень, занимаясь переломом, прошлепал босыми пятками к окну, где звездопад начал сменяться первыми мазками рассветной кисти.

Его хватились на удивление нескоро.

Аркант, не посмевающий оставить друга одного, пусть даже тот и не собирался возвращаться, ждал до последнего. До последнего вздоха, с которым погасла жизнь в более ненужном теле.

– Надеюсь, ты добился, чего хотел, – покачал головой магистр и, заметив проступившую в последний момент на устах друга улыбку, хмыкнул: – Конечно, добился. Она ведь на твоей стороне.

– Входи, – бросил он кузине, чувствуя ее нерешительность. Трина мялась в дверях, не в силах заставить себя переступить порог и взглянуть собственными глазами. – Ты ему уже не помешаешь.

– Мортен?..

– Ушел к той, кого действительно любит, – не щадя чувств новобрачной, заметил Аркант. – Едва ли для тебя это стало откровением.

– Но... Разве можно любить?.. – она не нашла слов достаточно почтительных, но в то же время и отражавших бы ее недоумение.

– Можно, – тихо, словно слова были предназначены ему самому, признался Аркант. – Любовь не знает границ, но мало кто готов расстаться со своими оковами.

– Брат, – позвала Трина, подходя ближе и касаясь плеча старшего. Взъерошила его волосы, отступила, когда он привычно поморщился, приглаживая пряди.

– Когда ты уезжаешь?

– Через две недели. Поездку отложили из-за моей свадьбы...

– Теперь нет смысла ждать. Я потороплю их. Куда ты хотела?..

– В Азарлен... – Трина в недоумении посмотрела на брата. – О чем ты думаешь?

– О долгах, – усмехнулся Аркант. – Долг друга я отдал, остался долг брата. А когда ты уедешь – не останется ни одного.

– А академия?

– Обойдется и без меня. В мире хватает темных, кто бы смог меня заменить, но отдавать им свою жизнь я более не намерен.

Аркант поднялся на ноги и, бросив последний взгляд на друга, позвал:

– Идем, скоро здесь будет не протолкнуться от родственников. – Темный ухватил кузину за запястье свободной руки. В другой она уже

держала игрушку. – Оставь. Она принадлежала ему.

Девушка повиновалась. Разве что вместо того, чтобы бросить зайца, положила его мужу под бок.

Они поднимались по лестнице. Чужие встревоженные голоса становились ближе, и Трина нервничала все сильнее.

– Обещай мне, что не последуешь его примеру, – потребовала она, наконец сорвавшись и больно сдавив чужое запястье.

– Обещаю, – кивнул он. – Я слишком люблю жизнь и не готов променять этот мир даже на Закатный Замок. Особенно когда там уже есть он.

Последних слов Трина не услышала, обрадованная обещанием. Облегчение румянцем отразилось на ее щеках, и она приказала:

– Иди. Дальше я сама справлюсь. Пусть я и была женой так недолго, но свои обязанности должна исполнить.

Аркант наградил ее долгим, тяжелым взглядом, но согласился. В конце концов, она действительно была женой Мортена, и именно ей предстояло, как поздравления часом ранее, теперь принимать совсем иные слова. А вот то, что осталось неизменным, так это жалость и сочувствие, коими вновь будут полны глаза их друзей и знакомых.

– Не возвращайся в империю, – посоветовал магистр, глядя, как с прямой спиной уходит к гостям его кузина.

Она обернулась и, наградив его слабой улыбкой, кивнула:

– И не собиралась. Если тебя здесь не будет – не будет и для меня причин возвращаться. У всего есть цена, и мы ее заплатили сполна.

Эпилог

Он держал ее за руку, сплетая их пальцы и глядя на застывший над Лабиринтами рассвет. Бледно-желтый, словно нарисованный рукой несмелого художника, боявшегося испортить все чересчур уверенным нажатием кисти. Лишь кое-где, окрашивая вершины гор, мелькали яркие, оранжевые пятна.

– Закат к нам не вернется? – тихо спросил Морьен, обнимая Ани за талию и зарываясь носом в ее волосы.

– Закат довлел над Замком вечность. Пора бы ему уйти на покой, – хмыкнула девушка, чувствуя спиной тепло своего избранника. – Или он тебе нравился?

– Я не помню, – с наигранным разочарованием признался Морьен и чмокнул в нос вмиг опечалившуюся девушку.

– Я покажу тебе, – словно решившись на что-то, тихо сказала Ани и, привстав на цыпочки, потянулась к мужчине. Легко коснулась его губ, чувствуя, как он подается навстречу, углубила поцелуй и... отдалась пучине собственной памяти.

«Смотри», – прошептала их общая тьма, и Морьен утонул в чужих воспоминаниях.

Он видел их первую встречу, первую вспышку гнева своей госпожи, чувствовал ее растерянность и гнев, а после боль, пронзавшую сердце всякий раз, как она думала, что украла его жизнь. И, вторя ее воспоминаниям, его душила тоска и отчаяние, он захлебывался мучительной радостью и оплакивал их разлуку. И где-то вдалеке, на самом краю ее воспоминаний, он видел чужое, но знакомое лицо.

«Не обижай ее», – просил уходивший к последним Вратам, по ту сторону Замка, человек. Тот, кто знал их обоих. Тот, из-за кого они оказались вместе.

– Никогда.